

★ КРАЙ ГАЛАКТИКИ ★

АВАРИЙНЫЙ ГУБЕРНАТОР

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ИРЭН РУДКЕВИЧ

Алексей Елисеев
Ирэн Рудкевич
Край Галактики.
Аварийный Губернатор
Серия «Край Галактики.
Аварийный Губернатор», книга 1

<https://litres.ru/74200612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если вас назначат губернатором? Мечта же.

А что если назначат губернатором целой планеты? Ещё лучше!

А если это уничтоженная орбитальными бобардировками промышленная планета на окраине Империи, которую поделили между собой бандиты и продажные чиновники? Уже сомнительно, да?

До меня здесь были двенадцать губернаторов. И все двенадцать провалили дело и были казнены.

Теперь губернаторский мандат у меня, и отказаться от него я не могу. Империя требует почти невыполнимый план поставок. Не успею – стану тринадцатым.

С первого же дня всё идёт не так. Не успел я покинуть Гармонию – местную столицу, – как ко мне пришёл первый

проситель. Если я ему не помогу, то моя губернаторская власть так и останется строкой в архиве. А если соглашусь, то мне придётся пойти против установленных правил.

Но здесь губернатором становится не послушный болванчик на побегушках у бюрократов. Губернатором становится тот, чьи приказы выполняют, причём не за страх, а за совесть.

Осталось только этого добиться.

Содержание

Глава 1. Здесь трудно просто не сдохнуть	6
Глава 2. Прорвёмся... наверное...	20
Глава 3. Пуй	33
Глава 4. Пятый разряд, шпага и скверный характер	51
Глава 5. Неожиданное доверие	64
Глава 6. Шестнадцать игл и одно решение	79
Глава 7. Двенадцать погибших и четырнадцать спасённых	94
Глава 8. Патэль Седьможил	109
Глава 9. Забота Империи	123
Глава 10. Споры о сервантах	137
Глава 11. 8 часов здорового сна, зинданы и первая зацепка	151
Глава 12. Там и звездолёт можно спрятать	165
Глава 13. Три красные полосы на ржавом контейнере	179
Глава 14. Сокровищница старья. Очень полезного старья	192
Глава 15. Катакомбы Старой Империи	205
Глава 16. Печь	219
Глава 17. Первый слиток	233
Глава 18. Планы на будущее	247

Глава 19. Ни одного разбитого гравибайка	260
Глава 20. Ферма	274
Конец ознакомительного фрагмента.	285

Ирэн Рудкевич, Алексей Елисеев Край Галактики. Аварийный Губернатор

Глава 1. Здесь трудно просто не сдохнуть

Криптопечать Имперской Колониальной Администрации выдали мне перед посадкой в челнок вместе с временным мандатом, допусками, формой и набором прав — по документам я на тот момент уже считался губернатором Пачук-9. На борту челнока лейтенант колониальной космической пехоты Этони Бакто сухо зачитал приказ о моём назначении, а архив показал список из моих предшественников, где в конце каждого личного дела стояла одна и та же короткая отметка.

Казнён.

Казнён.

Казнён.

И так двенадцать раз подряд. Ровно по числу моих предшественников. Словно в центральной канцелярии Импер-

ской Колониальной Администрации давно перестали считать губернаторов Пачук-9 и просто завели для них отдельную строку в расходных ведомостях.

К печати и временному мандату прилагалась ещё одна радость, о которой Этони Бакто, читая приказ, упомянул вскользь, как о сменной батарее к фонарю — управляющая нейросеть губернаторского профиля.

В базовой комплектации у каждого искусственника имелся нейрошунт — наши тела появлялись на этом свете сразу с ним. Эдакий адаптер-переходник между нервной системой живого существа из плоти и крови и техникой с нейролинком. Полезная штука, если надо подключиться к машине, пройти какое-нибудь обучение, отдавать команды технике или не выглядеть полным дикарём среди лубасири, которые ко всему этому привыкли с детства.

Однако губернаторская нейросеть была совсем другим делом.

Её мне установили уже после назначения. Насколько я понял, она была старая, если не сказать древняя, и выдали мне её по аварийному протоколу. По документам нейросеть должна была обеспечивать подпись приказов, доступ к закрытым каналам Колониальной Администрации, связь со служебными платформами, приём отчётов и работу с местными реестрами, ну и всё остальное что должна делать нейросеть.

Кибернетически имплантированная колония наномашин,

на секундочку, устанавливаемая непосредственно под черепную коробку. Что-то вроде миниатюрного, но мощного компьютера, соединённого с корой головного мозга. В цивилизованном космосе очень сложно получить образование или найти сколько-нибудь престижную работу, не обладая нейросетью. И получить пусть и устаревшую, но губернаторскую нейросеть для искусственника было настоящей удачей... если бы к этой удаче не прилагалась перспектива быть казненным через пару лет.

Операция выглядела как инъекция, с помощью которой вводились наномашинки. А те уже, в свою очередь, доставляли имеющиеся и выстраивали новые нейронные связи в мозге. После установки нейросеть заменяла и телефон, и компьютер, и электронный кошелек, и цифровую подпись, и диктофон, и телевизор, и модем, и даже музыкальный проигрыватель.

Ощущения после разгонки собственного мозга сложно описать. Больше всего это похоже на то, как кто-то подошёл и протёр десятилетиями копившуюся пыль с экрана цветного телевизора и включил громкость. Собственный разогнанный мозг позволял замечать массу мелочей, которые раньше прошли бы мимо внимания, скорость и ясность мысли заволаживали. Значительно улучшилась память.

Но про то, что меня казнят в случае провала, я бы помнил и без неё.

Одним словом, ничего сверхординарного для Империи

Лубасири. Просто внутренний терминал для чиновника, которому некогда таскать за собой десять планшетов и штат писарей.

В инструкции было сказано, что новые версии имплантов для взаимодействия с современной техникой с моей версией нейросети несовместимы. Но если принять как данность, что после ковровых орбитальных бомбардировок на поверхности Пачук-9 попросту не сохранилось ничего, что хотя бы отдалённо могло напоминать современные служебные, промышленные или добывающие платформы, то горевать особо было не о чем. Поэтому я не придавал этому факту особого значения.

В конце концов, в Империи Лубасири и до меня любили ставить подданным под череп сложные и не самые проверенные устройства, а потом делать вид, что это не повод нервничать.

Полных гражданских прав ко всем моим полномочиям мне, естественно, никто не подарил. Просто выдали аварийный служебный мандат, криптопечать, пароли, доступы, право подписывать приказы и право быть казнённым за срыв плана поставок ресурсов в метрополию — который, кстати, не раз был сорван ещё до меня и моих предшественников. В Империи Лубасири очень хорошо умели называть цепи полномочиями, а строгий ошейник на шее — административной мерой.

С моим новым именем и фамилией получилось примерно

так же коряво и скомкано. После пробуждения в новом теле искусственника, когда голова шла кругом, а чужие мышцы слушались так, будто их одолжили у давно окоченевшего покойника, регистрационный блок сразу потребовал у меня имя. Я не стал играть в белорусского партизана на допросе в гестапо и сказал, что родители назвали Ромой. Далее потребовалось моё родовое имя, что несколько обескуражило. Формулировка странная. Родовое имя... Сам собой вырвался вопрос:

— Родовое имя?.. Ты из леса вышел?

Куб оформления проглотил часть звуков, пережевал их, служебная программа сверилась с фонетическим шаблоном лубасири, усталый оператор АИКА, если он не переложил свои обязанности на искинта, не захотел вручную разбирать бормотание свежего искусственника и вывел в карточку новое имя — короткое, удобное и пригодное для имперского делопоризводства.

Так я стал Рэмом Лисовым. Что сказать? Приятно познаться...

Хотя бы звучало вполне по земному — остальные искусственники с потока были лишены и этого. Можно ли было исправить неточность? Конечно! Но исправление требовало отдельного прошения, солидной пошлины в имперских дукатах и трёх недель ожидания. Три недели у меня были, а вот имперских дукатов не водилось — в этой странной новой жизни меня успели лишить почти всего, кроме памяти, дур-

ного характера и привычки спорить с очевидной глупостью.

Слово «гоп» в Империи тоже имело немного иное значение, чем на Земле. Дома оно ассоциировалось с подъездом, спортивками, семечками и мелкой дворовой шпаной. А здесь просто означало разумное существо, поражённое в гражданских правах (или гоп в просторечии) — удобный материал для службы, колонизации и чужих аварийных протоколов. Из таких, как я, Империя делала полезные живые инструменты. Потом, правда, удивлялась, когда инструменты внезапно отказывали. Но это потом.

Но настоящим губернатором Пачук-9 я почувствовал себя только спустя пару недель, когда у моих сапог встал на колени худой лубасири из шахтёрской общины и, не поднимая лица, хрипло произнёс:

— На Пачук-9 трудно уже не жить, губернатор. Тут трудно просто не сдохнуть...

Я посмотрел на свои сапоги и понял, что не зря утром ругался на местную пыль.

Сапоги были новые, имперские, выданные после выпуска из АИКА (Академии Имперской Колониальной Администрации) вместе с формой ИКА (Имперской Колониальной Администрации), удостоверением, временным мандатом, палашом и прочей красивой дрянью, которая должна была визуально сделать из меня должностное лицо. На Земле я бы к таким сапогам сперва долго приценивался, потом бы матерился, а потом всё равно купил бы что-нибудь поде-

шевле — потому что нормальный человек в своём уме не отдаст несколько месячных зарплат за обувь, если только не собирается этой обувью кого-нибудь впечатлять.

Тёмные, тяжёлые, идеально подогнанные под новое тело, сапоги прекрасно впечатлили стоявшего на коленях лубасири, для которого цена такой пары исчислялась даже не кредитами, а пайками, сменами в шахте, мешками сырой руды и сорванной спиной.

Пыль забилась в швы, легла на носки, въелась в складки у подошвы — я заметил её только потому, что посланник смотрел именно туда. Поднять взгляд на моё лицо он откровенно не решался — вся власть Империи, Колониальной Администрации и лично моя дурацкая биография для него собрались в двух кусках дорогого армированного материала.

В голове неприятно шевельнулась старая земная память. Подъезд. Лестничная клетка. Разбитый бетон крыльца. Мужик в телогрейке сидит возле чужой машины и просит: «Брат, выручи до завтра». А ты уже понимаешь, что завтра у него давно закончилось.

Я дал ему тысячу, посчитав, что этого барского жеста будет достаточно. А через три дня его нашли в мусорном баке. С той самой тысячей рублей в кармане.

Здесь вместо подъезда была планета Пачук-9, вместо машины — губернаторская печать, а вместо «выручи» — коленнопреклонная поза представителя шахтёрской общины, заранее наученной платить сильным за то, чтобы её сегодня

не истребили.

— Встань, — приказал я.

Лубасири дёрнулся так, будто я не слово произнёс, а ударил его по пальцам каблуком.

— Но губернатор...

— Я сказал, встань. Не заставляй меня повторять свои приказы дважды.

Он поднялся не сразу. Сначала ладони отлипли от пола, оставив на сером покрытии два тёмных следа от пота и грязи, потом он упёрся этими же ладонями в колени и медленно, тяжело выпрямился так, словно это движение требовало от него особых усилий.

Ростом он был чуть выше меня, как почти все лубасири, только сейчас это ничего не значило. Узкие плечи, вытянутая шея, синеватая кожа с серым налётом рудной пыли, впалые щёки, чрезмерно длинные уши, характерные для сервоф, старая рабочая куртка с прожжённым рукавом — он стоял передо мной и всё равно держался так, будто пол под ним имел больше прав, чем он сам.

Годы в шахтах на Пачук-9 это тебе не сахарные петушки сосать, это любого научит покорности.

— Теперь говори нормально, — велел я. — Кто ты, откуда, кто вам угрожает и, самое главное, сколько времени у нас осталось.

Он сглотнул.

— Меня зовут Патэль, господин губернатор. Я из шах-

тёрской общины у старого южного отвала. Мы добываем руду вручную, в старых выработках. Там ещё до войны стояли промышленные добывающие линии. Механизмы давно мертвы, рельсы погнуты, подъёмники ходят через раз, зато руда осталась, и мы добываем её, сколько можем. А можем немного, потому что приходится работать вручную.

Он говорил всё быстрее, будто боялся, что я передумаю слушать. Я поднял ладонь, не давая ему окончательно сорваться в жалобный отчёт.

— Так... Не тараторь. Рассказывай по делу. Мне нужна не справка по Пачук-9. То, что у вас здесь всё плохо, я уже давно понял. Начни с общей картины. Что произошло?

— Тесак, — выдавил Патэль. — Вернее, его люди. Они пришли два дня назад. Сначала перебили нашу внешнюю смену, потом вошли в лагерь и потребовали двойную долю с каждой партии руды. Мы уже платили им за проход караванов, за воду на северной дороге и за то, чтобы они не трогали женщин у промывочных ям...

— И? — подбодрил я.

— Теперь им стало мало, ваше превосходительство. Они хотят больше.

Лейтенант колониальной космопехоты Этони Бакто молча стоял у стены справа от двери. Я уловил боковым зрением, как пальцы у него едва заметно сжались. Значит, происходящее, хоть и оставляло во мне изрядное ощущение сюрреализма, но не было ни байкой, ни попыткой выбить из нового

губернатора бесплатную пайку за слезливую историю. Это-ни знал, о чём речь. Или слышал о подобных ситуациях достаточно, чтобы отреагировать даже против воли. Интересно даже, эту мелочь я бы подметил раньше? В смысле до того, как мне поставили административную нейросеть. Думаю, что заметил бы точно, но вот сумел бы обработать между делом поступившую в мозг информацию — вопрос.

— Продолжай, — велел я.

— Старшие кланов... из них состоит Совет, управляющий нашей общиной, отказались, — он вскинул грязные руки в останавливающем жесте. — Нет-нет, не подумайте, никаких грубых отказов! Просто мы попытались торговаться. Сказали, что двойную долю мы не вытянем, потому что зимой люди начнут падать без сил прямо в штреках. Тогда бандиты Тесака приказали вывести всех на площадь перед дробилкой...

— Что было дальше? — уточнил я, уже понимая, что ничего хорошего.

— Двоих детей застрелили на глазах у матерей, ваше превосходительство.

Патэль произнёс это ровно. Слишком ровно. Только губы у него побелели, а пальцы вцепились в край старой куртки так, что ткань пошла складками.

У меня в груди заныло. Поднялась злая тоска, знакомая ещё по Земле, когда видишь, как сильный бьёт слабого просто потому, что может, а весь двор срочно смотрит в другую

сторону.

Только здесь двором была планета, сильный звался Тесакком, а слабый добывал руду, потому что без шахты у него из выбора оставалась только смерть.

— Скольких увели? — спросил я, догадавшись, что убийством детей дело не закончилось.

— Семнадцать. Пятерых мужчин, восемь женщин, четырёх подростков. Сказали, что вернут, если мы за три дня соберём новую долю, старый долг и штраф за непочтительность. Если не соберём, отправят их нам по частям.

За стеной шумел лагерь. Гудели генераторы, лязгали крепления, переговаривались техники, проходили по тренировочному маршруту тяжёлые служебные платформы. Я слышал всё это краем уха, но рабочий шум вдруг ушёл куда-то в сторону. В кабинете словно остались только Патэль, его впалое лицо, мои испорченные пылью сапоги и стремительно утекающее время.

— В отделение Колониальной Администрации ходили? — спросил я.

Патэль опустил взгляд.

Вот теперь началось интересное.

— Ходили...

— И?

— Там приняли прошение. Поставили отметку. Сказали ждать решения по линии безопасности.

Я повернул голову к Этони. Тот не стал изображать удив-

ление или оправдываться. Я мог бы его зауважать за такое, если бы прямо сейчас не хотел встать и двинуть кому-нибудь по зубам планшетом, зажатым в руках у лейтенанта.

— Решение пришло? — спросил я у Патэля.

— Да... Почти сразу. Нам рекомендовали усилить внутреннюю охрану, сократить внешние перемещения и, по возможности, избегать провокаций против незаконных вооружённых групп.

Я медленно вдохнул.

— Избегать провокаций? — повторил я. — То есть двоих детей убили при всех, людей увели, а вам посоветовали их не провоцировать?

— Да, губернатор.

— А ко мне почему сразу не пришли?

Патэль поднял голову. Взгляд у него был мутный от недосыпа и дороги, но в глубине этой мутности мелькнуло нечто очень неприятное. Не ненависть, даже. Хуже.

Привычка.

— Вы только недавно прибыли. Мы не знали, можно ли...

Он замялся, и я прекрасно понял, какое слово он проглотил.

Можно ли считать меня настоящим губернатором, а не марионеткой. Гопа, а не полноправного лубасири, занимавшего эту должность до меня. Да ещё и искусственника.

Я усмехнулся, хотя веселья во мне было меньше, чем чистой воды в его шахтёрском бараке.

— Нормально. Договаривай. Не знали, можно ли считать меня губернатором, потому что до меня тут уже двенадцать раз привозили красивого лубасири с печатью, а потом его выносили ногами вперёд или увозили под конвоем?

Этони чуть заметно поморщился. Патэль застыл.

— Не бойся, я тоже смотрел личные дела предыдущих губернаторов, — сказал я. — Прекрасное чтение перед сном. Особенно если сон не нужен.

Я откинулся на спинку стула и на секунду прикрыл глаза. Всё складывалось.

Меня год обучали в АИКА. Вдалбливали протоколы, законы, управление колониальными территориями, структуру поставок, кризисные режимы, методы переговоров с местными элитами, безопасность, налоги, производство, снабжение, аварийные полномочия и ещё сотню способов сделать вид, будто Империя умеет держать свои фронтиры под контролем. Потом мне дали персональный курс губернатора Колониальной Администрации, и я, дурак радостный, решил, что блестяще сдал экзамены и вытянул счастливый билет.

Ага. Счастливый.

Пачук-9 был не билетом, а гранатой без чеки, которую торжественно выдали мне под расписку «удержать или подохнуть».

— Что вы можете дать за помощь? — спросил я.

Патэль сразу ожил, и это было мерзко, потому что он ждал именно этого вопроса. Он знал, как разговаривать с властью.

Знал, где вход, где выход, куда класть плату и в какой момент снова падать на колени.

— Руду. Людей. Рабочие руки. Мы можем два года отдавать вам долю больше прежней, можем строить, копать, носить, чинить. Всё, что скажете. Только вытащите наших.

— Стоп.

Он замолчал.

— Ещё раз, — сказал я тише. — Ты пришёл ко мне просить защиты от банды, которая берёт с вас долю, и предлагаешь мне самому стать бандой, только в форме ИКА и с губернаторским мандатом?

Патэль побледнел. На лубасири это выглядело странно — синеватая кожа уходила в серый цвет, словно из человека вымывали остатки крови.

— Нет, губернатор, я не это...

— Именно это.

Он снова начал опускаться. Я увидел, как у него подогнулись колени, как ладони пошли вниз, к полу, как всё тело само вспомнило правильную позу перед тем, у кого есть сила. И тут меня коротко и зло передёрнуло.

Я резко подался вперёд, и Патэль замер, решив, что сейчас получит удар. Но вместо удара я шагнул к нему, поймал за плечи и рывком поставил прямо.

Глава 2. Прорвёмся... наверное...

— Не ползай.

Он моргнул.

— Губернатор?..

— Слышишь, что говорю? Не ползай. Ни передо мной, ни перед Этони, ни перед моими дроидами — ни перед кем. Если твоя община встаёт под мою руку, вы платите мне налог с добычи. Работаете на совесть, подчиняетесь моим приказам, соблюдаете дисциплину, а остальное оставляете себе. Я предложу вам губернаторский контракт и выкуплю всё по честной цене за дукаты. Ясно? Но я не продаю защиту за лбы, разбитые о пол.

Он смотрел на меня так, будто я говорил на незнакомом ему языке. Хотя так оно для него и было, пожалуй — на Пачук-9 нормальная власть, исповедующая закон и порядок, а не бандитскую вседозволенность, давно стала чем-то далёким и почти нереальным.

— За дукаты... Вы поможете нам? — осторожно спросил он, словно до сих пор не мог поверить моим словам.

— Я отобью ваших людей у Тесака, если они ещё живы. Потом выведу вашу общину из-под его руки. После этого вы будете работать на моей территории и по моим правилам. Но помогу я вам не по доброте, а только потому, что мёртвые шахтёры не добывают руду, голодные ломаются быстрее,

чем их инструмент, а губернатор, который не может защитить тех, кто признал его власть, сам должен как можно быстрее лечь в цинковый ящик и экономить всем время и ресурсы.

Патэль задышал часто и с хрипом, будто только что пробежал длинную, вымотавшую его дистанцию. Я отпустил его плечи и почувствовал, что пальцы слегка дрожат. Новое тело было крепким, свежим, собранным по технологиям, о которых на Земле даже врать в рекламе было бы неприлично, но психоматрица внутри оставалась моя. Земная. И она очень плохо переносила людей, которые так откровенно пресмыкаются и показательно раболепствуют.

— Унц, — произнёс я, не оборачиваясь, — ты всё записал?

За моей спиной раздался ответ моего дроида-секретаря.

— Разумеется, губернатор, — прозвучал его ровный синтетический голос. — Записал ваше устное обязательство оказать вооружённую помощь шахтёрской общине, принять её под административную защиту и изменить схему подчинения указанной группы населения. Также отмечаю, что вы существенно увеличили нагрузку на систему управления, силовые ресурсы, снабжение и критично повысили вероятность собственной преждевременной смерти.

Патэль вздрогнул, только сейчас заметив дроида у левой стены.

Сервант-17Уни стоял там с неподвижностью, которую жи-

вой человек не может удерживать даже в течение всего пары минут. Машина на это способна, и единственное, что может ей помешать, это закончившееся терпение у окружающих.

Ростом сервант был немного ниже меня, его манипуляторы неподвижно замерли вдоль боков широкоплечего, лишённого излишеств корпуса, а сенсорный блок был направлен на нас. При первом знакомстве Унц представился как универсальный личный ординарец, после чего я честно попытался повторить это словосочетание вслух, понял, что на третьем слове начинаю ненавидеть язык, Империю и собственную должность, а потом сократил его до Унца.

Унц принял новое имя без возражений, чем сразу доказал, что интеллект у него имеется, потому что спорить с человеком, которому только что выдали расстрельную должность — это не логика, а откровенное самовредительство.

— Спасибо, родной, — хмыкнул я. — Без тебя я бы ни за что не догадался, что спасательная операция увеличивает риск моей смерти.

— Моя функция состоит в том, чтобы формулировать очевидное до того, как оно убьёт моего владельца.

— Вот за это нормальные люди дроидов и не любят.

— Нормальные люди, губернатор, статистически часто погибают именно из-за нелюбви к точным формулировкам.

Патэль переводил взгляд с меня на Унца и обратно. В его представлении власть, кажется, окончательно поехала головой, потому что губернатор вместо того, чтобы отдавать при-

казы своему личному дроиду, спорил с ним как с вредным соседом по коммуналке.

И правильно. Власть здесь теперь я, хотя бы на какое-то время. Так что пусть привыкает.

— Этони? — позвал я.

Офицер оттолкнулся плечом от стены и подошёл ближе. Его движения выглядели привычно экономными, как у человека, заслужившего звание отнюдь не в тылу. Он весь был какой-то сухой, собранный, с лицом, на котором служба Империи давно выжгла желание удивляться чему угодно. На Пачук-9 такие люди, как он, либо становились самыми полезными, либо быстро превращались в ещё одну строчку в таблице отчёта о потерях. Тут уж кому как везло.

— Ваше превосходительство? — довольно едко отозвался он.

— Что скажешь? — не обратил я внимания на его выпад.

Он посмотрел на Патэля, потом на меня, потом на Унца. Причём на последнего так, словно проверял, не начнёт ли машина снова вслух портить всем настроение.

— Если коротко, решение опасное.

— А если не коротко, а обстоятельно?

— Тогда ещё хуже. Мы не знаем численность банды Тесака, их вооружение, лагерь, маршруты отхода, связи с другими группами и покупателями руды. Не знаем, живы ли пленники, не является ли просьба приманкой — хотя по виду просителя я лично оценил бы такую вероятность как невысо-

кую. У нас недостаточно сил, мало времени и слишком много других задач. А если мы начнём отвечать на каждую такую просьбу, завтра у ворот будут стоять в очереди ещё десять общин, которые нам же и придётся защищать.

— И все будут смотреть, не сдулся ли новый губернатор, — усмехнулся я. — Вот только есть проблема. Защищать их и есть наша задача.

Этони кивнул.

— Именно. Не спору, но вы должны понимать, что если поможете одним, придётся либо так же отнестись и ко всем. Либо же объяснить, почему их очередь наступит позже, хотя это уже очень плохой вариант — задержка может быть расценена как отказ, и слух об этом разойдётся ещё быстрее, чем слух о том, что вы готовы помогать здешним общинам оборванцев.

— То есть в любом случае может получиться плохо.

— В обычном смысле — да, — немного уклончиво подтвердил Этони.

— А в необычном?

Лейтенант помедлил, обдумывая ответ. Мне понравилось, что он не полез сразу в готовую формулу. Хороший служака просто обязан думать, прежде чем сказать фразу, за которую потом придётся отвечать головой и, возможно, не только своей, но и всем составом вверенного подразделения.

— В необычном смысле это шанс, ваше превосходительство, — произнёс он, наконец. — Рискованный, кровавый,

возможно, плохо организованный. Но шанс заслужить определённую репутацию. Кроме того, если ударим быстро, внезапно и всем, что у нас имеется, то фактор внезапности будет на нашей стороне.

Патэль слушал нас так, будто от каждого слова зависело, разрешат ли ему вдохнуть.

— Или попадём в засаду или сколько-нибудь эшелонированную оборону и с треском самовыпилимся, — хмыкнул я. — Продолжай.

— Очевидно, что шахтёры добывают руду. Их община уже имеет трудовую структуру, старших, маршруты, склады, доступ к постоянному источнику воды, жильё, общую организацию и привычку подчиняться приказам. Если вы защитите их и переведёте под свой контроль, получите не просто спасённых людей, а верную вам лично производственную ячейку. Если ещё и продемонстрируете делом, что губернаторская защита реальна, остальные начнут считать вас обличённым властью своим, а не очередным поставленным сверху временным чиновником, которому плевать на жителей Пачук-9.

— А если я провалюсь?

— Тогда вас начнут считать тринадцатым временным губернатором.

Унц негромко щёлкнул вокабулятором.

— Уточнение — тринадцатым казнённым губернатором Пачук-9.

— Да понял я, радость моя железная, — не удержался я.

Прошёл обратно к столу, опёрся ладонями о край и посмотрел на схему лагеря. На ней всё выглядело почти прилично. Модули, периметр, склад, генераторы, тренировочная площадка, временная посадочная полоса, защитные линии и посты охраны. Маленькое пятно порядка на большой серой планете. Если смотреть только на схему, можно было на секунду даже поверить, будто я что-то здесь контролирую.

За пределами периметра все платили бандитам за право таскать руду, чиновники отвечали бумажками на убийство детей. А спрятавшийся внутри него новый губернатор по должностной инструкции должен был за два года поднять давно упавшие поставки до нормы, иначе его самого аккуратно уберут как бракованный инструмент. Только уберут не бандиты, а вполне себе законные силы.

В АИКА нам вдалбливали простую вещь. Колония существует, пока у неё есть руководство, производство, безопасность, энергия, транспорт, вода и продовольствие. Убери одно, и всё остальное начнёт гнить. На занятиях это звучало и выглядело логично — преподаватель водил указкой по экрану и говорил, что губернатор обязан видеть систему целиком, а не отдельные её проблемы, и решать их системно.

Тогда я ещё думал, что система — это умная штука из учебника, обеспечивающая понятные для всех правила. Теперь я видел эту систему в Патэле — она стояла у моего стола в пыльной куртке и не знала, куда деть руки.

— Прежние губернаторы пытались решить проблему Пачук-9 при помощи ресурсов, которых нет, — задумчиво сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Население — это ведь тоже ресурс. Если населения нет, если оно вымерло от голода или рук бандитов, то оно не может приносить пользу. Не может добывать руду, ремонтировать технику, работать на производстве. Удивительно, да? Просто чудо административной мысли. Наши граждане вымирают, а им сверху ставят план и удивляются, почему он не перевыполнен. Ведь в рамках целой планеты он ничтожен.

Этони молчал. Патэль, кажется, боялся даже дышать, не то, что шевелиться. Унц, зараза, наверняка записывал каждое слово для будущего разбора моих управленческих ошибок.

— Если мы хотим получить руду, еду, рабочие руки и хоть какую-то промышленность, сначала придётся сделать так, чтобы рабочие не ждали ночного визита от Тесака, — продолжил я, — и не умирали с голода. И это не гуманизм, а элементарная арифметика. Мёртвый шахтёр не платит налог. Угнанная бандитами женщина не выходит в смену. Подросток с перебитыми руками или простреленной головой не станет техником или фермером и не принесёт пользы. А община, которую губернатор бросил после просьбы, потом не поверит ни одному моему указу. А то и вовсе станет их саботировать.

— Арифметика верная, ваше превосходительство, — за-

метил Этони, но уже не так едко, как в начале беседы. — Но цена входа высока.

— У меня и должность с такой же ценой. А вход и выход стоят примерно... одинаково, Этони.

Я выпрямился и только тут понял, что плечи затекли от напряжения. Тело хотело драки, сна или хотя бы нормальной еды, а вынуждено было терпеть форму, пыльные сапоги и тяжёлые размышления, входящие в обязанности губернатора Пачук-9. Каждому своё счастье, мать его.

— Сколько у меня реально сил под рукой? — спросил я.

Унц ответил сразу, будто только и ждал, когда я перестану разговаривать о судьбах планеты и займусь вещами, которые можно посчитать.

— В лагере находится шестьсот четырнадцать исправных Сервант-17Уни. Из них шестьсот можно вывести в ограниченном охранном режиме без риска для базового обеспечения периметра. Боевой профиль штатно неполный — напоминаю, что служебная платформа Сервант-17Уни не является полноценным боевым дроидом. Это универсальная рабочая модель для агрессивной среды с повышенной автономностью, усиленным корпусом, ограниченным охранным режимом и возможностью установки картриджей специализации. Текущий набор картриджей не обеспечивает полноценного штурмового применения.

— А теперь, будь добр, переведи с машинного на губернаторский.

— Они могут идти, держать строй, прикрывать друг друга и выполнять простые боевые команды. Но они не заметят обученную пехоту. Серванты не способны самостоятельно принимать сложные тактические решения без команды оператора и в длительном бою будут расходовать энергоблоки быстрее расчётного значения.

— То есть у нас есть шестьсот четырнадцать железных дровосе... шахтёров с ружьями и дисциплиной, но без мозгов и умений. Так?

— Сравнение грубое, но применимое.

— Отлично. Для Пачук-9 это уже почти элита пехоты.

Этони негромко кашлянул. На смех это походило мало, конечно, у этого человека смех, наверное, проходил по ведомости и выдавался раз в квартал под роспись. Но уголок рта у него всё-таки дрогнул, выдавая истинную реакцию.

— Подготовь связь, питание, аптечки, фиксаторы для пленных, носилки для раненых и всё, что требуется для вывода шахтёров из бандитского лагеря, — сказал я. — И отдельно просчитай, сколько дроидов можно вести в ограниченном охранном режиме без посадки энергоблоков на обратном пути.

— Принято, — отозвался Унц. — Также рекомендую заранее подготовить временную зону приёма для освобождённых лиц. В ней организовать регистрацию, санитарную обработку, распределение пайков и первичный опрос.

Я хмыкнул.

— Вот видишь, Унц, можешь же и ты говорить полезное, когда не пытаешься похоронить меня под грузом статистики.

— Статистика похоронит вас без моей помощи, если её игнорировать.

Я снова посмотрел на схему лагеря. Маленькое пятно порядка. Шестьсот служебных дроидов с ограниченным охранным режимом. Один офицер из нищего, но упрямого Дома Бакто, который понимает цену риска и всё равно видит шанс. Один язвительный ординарец — любитель статистики, которого мне хотелось разобрать на запчасти примерно через каждые три его реплики. И один шахтёр, который приполз сюда на коленях и впервые за долгое время попробовал стоять прямо, удивляясь, что это вообще возможно.

А за границей этого пятна, за серой равниной сидел некий Тесак, уверенный, что Пачук-9 принадлежит тому, кто первым успел поставить сапог на шею другому разумному существу.

Но я был не отсюда, а с Земли. И далеко не из института благородных девиц.

Так что нормально. Просто придётся показать некоторым, чьи в лесу шишки.

Прорвёмся. Наверное...

— Этони, готовь своих бойцов и машины, — спокойно сказал я. — Унц, поднимай дроидов. Патэль, поешь, выпей воды и через час покажешь маршрут, куда увели твоих. Если они ещё живы, мы их вытащим.

— А если банда окажется сильнее, чем мы думаем, ваше превосходительство? — спросил Этони, и в его голос вернулась язвительность.

Я снова посмотрел на свои сапоги. Пыль на них уже не раздражала. Наоборот, теперь она была к месту как никогда.

— Тогда начнём мою карьеру губернатора с фатальной ошибки. Такой, после которой я либо начну приводить тут всё в порядок, либо в ближайшее время стану тринадцатой строчкой в списке казнённых губернаторов.

— Ясно...

— И, Этони...

— Да, ваше превосходительство?

— Мне нужен игольник...

— Зачем вам игольник, ваше превосходительство? — растерялся офицер.

— А затем, что мне выдали вместе с формой парадный палаш, — я похлопал по перевязи с ножнами, — но забыли выдать игольник.

— Вы же не хотите сказать... — лицо офицера вытянулось.

— Ещё как хочу. Я отправляюсь туда лично.

— Но...

— Это не обсуждается, — отрезал я. — Найдите мне игольник, или мне придётся рубить бандитов Тесака палашом.

Патэль шумно выдохнул. Этони коротко, по-военному

кивнул, принимая приказ. А Унц уже развернулся к двери, и сервоприводы в его корпусе щёлкнули так буднично, будто мы собирались не вытаскивать людей из рук банды, а переносить мебель между складами.

Я задержал взгляд на схеме лагеря ещё на секунду. Серая линия южного отвала, старая дорога, мёртвые промышленные линии, отметка шахтёрской общины, на которую до сегодняшнего дня никто в моём штабе не обращал внимания.

Затем поверх карты мигнула тонкая служебная строка интерфейса в моей дополненной реальности. В этот же момент нечто кольнуло меня где-то за правым глазом. Это не было больно или неприятно и походило на обыкновенный нервный тик. А по факту это были просто короткие служебные толчки вызова, какими нейросеть привлекает внимание владельца, когда считает, что он сейчас пропустит нечто важное.

Глава 3. Пуй

Иара Сет появилась в моей жизни почти сразу после высадки.

Капитан боевого монитора колониального контроля. Коммодор орбитального соединения имперского колониального флота в системе Пачук. Но, увы, не моя личная кнопка «нанести орбитальный удар». Да, она командовала своим монитором и шестью выпелами кораблей сопровождения. Среди сторожевиков числились фрегаты и корветы, а также приданная москитная авиация. Вообще, малоподвижный, тяжёлый, бронированный и обладающий колоссальной огневой мощью монитор — не самый престижный пост для флотского офицера, который мечтает о больших направлениях, боевых флотских операциях и нормальной войне. Зато для Пачук этот монитор был тяжёлым, железным напоминанием, что Империя никуда не ушла ни с поверхности, ни из космоса. Вот он, её карающий меч на орбите Пачук-9, а вот коммодор Иара Сет, которая спит и видит, как бы кому надрать зад и продвинуться по службе.

Да, Империя никуда не ушла и держит в системе флотское присутствие со времён войны с инсектами. Только вот далеко не ради заботы о постепенно впадающих в дикость местных жителях. Пачук-9 вместе со своими рудой, складами, старыми линиями, мёртвыми заводами, живыми гражда-

нами, полугражданами, гопами, шахтёрскими сменами, водяными узлами и всем тем, что ещё можно было выжать из планеты, починить, вывезти или списать в расход, был, есть и остаётся собственностью Империи. После инсектов и орбитальных бомбардировок планета чувствовала себя из рук вон плохо, но из имперских реестров она никуда не исчезла. А если собственность не списана, значит, кто-то должен стеречь орбиту, контролировать взлёты и посадки, поддерживать каналы связи, прикрывать какой-никакой грузовой трафик, гонять контрабандистов и пиратов, и, в конце концов, следить, чтобы местные проблемы не выросли до угрозы имперским поставкам. Имперская четверть должна поступать без помех и проводов, несмотря ни на что.

Всем этим, кроме самих поставок, и занималась Иара.

В первый раз я увидел её через защищённый канал связи. За её спиной была главная рубка боевого монитора. Огни служебных индикаторов в полумраке боевого мостика монитора, экран тактической обстановки, отметки орбитальных трасс, посадочных окон и зон наблюдения создавали сюрреалистическое впечатление. У бокового пульта стоял вахтенный офицер. Оператор связи тоже не сачковал. Навигатор выводил на общий экран поправку курса в верхних слоях атмосферы. За прозрачной перегородкой техник снял крышку с блока связи и что-то говорил дежурному по смене, не поворачиваясь к экрану.

Сама коммодор Иара Сет выглядела, как и положено ари-

стократке-лубасири.

Высокая, собранная, с синевато-серой кожей и изящной линией шеи. Платиново-блондинистые волосы убраны в тугую причёску, чтобы ни одна прядь не лезла к лицу во время смены. Узкое лицо, резкие скулы, тонкая линия рта. Глаза светлые до прозрачности. В других обстоятельствах я бы назвал её красивой. Но цепкий взгляд смазывал впечатление.

При первом сеансе связи она даже не поздравила меня с назначением и не спросила, как я перенёс высадку. Не почувствовала тяжёлой судьбе нового подневольного губернатора. Просто посмотрела на меня как на аварийный груз и спросила о составе группы, зоне посадки, состоянии челнока, списке сопровождающих, защищённом канале связи и о том, кто на поверхности уже успел потребовать доступ к губернаторскому модулю.

Я тогда попытался съязвить про тёплый приём, но на Иару это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Она подождала, пока я закончу, и сказала:

— Тёплый приём начинается после проверки посадочной зоны и состояния вверенной техники, губернатор Лисов. До проверки он называется халатностью.

И я понял две вещи. Первая — Иара Сет никогда не станет моим закадычным другом. Хотя удар с орбиты по моей просьбе нанесёт — правда, только если увидит для него законное основание.

И второе — я ей не командовал. Иара была не просто жен-

щиной в идеально сидящей форме и с капитанскими знаками различия. Она была флотским офицером с правом посылать гражданского губернатора так далеко и надолго, что замучаешься астрографические карты смотреть и вычислять расстояние до этого места в парсеках.

Это на поверхности планеты мой мандат давал мне право отдавать приказы и налагал ответственность. А на орбите была совсем другая служба и другая линия подчинения. Даже для Этони Бакто, лейтенанта колониальной космической пехоты, юридически находившегося под моим командованием, Иара была не голосом с экрана, а старшим флотским командиром, чьё слово — закон.

Имперская Колониальная Администрация красиво выглядела только в учебных материалах АИКА. В учебных блоках всё смотрелось как строгая, разумная служба, которая занимается вопросами многочисленных колоний: снабжением, контрактами, налогами, безопасностью поставок и самими поставками. В реальности центральная Имперская Колониальная Администрация была далеко. Очень далеко. Далеко настолько, что её решения доходили до Пачук-9 исключительно в виде новых мандатов, требований и казней за провал.

А рядом была не центральная ИКА, а Гармония.

Местная канцелярия. Городские зажавшиеся чиновники: Совет, главы кланов, местные Благородные Дома. В общем, все те, кто привык улыбаться губернатору в лицо, за его

спиной обделывая свои делишки. На бумаге я был их непосредственным руководителем. Проще говоря, самым главным чиновником. В реальности любой губернатор, который садился в Гармонии, быстро становился частью её системы. Ему приносили отчёты, прошения, жалобы, согласования, осторожные советы и готовые решения, которые он должен был выдать за свои. А потом, спустя время, в личном деле у такого губернатора обязательно появлялась короткая строка.

Казнён.

И так уже было двенадцать раз подряд.

Поэтому я не остался в Гармонии, а затребовал всё полагающееся при освоении новых планет и, когда всё пришло, вынес аварийную администрацию в отдельный лагерь, за городскую черту, чтобы строить параллельную структуру власти и подчинения, а весь штат кабинетных чиновников мне заменил Унц.

Именно поэтому стандартный вызов от Колониальной Администрации я уже научился ненавидеть заранее. Но в этот раз интерфейс выдал мне нечто совершенно новое.

Поверх карты на экране дополненной реальности всплыло ещё одно окно, и только после этого модуль вывел источник.

Экстренный вызов по защищённому аварийному каналу.

Абонент: ПУИИ-9-117-А.

Роль: ПЛАНЕТАРНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПАЧУК-9.

Цель: Запрос сеанса связи.

Я несколько секунд смотрел на сообщение и чувствовал, как внутри медленно, но неотвратно поднимается волна злости. Этот абонент мне был неизвестен, в инструкции к моей нейросети ничего не говорилось не только о нём, но и о защищённом аварийном канале. В кратком курсе ИКА о Пачук-9 — тоже. Этони о нём не упоминал, как и Унц, которому я собственноручно поставил расширение когнитивного ядра и сделал своим секретарём и ординарцем, так что он не стал бы от меня такое скрывать.

Неизвестность нервировала.

Итак... Вопрос на миллион. Откуда на раздолбаном вхлам орбитальными бомбардировками Пачук-9 может взяться такая дорогая штука как планетарный управляющий искинт? Вопрос очень достойный. Никто в своём уме не стал бы тратить такую бездну дукатов, только чтобы поставить искусственный интеллект, способный управлять промышленными секторами с континент размером, на планету, где даже приличного завода или шахты было не сыскать уже много сотен лет. Значит, чего-то я о Пачук-9 точно не знаю. Но мне простительно. Я здесь без году неделя. А что про это известно Имперской Колониальной Администрации и известно ли вообще — вот это вопрос!

Пока я думал, сообщение сменилось новым.

Аварийная проверка прав. Субъект доступа: Рэн Лисов. Временный губернатор Имперской Колониальной Администрации.

Статус гражданских прав: ограниченный. Служебный мандат: действующий.

Фактические действия: шахтёрская производственная группа заявила добровольное обращение к субъекту доступа.

Проверка: приказ не исполнен. Защита не обеспечена. Производственный узел находится под внешним насильственным контролем. Линия снабжения уязвима. Водная зависимость сохраняется.

Заключение: право управления не подтверждено.

Условие повторной проверки: восстановить безопасность группы. Обеспечить исполнение приказа. Исключить внешний насильственный сбор ресурсов.

Окно погасло без моего на то согласия. Неприятное ощущение за правым глазом осталось ещё на пару секунд, потом тоже исчезло.

— Унц, — позвал я. — Ты видел это?

Дроид повернул ко мне свой сенсорный блок.

— Зафиксировано несанкционированное входящее сообщение через служебный губернаторский интерфейс. Источник не обозначен. В моей штатной документации данный канал связи отсутствует. Содержание недоступно.

— Прекрасно...

— Могу я уточнить, что именно прекрасно?

— То, что за моё психическое здоровье можно не опасаться, — съязвил я.

— Я бы в этом не был так уверен, — бесстрастно поправил меня Унц.

«ПУИИ-9-117-А», — повторил я про себя мысленно аббревиатуру.

Провёл языком по пересохшим губам и поймал себя на том, что внутри уже складывается короткое, тупое и до неприличия удобное имя.

Пуй.

У меня уже был Унц, теперь появился Пуй, и оба, судя по первым признакам, собирались портить мне жизнь своими стремящимися к механической точности формулировками. А заодно Пачук-9 начал проверять, настоящий ли я всё-таки губернатор или очередной расходник.

Через час Патэль перестал выглядеть, как покойник, которому забыли сообщить плохую новость о его смерти. Старому лубасири дали горячей воды, белковой каши из армейского пайка и десять минут тишины. Уже одно это для местного было практически невероятным. Сначала Патэль ел очень осторожно, двумя пальцами придерживая миску, словно ждал, что её отберут за лишний вдох. Потом чуть осмелел, и ложка заскребла по дну быстрее. Я отвернулся, чтобы не смотреть, как взрослый человек стыдится соб-

ственного голода. На Земле люди тоже умели голодать красиво только в кино. А в жизни это всегда выглядело одинаково — рука тянется к еде быстрее, чем достоинство успевает ей запретить.

Унц стоял рядом с откидным столом и проецировал над покрытием серую карту местности. Он собрал её из обрывков старых планов, лагерных сканов, данных Патэля и той лжи, которую местные архивариусы всё ещё хранили под видом актуального состояния дорог. Я смотрел на карту и понимал, что если бы за каждую ошибку пульей в лоб платили не только губернаторам, на Пачук-9 уже давно закончились бы картографы, чиновники и минимум половина инженеров.

— Южный отвал здесь? — спросил я, указав пальцем в проекцию.

Патэль проглотил последний комок каши, поставил миску на стол и вслед за мной потянулся к проекции так резко, что Унц сразу поднял один манипулятор, не давая ему ткнуть грязным пальцем прямо в световую сетку.

— Голосом, — сухо напомнил дроид. — Тактильное взаимодействие с проекцией не требуется.

— Да ладно тебе, — бросил я Унцу. — Он карту тронуть хотел, а не твою тонкую цифровую душу.

— У меня отсутствует душа, губернатор. Зато присутствует поверхность сенсорного проектора, загрязнение которой снижает точность считывания жестов на ноль целых семь десятых процента.

— От того, что кто-то ткнёт пальцем не в проектор, а в проекцию? Даже и не знаю, как это может повлиять. Но в целом согласен, проектор — потеря ужасная, империя её не переживёт.

Патэль на секунду будто завис — он впервые в жизни увидел, как дорогое начальство спорит с мебелью. И подумаешь, мебель была вооружённой, упрямой и, по моим ощущениям, считала меня главным источником будущей катастрофы на Пачук-9. Всё равно же мебель — именно так в империи Лубасири относились к дроидам.

— Южный отвал здесь, — осторожно произнёс он и, убрав руки аж за спину, указал подбородком на серую зону к югу от нашего лагеря. — От старой дороги туда около двенадцати километров, если идти по прямой. По караванному маршруту больше, почти восемнадцать, потому что приходится обходить провал у мёртвого водосборного канала.

Унц тут же подсветил участок тонкой жёлтой линией. Проекция дрогнула, достроила овраг, обрыв старого полотна и несколько пятен, где датчики выдавали мешанину шума вместо поверхности. Какая приятная местность. Прямо курорт для тех, кто давно мечтал умереть под ржавой фермой, не отходя далеко от цивилизации.

— Почему не через ущелье? — спросил Этони. — Я бы послал группу в тыл по этому маршруту.

Он стоял с другой стороны стола, чуть сбоку от меня, так, чтобы видеть и карту, и Патэля, и дверь. Хорошая привычка.

ка всё контролировать. У офицера из благородного, но обедневшего Дома Бакто, кроме фамильной гордости, выправки и служебного опыта, судя по всему, оставалось немного. Зато имеющимся он пользовался на полную катушку. Да и выглядел так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что перед ними — самый что ни на есть настоящий офицер. Форма Этони была вычищена слишком тщательно для нашей пыльной дыры, ворот полевого мундира застегнут по уставу, планшет лежал в руках уверенно, а лицо сохраняло такое выражение, будто лейтенант был уверен, что мир давно сошёл с ума, но мужественно не показывал окружающим, что обо всём уже догадался.

— Там есть мост, но настил старый, — пояснил Патэль. — Местами держится, а местами проваливается даже под незначительной нагрузкой. Сервантов можно провести, если знать, куда можно вставать, а куда нет. Но ночью лучше не ходить вообще, и Тесак выставляет там дозор, даже когда не ждёт караван.

— Он ждёт караваны постоянно? — уточнил я.

Патэль кивнул.

— Постоянно. Он раньше брал просто плату. Потом стал брать больше. Потом начал выбирать, кого пропустить, а кого нет. Мог сверху взять что-то из снаряжения, например, фильтры, если они хорошие. У кого вода была, брал воду. Женщин или детей посильнее тоже мог себе оставить.

Он сказал это совсем без эмоций. Просто перечислил

местный порядок вещей, как человек на Земле перечислил бы коммунальные тарифы, цену бензина и размер пробок по пути на работу. Меня от этого спокойствия внутренне пере­дёрнуло. К жестокости можно было привыкнуть, к угрозе то­же. Я же почти свыкся с мыслью, что если не подниму этот ушатанный мир — меня казнят, хотя ушатал его совсем не я.

Однако к порядку, построенному на терминальной жесто­кости, привыкать нельзя никогда. Иначе в какой-то момент привыкнешь и тому, что жертва сама виновата в том, что её ограбили, убили или изнасиловали. И должна ещё написать объяснительную и попросить прощения у агрессора.

— Где логово самого Тесака? — спросил я.

Патэль провёл взглядом по карте, на секунду задержался на южной стороне старых выработок и ткнул подбородком.

— Здесь. Там древняя открытая посадочная площадка, два навеса, старый кран и керамобетонная стена, за которой раньше был склад. Сейчас там Тесак обустроил себе жилище и держит людей, хочет, чтобы все видели его пленников.

Этони выдохнул, незаметно сжал кулак и пояснил.

— Демонстрирует свою власть...

— Конечно, — кивнул я. — Простое похищение людей — это бандитизм. А если заставить родных платить за похи­щенных, да ещё и на регулярной основе, то это уже заход в местное самоуправление, мать его.

Патэль опустил голову. Я успел увидеть, как у него дёрну­лась щека, и прикусил язык, чтобы не добавить ещё чего-ни-

будь умного. Сарказм хорошо помогает тому, кому предстоит разгрести авгиевы конюшни. Тому, у которого забрали всё, он только вредит. Мудро...

— Сколько у Тесака боевиков? — спросил Этони.

— Постоянно при нём двадцать пять или тридцать головорезов, — ответил Патэль. — Иногда больше. Они живут здесь, в старом ремонтном ангаре. Есть приходящие, их всегда разное количество. Ещё он платит нескольким стрелкам с северной дороги, когда ждёт сильный караван.

— Оружие?

— Автоматы старые. Два ручных пулемёта, один точно рабочий, второй заедает. Несколько охотничьих ружей. Гранат я не видел, но слышал, что есть. У самого Тесака тяжёлый тесак из резака для шахтных тросов. Он им не для боя пользуется, а...

— Для показательных казней, — догадался я.

Патэль промолчал.

Я потер переносицу. Новое тело послушно сняло лишнее напряжение с мышц лица, но внутри всё равно зудело, словно под кожу насыпали муравьёв. Картина становилась яснее и от этого лучше не делалась. Маленькая банда, хорошостроенная в местную экономику насилия. Дорога. Руда. Вода. Караваны. Пленные на виду. Общины, которые привыкли торговаться с ножом у горла, потому что альтернативы не видели. И где-то над всем этим висела моя виртуальная губернаторская криптопечать, полезная примерно как золотая

пуговица покойнику.

— Унц, варианты, — сказал я.

— Вариант первый, — сразу ответил дроид. — Прямое выдвижение основным строем по караванной тропе с демонстрацией силы. Преимущество: психологическое воздействие на противника и шахтёрскую общину. Недостаток: Тесак получает время убить заложников, отступить или подготовить засаду.

— Мимо. Второй.

— Ночное скрытное выдвижение малой группы с попыткой освободить пленников до начала основного столкновения. Преимущество: шанс сохранить жизни заложников. Недостаток: у нас нет обученной разведывательной группы достаточного качества. Сервант-17Уни в текущей конфигурации подходит для охранных задач, но не для скрытного проникновения и диверсий.

— Третий.

— Комбинированный. Основной отряд выходит открыто по караванной тропе после рассвета и отвлекает на себя внимание противника. Малая группа с проводником проходит через ущелье у пересохшего водосборного канала, занимает позицию у бетонной стены и блокирует доступ к пленным. После начала переговоров или демонстрации силы малая группа действует по обстановке.

Я посмотрел на Этони.

— Третий вариант звучит как план, в котором можно кра-

сиво погибнуть сразу в двух местах, — невесело усмехнулся тот.

— Зато у него есть шанс сработать, — ответил я, — если Патэль проведёт малую группу через ущелье и дозор Тесака их не заметит. А это возможно, потому что Тесак ведёт себя как хозяин, а не как полевой командир. Слишком привык к отсутствию сопротивления.

Унц слегка повернул голову, сенсорный блок сфокусировался на мне.

— Дополнение. Вероятность успешного выполнения комбинированного плана возрастает при использовании дроидов как отвлекающей силы. Сервант-17Уни демонстрирует высокую устойчивость к психологическому давлению, угрозам, крикам и бессмысленным речам противника.

— Ты сейчас себя похвалил или нас оскорбил? — я поднял взгляд на серванта.

— Сформулировал преимущество машинного состава перед живым, — без зазрения совести (откуда бы ей взяться?) перефразировал на свой статистически-нудный лад Унц.

— То есть оскорбил, — поддавил я.

— Выразил вежливо известный факт.

Я хмыкнул и снова наклонился над картой. Комбинированный план был, конечно, далёк от идеала. Но! Прямой марш давал картину видимой губернаторской силы и при этом практически гарантировал, что Тесак успеет зарезать кого-нибудь для убедительности своих слов. А тайная опе-

рация уже на стадии планирования являлась мечтой штабного идиота, который видел сервантов только на схеме и не понимал, что полутораметровая служебная машина с сервоприводами не становится тенью только потому, что ей приказали идти тихо.

Значит, комбинированный вариант оставался лучшим из имеющихся. Помесь наглости, расчёта и надежды на то, что местный бандит привык иметь дело с запуганными шахтёрами, а не со злым пасынком старой доброй Земли, которого смертью не испугать, потому что она ему уже светит, только в виде отсроченного официально вынесенного приговора.

Надо заметить, отличная мотивация! Очень бодрит!

— Патэль, кто, кроме тебя, знает проход через ущелье?

— Многие. Но не все смогут пройти там быстро. Там надо помнить, какие плиты надёжные, а какие нет. Я помню...

— Нет! – резко оборвал его я.

Он вскинул голову.

— Губернатор, я должен...

— Ты должен довести нас до места. И гарантированно не сдохнуть по дороге, потому что потом твоей общине понадобится тот, кому поверят — ведь именно он смог убедить губернатора спасти людей. А значит что? Ты мне живым полезней. Так что через ущелье со мной пойдёт тот, кто сможет не только показать дорогу и не рухнуть от усталости, но и тот, кто менее важен для дальнейшей жизни общины в случае успеха операции.

Патэль открыл рот, но я ткнул пальцем в карту и не дал ему начать героическую песню.

— У тебя руки дрожат после еды и часа отдыха. Ты двое суток шёл сюда, почти не спал, почти не пил и сейчас держишься на одной только злости. Если бы не это, то я, может, и подумал бы о том, чтобы взять тебя. Но по совокупности факторов — нет. Ты будешь мне нужен гарантированно живым, желательно здоровым и, по возможности, бодрым.

Он сжал зубы, и на секунду в нём неожиданно прорезался не бесправный проситель, а нормальный мужик, которого только что отодвинули от дел его семьи. Вот этот Патэль мне понравился больше. С таким можно было и сработаться.

Потому как он и не подумал сдаваться.

— Там моя сестра, — немного помолчав, произнёс он.

Но я был неумолим.

— Ещё одна причина, по которой ты остаёшься. Нельзя в таких делах спасти кого-то конкретного — не спасёшь. А заодно и других угробишь. Поэтому давай-ка имена. Кто ещё может провести нас через провал?

Патэль сглотнул. Внутри у него яростно сражались желание пойти самому и понимание, что я прав. Неплохо. Значит, он не глуп и понимает, о чём я ему говорю. Ещё одна причина его беречь.

— Рима, — наконец, произнёс он. — Дочь старшего проходчика. Она малая совсем, но ходит по пустошам уже лучше многих взрослых. Но она хромая.

— Сильно хромая?

— Быстро бежать не сможет, если понадобится. Зато в ущелье и окрестностях знает каждый камень.

Я посмотрел на Этони.

Глава 4. Пятый разряд, шпага и скверный характер

— Только хромой проводницы в ночной операции нам ещё не хватало для полного счастья.

— Думаю, стоит на неё посмотреть, ваше превосходительство, — неожиданно поддержал кандидатуру офицер. — Иногда человек, который не может быстро бежать, понимает ситуацию и оценивает опасности лучше других.

Унц щёлкнул вокабулятором.

— Рекомендую не строить критический участок плана на неизвестной несовершеннолетней особи с травмой опорно-двигательного аппарата.

— А на чём строить? На твоём оптимизме?

— На дополнительной разведке, — не моргнув глазом, которого у него и не было, выдал сервант.

— Тесак может начать резать заложников в любой момент. А разведка только вернётся к тому времени, как пора будет выбирать место для братской могилы. Тщательная разведка не вариант. Что ещё?

Унц замолчал на две секунды. Для машины это выглядело почти как обида.

— Можно использовать малые воздушные дроны из комплекта лагерной охраны. Радиус ограничен, помехи высокие,

риск потери устройств значителен, но они способны проверить наличие дозоров возле ущелья и тепловые пятна на площадке.

— Вот это уже похоже на деловой разговор, — почти обрадовался я. — Унц, почему ты сразу об этом не сказал?

— Ранее вы не запрашивали расход имущества.

— Потому что ранее я думал, что ты сам догадаешься предложить.

— Самостоятельная инициатива влечёт ответственность. Ответственность повышает риск претензий к качеству моей работы.

Я медленно повернул голову к дроиду.

— Унц, ты сейчас трусишь?

— Отрицаю эмоциональную формулировку. Я рационально избегаю действий, которые могут привести к ухудшению моей функциональной оценки, ограничению автономности или возврату к базовой служебной модели.

Этони поднял бровь. Патэль явно ничего не понял. Зато прекрасно понял я. Почувствовал захлёстывающее всё внутри раздражение. У моего универсального личного ординарца, похоже, начинали проклёвываться первые признаки цифровой личности. И первой же чертой оказалась не благородная преданность своему губернатору, не служебное рвение и не робкая любовь к человечеству, а страх, что его оглупят обратно до тележки с руками.

Прекрасно. Просто прекрасно. Дроид-приспособленец,

прекрасно ужившийся бы в любом офисе, где вроде как коллеги готовы за повышение должности глотки друг другу перегрызть. А если с ней и зарплату поднимут на десять процентов, то здесь вообще лучше быть готовым к локальным актам геноцида.

— Значит так. Слушай сюда, тостер с характером, — зло произнёс я. — Пока ты работаешь хорошо, никто тебя не оглупит. Но хорошо — это когда ты не скрываешь от меня то, что может помочь в деле, и, при необходимости, проявляешь инициативу в предложениях — да, ту самую, которая влечёт ответственность. Но если ты будешь скрывать полезную информацию из страха за собственную оценку, я начну думать, что тебе вредят лишние вычислительные возможности. Мы поняли друг друга? Подтверди.

— Формально угроза некорректна, поскольку вы не являетесь сертифицированным техником по обслуживанию когнитивных ядер, — нудно заметил Унц.

— Зато я губернатор с отвратительным настроением и полным доступом к инструментам, в том числе высокотехным, — от души парировал я. — Как ты, Унц.

— Принято, — сервант счёл за лучшее сдаться. — Тогда предлагаю задействовать четыре малых воздушных беспилотных дрона. Два по маршруту через ущелье, один над площадкой дробилки, один резервный.

— Вот видишь, — похвалил я. — Можешь ведь, когда хочешь.

— Я могу...

— Я б поспорил.

Этони тихо кашлянул, уже откровенно пряча улыбку. Для офицера из нищего Дома он позволял себе всё больше человеческих реакций, и эта метаморфоза произошла с ним буквально в последние пару часов. Я решил, что если мы сегодня не погибнем, надо будет потом выяснить, какие именно надежды этот лубасири успел на меня возложить. Почему я был уверен про надежды? Ну просто потому что люди не имеют свойства идти за временным губернатором-гопом, одной ногой стоящим в могиле благодаря уже одному лишь своему назначению, просто потому, что у него должность красивая. Особенно это касается людей, которым нечего терять, кроме герба рода и фамильной чести.

— Состав? — спросил я, возвращая разговор к делу. — Кто пойдёт в основном отряде?

Этони сразу стал серьёзным.

— Четыреста сервантов, из них триста по караванному маршруту. Двести оставим в лагере на охране. Из живых возьмём двадцать бойцов колониальной космической пехоты — тех, кто готов действовать рядом с дроидами. Половина пойдёт со мной в основном отряде, вторая с вами через провал.

Я посмотрел на карту, потом на лейтенанта.

— Почему ты решил, что через ущелье нужно идти именно мне?

— Так вы сможете занять позицию неподалёку от пленных. Основной отряд подойдёт чуть позже и вызовет Тесака на разговор, чтоб отвлечь. Говорить с ним буду я, от вашего имени — это будет вполне нормально с учётом вашего губернаторского опыта.

— А если он потребует увидеть меня?

— Тогда я скажу, что губернатор не обязан лично являться по свистку к каждому местному мяснику.

Я не удержался и усмехнулся.

— Логично. Этони, а у тебя, оказывается, есть талант к дипломатии.

— Дом Бакто беден, губернатор, но не настолько, чтобы забыть, как разговаривать с хамами, — вскинул подбородок лейтенант.

Вот! Ещё одно подтверждение моей догадке о том, что ничего, кроме аристократической внешности, имени и фамильной чести, у Этони уже не осталось. Прямое подтверждение из первых рук, между прочим. А ведь такие субъекты опаснее всех, если твои нормы чести и морали расходятся с их представлением. Терять-то им, кроме гордости, нечего. С другой стороны, они же могут быть очень полезны, если решат, что твой подъём может стать лестницей для нового возвышения их рода.

— Хорошо, — сказал я. — Основной отряд ведёшь ты. Унц, будешь оператором дроидов?

— Рекомендую оставить меня при вас, — быстро про-

изнёс дроид. — Моя потеря снизит качество координации операции. Ваше ранение или гибель создаст катастрофический административный ущерб. Присутствие при вас позволит мне быстрее определять угрозы, корректировать действия малой группы и, при необходимости, зафиксировать последние распоряжения.

— Последние распоряжения он, значит, зафиксирует. Заботливый какой, — я едва сдержался, чтоб не расхохотаться.

— Я обязан обеспечить преемственность управления, — Унц был неисправим.

— Если я погибну в первой же вылазке, никакой преемственности не будет. Будет короткое цирковое выступление грустного клоуна, потом архив и тринадцатая строчка, в которой разнообразия ради будет написано «погиб» вместо «казнён».

— Тем более рекомендую избегать смерти, у вас есть для этого отличная причина.

— Причина не нарушать традиции? Дельный совет, Унц. Запиши его себе в список главных рекомендаций к твоим служебным обязанностям. Мысль дельная.

Патэль слушал нас, и в его взгляде что-то неуловимо менялось. Он всё ещё боялся — и правильно делал, потому что дурак в его положении уже давно был бы мёртв. Но рядом со страхом постепенно появлялось и кое-что другое. Не вера — до неё ему было ещё далеко. Скорее надежда. На нас, которые вместо того, чтоб объяснить ему его место, просто

начали делать свою работу. Как умели, но всё-таки...

Да, иногда власть начинается не с приказа, а с того, что кто-то впервые видит, что его беду принимают как задачу к выполнению.

— Патэль, — спросил я. — Рима точно в общине?

— Должна быть.

— Слово «должна» мне не нравится.

— Если Тесак не забрал её уже после моего ухода, она там.

Её отец научил, как ходить по пустошам. Он охотник.

— Отец жив ещё?

— Среди уведённых, ваше превосходительство.

Понятно. Похоже, у каждого, кто сможет провести нас через проклятое ущелье по проклятому древнему мосту, есть кто-то родной среди пленных.

Я провёл пальцем над картой по пути к провалу. На меня Унц ругнуться не посмел, лишь послушно подсветил маршрут, добавил отметки вероятных дозоров, зону работы воздушных беспилотных дронов, место дробилки, бетонную стену, ремонтный ангар и два старых тоннеля. Один из них, по словам Патэля, давно завалило, а второй вёл к промывочным ямам. На проекции всё выглядело почти красивым. В реальности, разумеется, будет совсем иначе. Там будет пыль, темнота, очень злые боевики с оружием, перепуганные заложники и один губернатор, которому очень быстро придётся доказывать, что он стоит больше, чем просто голографическая печать в протоколе.

— Время выхода? — спросил Этони.

Я глянул на часы в интерфейсе дополненной реальности. До местного заката оставалось меньше трёх часов. Пачук-9 был недружелюбным местом, и, как часто бывает, ночь эту проблему усиливала стократно. Датчики видели хуже не только из-за пыли, но и из-за темноты. Температура воздуха падала, люди мёрзли, дроиды расходовали больше энергии, а старые промышленные зоны превращались в ловушку для тех, кто рискнёт в них сунуться.

— Через два часа, — сказал я. — Основной отряд выходит позже, так чтобы подойти к общине на рассвете. Дроны запускаем за сорок минут до моего выхода. Если увидим, что пленных переводят или убивают, план меняется на ходу.

— На какой? — уточнил офицер.

— На паршивый, Этони.

— Уточните, — нахмурился офицер.

— На тот, где мы свысока плюём на всё, что задумали, и начинаем быстро бегать и стрелять — надеюсь, метко, — чтоб успеть спасти хоть кого-нибудь. Ну а потом долго объясняем Нире, почему в отчёте всё выглядит как образцовая попытка самоубийства, а не спасательная операция.

Патэль моргнул.

— Кто такая Нира?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но именно в этот момент замок двери модуля коротко щёлкнул, створка ушла в сторону, и на пороге появилась женщина в форме инспек-

тора Имперской Колониальной Администрации. Высокая, прямая, слишком аккуратно одетая для моего временного лагеря, с теми же явно аристократическими чертами лица, которыми выделялся среди местных лейтенант Этони Бакто.

И слишком недовольная, чтобы питать иллюзии относительно её появления. Тёмная форма сидела на вновь прибывшей без складок, серебристые знаки разряда были выправлены до неприятной точности, а у бедра висела шпага. Тонкая, показавшаяся бы декоративной — если не обращать внимания на то, как именно рука хозяйки лежит на эфесе.

Она вошла, окинула взглядом карту, Патэля, миску на столе, Этони, Унца и меня. На мне взгляд задержался дольше, словно она мысленно уже начала отчёт с фразы «объект проверки демонстрирует устойчивое стремление осложнить собственную казнь».

— Губернатор Лисов? — произнесла она, и в её голосе слово «губернатор» прозвучало почти как медицинский диагноз. — По какому праву вы не предупредили инспектора Имперской Колониальной Администрации пятого разряда о своём отбытии из Гармонии? Разыскать ваш лагерь и добраться до него было непросто...

Нира Вейл собственной персоной. Инспектор, находящийся на Пачук-9 исключительно ради того, чтоб протоколировать мои ошибки, просчёты и прочие неприемлемые действия.

Я посмотрел на знаки на её форме, потом на лицо.

— Пятый разряд? А минимальный вроде седьмой? — поддел я, намереваясь съехать с темы моего отбытия из политической столицы Пачук-9.

— Верно, — как ни странно, инспектор на этот простой приём вполне купилась.

— Даже спрашивать боюсь, как вы...

— И правильно делаете, — оборвала она мой вопрос, который я собирался задать исключительно ради того, чтоб самому себе показать, что держу ситуацию под контролем.

Про Ниру и её присутствие я знал — инспекторы вроде неё имелись на любой производственной планете. Но познакомиться до сей поры не удавалось. Она пыталась прорваться ко мне в губернаторскую резиденцию в столице планеты. Столица была единственным укреплённым и относительно безопасным местом, назывался этот укреплённый городок очень поэтично — «Гармония». Вот только пока я несколько дней послушно сидел в резиденции, осознал несколько простых фактов. В Гармонии и из Гармонии я никого и ничего не контролировал. Нет, де юре я был главой, но реальной властью на планете обладали местные чиновники и кланы. Это стало отчётливо ясно, когда я при помощи своей нейросети поднял отчёты об исполнении указов предыдущих губернаторов. Естественно, они блокировались на всех этапах исполнения. А уж мне, гопу-искусственнику, тем более отводилась всего лишь роль свадебного генерала.

Я отчётливо понял, что так и пролетят в бесконечном бю-

рократическом противостоянии и без видимых результатов мои два года, а потом меня казнят и назначат нового аварийного губернатора.

Поэтому я не стал интриговать с местными чинушами, а отправился в Пустоши и разбил здесь лагерь, ядром которого стали шесть тысяч гопов — граждан с ограниченными правами, как я, которых вместе со мной отправили на Пачук-9, и около тысячи дроидов, шестьсот четырнадцать из которых оказались пригодны для того, чтобы сформировать из них некое подобие батальона.

Так что я хоть и предполагал относительно инспектора Ниры Вейл худшее, но даже и представить себе не мог, что она прискачет следом за мной со своими проверками ещё до того, как мы выдвинемся на нашу первую операцию по спасению заложников.

Унц слегка повернул голову и сфокусировал сенсорный блок на женщине.

— Инспектор Вейл прикреплена к администрации губернатора Пачук-9, — считал он её криптопечать, которую я видел и без него в дополненной реальности, — для промежуточной отчётности, проверки соблюдения процедур и оказания содействия в рамках полномочий.

— То есть будет следить за тем, где и что я делаю неправильно, всё это записывать, а попутно тоже портить мне настроение. И да, я в курсе, меня предупреждали, что я тут не совсем сам по себе.

— Ваша формулировка эмоциональна, но, с учётом ваших комментариев на мои замечания, функционально близка к действительности, — сказал Унц.

Инспектор посмотрела на доработанного мной дроида с некоторым удивлением и, кажется, пришла к выводу, что железка получилась, может, и неприятная в общении, но потенциально полезная. Местами.

— Мне сообщили, что вы приняли устное обязательство о вооружённом вмешательстве в конфликт с незаконной группой, не оформив статус шахтёрской общины, не открыв дело о защите производственного узла, не зарегистрировав свидетеля и не уведомив орбитальную группировку Колониального Флота о возможном изменении уровня угрозы, — без лишних предисловий она принялась делать примерно то, что я и предполагал.

— Быстро же вы прознали...

— Дела движутся медленно, только когда их делают идиоты, не способные отличить срочное от планового. Я не из них.

Этони опустил взгляд к планшету, и я почти физически почувствовал, как он прячет улыбку уже второй раз за вечер. Патэль посмотрел на Ниру с суеверным ужасом.

— Инспектор, — жёстко осадил её я, — у заложников в логове Тесака осталось меньше суток до момента, когда их начнут резать. Женщин, возможно, уже успели изнасиловать ни по одному разу. Если я засяду писать документы до того,

как освобожу заложников, они все погибнут.

— Именно поэтому я здесь, а не в Гармонии, — непроницаемым тоном произнесла Нира.

— Чтобы запретить мне силовую акцию? — прищурился я.

Глава 5. Неожиданное доверие

— Чтобы помочь. Я оформлю всё, что нужно, причём так, чтобы потом ни Гармония, ни Совет, ни снабженцы и в принципе ни один мерзавец не смогут сказать, что вы устроили рейд на мирных колонистов ради личной прихоти, — неожиданно просто ответила она. — Вы идёте на местную банду с оружием. Если не оформить всё по правилам, то судить вас потом будут именно как напавшего. А если вы пойдёте в бой как губернатор, официально защищающий заявившуюся производственную группу, членов которой незаконно удерживают в плену, и из-за чего, следовательно, страдают добыча и поставки... Тогда судить станут уже не вас, а Тесака. И, если повезёт, тех кто допустил это беззаконие. Но это только если будет зафиксировано достаточное количество подобных случаев. Имперское правосудие неопоротливо и неторопливо. Но если ему немного помочь и разогнать, проедет вообще по всем.

Я немного выдохнул. Когда эта лубасири вошла в модуль, я приготовился к худшему. Но инспектор Имперской Колониальной Администрации меня удивила. Радоваться было, конечно, рано — Нира Вейл с такой же лёгкостью через пять минут наверняка найдёт в моих действиях ещё кучу нарушений и поводов для взыскания. Но пока что я испытал к ней простую человеческую симпатию.

И её внешность играла в её пользу. Это была молодая лубасири, с синевато-серой кожей и тёмными волнистыми волосами, убранными в аккуратную служебную причёску. Волосы были уложены так, чтобы не мешать работать, но всё равно сразу выдавали человека, который знает, как выглядит со стороны, и не считает это мелочью.

Лицо у неё было строгое, с отпечатком постоянного контроля над собой, но красивое. Резкие скулы, тёмные брови, ровная линия рта сочетались гармонично. Смотрела она на меня не нагло и не испуганно, а так, будто уже открыла моё личное дело. Хотя почему будто? Наверняка...

Форма инспектора ИКА сидела на ней по фигуре. Тёмная ткань, высокий воротник, знаки службы, служебные планки, тонкая отделка на рукавах. На поясе — кобура с игольником и шпага. В руках — планшет с эмблемой Администрации.

Красота Ниры не смягчала впечатление. Скорее мешала вовремя понять, насколько она опасна. Сначала взгляд цеплялся за лицо, синий оттенок кожи, густые тёмные волосы и строгую форму. Затем постепенно начинало доходить, что перед тобой не картинка из имперского справочника и не младшая чиновница, которую прислали подносить документы, а целый инспектор, пусть молодой, пусть пятого разряда, но уже достаточно умный, чтобы не повышать голос там, где можно просто заполнить соответствующую графу.

И хуже всего — она понимала, что производит впечатление.

Нет, Нира не кокетничала открыто. Не стреляла глазами, не улыбалась без нужды и даже не пыталась понравиться, но определённо понимала, что впечатление производит сокрушительное.

И всё равно приятно было, обнаружить в чиновнике человека, понимающего, что иногда решительные действия — единственный правильный шаг к будущему.

Хотя и сомнения тоже никуда не делись — согласитесь, странно, когда персона, уполномоченная подготовить тебе могилу, вместо этого помогает тебе закрыть кладбище.

— Сколько времени надо на оформление этого всего? — спросил я.

— Тридцать минут на временную регистрацию обращения, сорок на защитный статус группы и первичный протокол. Ещё десять, если ваш Патэль сумеет назвать старших, численность, имущество, долги и прежнюю схему платежей Тесаку прямо сейчас. Если не сумеет, то считайте, что мы вернулись к варианту с вашей незаконной агрессией.

Патэль побледнел уже по второму кругу.

— Я назову... Всё назову.

— Прекрасно, — ровно произнесла Нира. — Значит, у губернатора будут не только желание, но и официальные полномочия для помощи вашим людям. И будьте так добры, перестаньте смотреть так, будто я забираю у вас последнее. Я пришла сделать так, чтобы последнее у вас не забрали другие.

Патэль не ответил. Но чуть расправил плечи.

Я посмотрел на Ниру и впервые понял, что сегодня мне очесуительно повезло. Эта женщина легко могла написать обо мне отчёт, после которого я гарантированно стану тринадцатым в том архиве. Она имела полное право таскаться за мной и портить мне жизнь. Да и пятый разряд при минимальном седьмом намекал на то, что никаких особых перспектив служебного роста без вороха разгромных отчётов о моих действиях у инспектора нет.

Но прямо сейчас женщина, от которой я не ожидал ничего хорошего, обеспечила для меня несокрушимую бюрократическую броню. Которая, несмотря на свою с виду никчёмность, очень дорогого стоит.

— Унц, — обернулся я к дроиду. — Дай инспектору доступ ко всем материалам дела Тесака, что ты уже собрал.

— Уточните уровень допуска.

Нира посмотрела на меня с вызовом. Этони удивлённо замер. Патэль явно не понял, почему все напряглись. Зато я точно знал причину.

Допуск — это власть, а не дежурная вежливость. И я только что распорядился выдать его инспектору, пусть пятого ранга, но приставленному ко мне ради того, чтоб побыстрее добавить тринадцатую строчку о том, что и этот губернатор не справился, и пора вносить следующего.

— Рабочий, — решительно выдохнул я. — По операции, шахтёрской общине, снабжению и будущим претензиям к

Гармонии. Личные медицинские данные не трогать. Доступ к военным каналам только через меня или Этони.

— Принято, — ответил Унц.

Нира удовлетворённо кивнула. Она получила то, что было необходимо для её части работы по защите незадачливых спасателей заложников. Допуск был не абсолютный, но её это устроило. И это тоже было хорошо.

— Тогда у нас два часа, — сказала она. — Вы готовитесь к бою, а я займусь оформлением вашего права на проведение силовой акции.

— Звучит почти романтично, — не удержался я.

Ничего такого я на самом деле в виду не имел, просто хотел шуткой разрядить обстановку. Но...

Рука Ниры тут же легла на рукоять шпаги.

— Губернатор Лисов, если вы попытаетесь шутить со мной в таком тоне во время оформления операции, я внесу в протокол отдельную строку о сниженной управленческой зрелости субъекта.

Вот так фокус! Вместо инспектора мне ДАртаньяна в юбке прислали!

Я посмотрел на шпагу, потом на Унца. И решил, что иначе, как ещё одной шуткой, из ситуации без потерь не выйти.

— Смотри, Унц! У нашего инспектора тоже ограниченный охранный режим имеется.

— Сравнение некорректно, — не поддержал меня лишённый чувства юмора дроид. — Инспектор Вейл, в отличие от

Сервант-17Уни, обладает правом самостоятельного толкования угрозы.

— То есть она опаснее тебя?

— Существенно, ваше превосходительство.

Нира прищурилась, Этони отвернулся к карте, сделав вид, что его тут вообще-то нет. А Патэль впервые за всё время издал короткий, сдавленный звук, подозрительно похожий на смешок. Тут же испугался, но поздно. Я всё уже услышал.

И почему-то именно это окончательно убедило меня в правильности собственных действий. Случайный смешок измождённого шахтёра, который впервые в жизни на секунду забыл, что обязан только бояться. Так себе достижение, но всё же.

— Итак, работаем, — произнёс я. — Время не ждёт.

На следующие полчаса модуль перестал быть просто кабинетом и превратился в штаб. Этони делил сервантов на тактические группы, помечал маршруты, ставил контрольные точки и выбирал, кто с кем пойдёт. Унц проводил инвентаризацию оружия, сигнальных маяков, энергоблоков и малых воздушных наблюдательных дронов. Нира усадила Патэля за край стола и выжимала из него всю информацию, которая могла помочь превратить нашу вылазку из губернаторской дурости в законный и необходимый акт Колониальной Администрации.

— Двести в резерве? — уточнил Этони.

— Двести четырнадцать, — поправил Унц. — Я не реко-

мендую округлять всё, что касается безопасности лагеря, в меньшую сторону.

— Двести четырнадцать, — терпеливо повторил Этони.
— Четыреста на выход.

— Триста девяносто восемь, — снова поправил Унц. — Два серванта требуют замены стабилизаторов коленного узла.

— Я начинаю понимать, почему вы его сократили до Унца, — негромко произнесла Нира, не отрываясь от планшета. — Полное имя не оставило бы времени на работу.

Я усмехнулся.

— А вы мне нравитесь всё больше, инспектор. Я опасался, что с вами будет не проще, а сложнее, чем с ним.

— Не увлекайтесь, — строго посоветовала мне она. — Всё может измениться.

Патэль сидел перед Нирой и отвечал на её бесконечные вопросы, и с каждым ответом его община приближалась к праву быть защищённой от Тесака и ему подобных бандитов. Три тысячи двести сорок семь взрослых рабочих, триста тринадцать подростков, неизвестное количество детей младшего возраста, которых ещё нельзя поставить в смену, плюс старики. Две промывочные ямы, один полуживой подъёмник, склад инструмента, семь источников воды, четыре старых долга, три незаконных сбора, и один агрессивный Тесак, чтоб ему подавиться собственной жадностью.

Когда Нира заставила Патэля назвать имена уведённых,

он сбился только на восьмом. Потом сжал край стола, отдыхался и назвал остальных.

Ровно за сорок минут до выхода Унц запустил первый малый разведывательный беспилотник. На проекции он выглядел светлой точкой, которая двигалась над серой равниной к югу. Через несколько секунд изображение дёрнулось из-за помех связи. Затем выровнялось, и на боковом экране появилась настоящая картинка местности: старый караванный путь, мёртвые опоры, обвалившийся край водосборного канала, тёмные плиты моста над ущельем.

И две тепловые отметки у ржавой балки.

— Дозор, — сказал Этони.

— Да, — подтвердил Унц. — Один в засаде, второй перемещается по короткой дуге. Вероятность дисциплинированного наблюдения низкая. Вероятность привычного караульного безделья высокая.

Второй разведывательный дрон прошёл над площадкой дробилки. Тут картинка была хуже. Старый металл слепил сенсоры и глушил передатчик, но я всё равно смог увидеть, что хотел. И открытое пространство, и навесы, и бетонную стену, и несколько тепловых пятен вдоль неё, и крупную группу у ремонтного ангара. Ещё одно пятно медленно перемещалось между пятнами постов — проверяющий.

Патэль вцепился в край стола.

— Это он...

— Тесак? — переспросил я на всякий случай.

— Да.

Он наклонился ближе к экрану, губы у него дрогнули, дыхание сбилось.

— А это пленные. У стены.

— Все живы?

Вопрос был адресован Унцу:

— Тепловые показатели у четырнадцати объектов стабильные. У трёх снижены. Точное состояние без приближения определить невозможно, — отрапортовал сервант.

— Выходим через двадцать минут, — приказал я.

Нира подняла голову.

— Протокол ещё не закрыт.

— Закончите оформление уже на ходу.

— Это нарушение процедуры, — возразила она.

— Зафиксируйте это в отчёте. И добавьте, что нарушение вызвано основанием полагать, что трое пленных могут умереть из-за нашего промедления.

Она посмотрела на экран — на тусклые тепловые пятна у бетонной стены. И вид у инспектора был такой, словно внутри у неё шёл свой бой между инструкциями и реальностью.

— Я пойду с вами, — наконец, выдала Нира, вставая.

— Нет, — отказал я.

— Да, — брови женщины сошлись на переносице.

— Инспектор, через ущелье ползет малая группа, — попробовал я воззвать к её разумности. — Там старый мост, дозор, грязь, темнота и высокая вероятность получить пулю

раньше, чем вы успеете написать жалобу о том, что я подверг вас опасности. Там может оказаться очень жарко.

— Именно поэтому я пойду. Документы недооформлены, значит, в случае, если вас убьют, кто-то должен зафиксировать, что губернатор действовал в рамках аварийных полномочий, а не по личной дурости.

Я вопросительно посмотрел на Этони. Тот сделал вид, что не заметил. Предатель! Я задумался. С одной стороны мне не хотелось терять по случайности ценную союзницу, а с другой... С другой если я ей буду отказывать, как долго она продержится на моей стороне? Если девочке хочется приключений, то кто я такой, чтобы ей отказывать. Она совершеннолетняя, поэтому пусть сама думает о своей безопасности. К тому же мне и дать ей, кроме приключений, нечего.

— Унц?

— Присутствие инспектора повышает юридическую защищённость операции и снижает вероятность успеха последующего оспаривания ваших действий. Также повышается вероятность необходимости эвакуации инспектора при ранении, замедления группы и вашего раздражения на восемьдесят два процента.

— Раздражение уже сто.

— Принято. Модель пересчитана.

Нира спокойно застегнула планшет на крепление у пояса.

— Значит, решено.

— Нет. Я губернатор, — сказал я. — Решено будет, когда

я скажу.

Она посмотрела на меня уже почти без вызова, но с уверенностью того, кто обличён полномочиями по самое «не могу».

— Решайтесь быстрее, губернатор Лисов. У вас осталось девятнадцать минут. Я за это время в любом случае не успею завершить оформление.

Терпеть не могу, когда решают за меня!

— Ладно, — нехотя сказал я. — Но если начнёте качать права и хвататься за свою шпагу без моего приказа, так и знайте, я прикажу Унцу унести вас обратно как ценный, но мешающий актив.

— Только попробуйте, — прищурилась Нира.

— Лучше не провоцируйте. У меня сегодня день плохих решений.

Она отвернулась к карте, но я успел заметить короткое движение уголка её рта. Не улыбку, а, скорее, признание, что мой идиотизм был хотя бы нескучным.

Ровно через девятнадцать минут мы вышли из модуля.

Лагерь уже гудел. Сервант-17Уни строились группами у южного прохода. Живые бойцы колониальной пехоты проверяли оружие, магазины и аптечки, но по их лицам было видно, что они предпочли бы не ввязываться в то, что считали просто авантюрой очередного губернатора.

И я их понимал.

Патэль стоял у выхода с флягой в руках. Нира вручила ему

планшет с временной копией протокола, и он держал его так крепко, будто в этом устройстве заключалась вся жизнь его общины. Хотя так оно, по сути, и было.

— Остаёшься здесь, — сказал я ему. — Если мы вернёмся с твоими, будешь принимать людей. Если не вернёмся, то ты знаешь, что с этим делать.

Я кивком указал на планшет.

— Я должен быть там, — упрямо мотнул головой Патэль.

— Нет.

Унц подошёл ко мне и без спроса проверил мой пояс, связь, аварийный маяк и медицинский пакет с такой деловой наглостью, словно я был не губернатором, а плохо собранным чемоданом.

— Готовность малой группы условно достаточная, — сообщил он. — Рекомендую избегать импровизации, резких политических заявлений и попыток лично вступить в ближний бой.

— А если очень захочется? — усмехнулся я.

— Тогда рекомендую вспомнить, что ваша смерть ухудшит моё служебное положение.

— Ого! Теперь ты заговорил честно.

— Честность повышает доверие пользователя, — тут же испортил приятное впечатление Унц.

Этони подошёл последним. На нём уже был шлем, так что голос через внешний динамик звучал чуть глуше.

— Основной отряд готов, выйдем через сорок минут. Ес-

ли связь ляжет, будем ориентироваться по времени и ситуации.

— А если я там всё испорчу? — не удержался от глупого вопроса я.

— Тогда буду импровизировать с последствиями, — совершенно серьёзно ответил лейтенант.

Я поправил ремень, почувствовал под ладонью жёсткий край оружейного крепления и посмотрел на юг. Пыль стелилась над дорогой низким серым слоем. Где-то там, за отвалом, не ждали и даже не надеялись на помощь люди, привыкшие сами себя считать чуть ли не имуществом.

А у меня, губернатора номер тринадцать, было всего двадцать минут форы, плохой план и должность, которой приходилось соответствовать даже с риском для собственной жизни.

— Пошли, — приказал я.

Основной штурмовой отряд уже вытягивался серой кишкой в направлении караванной тропы. Серванты деловито строились в походную колонну, бойцы корпуса космической пехоты лязгали доспехами, проверяя магнитные крепления и карабины, фонари, запасные энергоблоки и тактическую связь. Смотреть на них было тошно — половина гарантированно сдохнет, если наш противник окажется хоть чуть умнее табуретки. Через пару часов нам предстояло выковыривать семнадцать заложников из лап местного отморозка, и я заранее ненавидел каждую минуту грядущего штурма.

Перед самым выходом Этони нагнал меня у последней бронемашины, молча отстегнул свою набедренную кобуру и протянул её мне.

— Возьмите. Может пригодиться, — произнёс он. — На дистанции будете работать штатным карабином, здесь всё понятно. А вот окажетесь в тесноте — доставайте револьвер. Разворачивать длинный ствол в коридорах и тесноте — верная смерть.

Я мрачно уставился на оружие. Огромная рубчатая рукоять, толстый матово-чёрный ствол с интегрированным гаусс-блоком, затертая до белизны застёжка на грубой кобуре. Никаких изящных линий или парадного лоска. Практичный кусок смертоносного железа, созданный исключительно для того, чтобы вышибать мозги.

Оружие привычно легло в ладонь. Пальцы сами нащупали рубчики рукояти, тело вспомнило стандартную имперскую балансировку, вбитую в подкорку на тренировках в академии.

Старый добрый гаусс-револьвер восьмой модели. Сотни лет назад корпорация «Камкис» комплектовала такими пушками спасательные капсулы грузовых звездолётов, чтобы потерпевшие крушение бедолаги могли отбиться от агрессивной фауны. Никаких капризных интеллектуальных систем, готовых зависнуть от пыли или удара, только сверхпроводящие магниты в стволе и примитивный процессор в рукоятке.

Датчики мгновенно считывали информацию, позволяя

регулировать мощность выстрела простой сменой положения предохранителя.

Глава 6. Шестнадцать игл и одно решение

Помимо игл, старичок легко мог использовать осколочно-зажигательные заряды из толстостенной надрезанной на сегменты пластали с термитной начинкой, выдающие шар слепящего высокотемпературного пламени и крупные осколки. Один выстрел таким боеприпасом с семидесяти метров отрывал конечность взрослому фрирокскому гориллоиду и воспламенял даже то, что гореть было не способно.

Против человека это работало с куда более живописными последствиями. Ходили слухи о существовании плазменных зарядов, однако в базовых пехотных методичках о них благо-разумно помалкивали, уберегая криворуких салаг от само-сожжения.

Я быстро подогнал автопортупею под свои габариты. Внешне она искусно косила под старомодную тиснёную ко-жу, но на деле являлась сверхпрочной полимерной полосой, усеянной восемью десятками мелких кармашков для запас-ных картриджей, расположенных как на поясной части, так и на плечевых перевязях.

Щелчок закрытого барабана прозвучал как лязг тюремно-го засова. Руки проделали всё сами, минуя разум, на чистых рефлексах. Четвёртый блок стрелковой подготовки гласил:

принять оружие, осмотреть каморы, закрепить на бедре — на всё три секунды. Если копаешься дольше — лежишь в мешке для трупов.

Я защёлкнул фиксатор кобуры на бедре, проверив, не станет ли она цепляться за приклад карабина.

— Личное оружие? — поинтересовался я, глядя в совершенно равнодушное лицо подчинённого.

— Моё собственное, — кивнул Этони. — Постарайтесь не потерять.

— Весит как половина бронетранспортёра, твоей пушкой можно гвозди забивать.

— Именно поэтому держите её крепче. Это вам не подарочный сувенир из офицерской лавки.

Этони произносил слова без нажима, словно зачитывал инструкцию по утилизации медицинских отходов.

— А если я всё испорчу, и мы вляпаемся по полной программе? — спросил я, затягивая фиксатор шлема на подбородке.

— В таком случае мне придётся разгребать ваше губернаторское дерьмо, — флегматично отозвался лейтенант.

— Ваш благородный Дом и не такие завалы разгребал, верно? — решил блеснуть догадкой я.

И, разумеется, мимо.

— Именно на этом Дом Бакто окончательно и разорился.

Он выдал это абсолютно спокойно, без малейшей тени жалобы или упрёка, что стало предельно ясно — однажды нам

предстоит долгий ночной разговор за бутылкой чего-то покрепче воды, где мы, наконец, узнаем, кто и по какой причине оказался на этой планете. Разумеется, при условии нашего выживания.

А прямо сейчас впереди ждали щербатый старый мост, семнадцать измученных пленников и ублюдочный Тесак. Но мелкий царёк пустошей пока не догадывался о внесении его уютного криминального хозяйства в нашу расстрельную ведомость.

Я грубо поправил сползший ремень, хлопнул ладонью по ребристой ствольной накладке карабина и бросил взгляд на юг, где небо уже наливалось больной ржавчиной.

— Выдвигаемся!

Мы преодолели расстояние до старого моста через пересохший водосборный канал подозрительно быстро. Стоило нам только покинуть лагерь, как липкая пыль мгновенно покрыла дыхательный фильтр, забила в складки комбинезона и мерзко заскрипела на стыках тактических перчаток. Я шагал след в след за Римой. Девчонка хромала куда сильнее, чем мне заливал Патэль. Свою раненую левую ногу она ставила с заметной осторожностью, коротко проваливаясь корпусом при каждом шаге. Но зато по старому мосту повела нас уверенно, как может только тот, кто действительно знает безопасный путь.

Прямо за моей спиной маячил Унц. Он ступал удивительно мягко для дроида своего класса, да ещё и утяжелённый

сложенной броневой плитой ростового штурмового щита, готового развернуться по первому импульсу. Присутствие механического убийцы выдавали лишь едва слышные щелчки металлических подошв по древнему настилу.

Следом за дроидом тащилась Нира. Я успел проклясть себя минимум трижды за то, что разрешил ей увязаться вместе с ударной группой. Мои внутренние черти требовали от неё нытья, ошибок и паники, чтобы дать мне законный повод обрушить накопившееся напряжение на чужую голову. Но Нира, надо отдать ей должное, двигалась бесшумной тенью, не лезла на рожон, не хваталась за эфес своей пижонской шпаги от каждого шороха и совершенно не задавала идиотских вопросов ради демонстрации собственной служебной значимости.

Психовать и злиться на неё было совершенно не за что. И именно это и бесило больше всего. Потому что я злился на себя и дёргался перед первым своим боем в этой и прошлой жизни.

Рима остановилась и подняла руку. Я замер и положил ладонь на карабин.

Перед нами тянулся старый мост. Когда-то по нему к водосборному каналу ходили ремонтники и ездили лёгкие тележки. Теперь настил был разбит, кое-где оголившись аж до ржавой арматуры, а край обрывался зубчатой линией над чёрной щелью.

Снизу тянуло сыростью, где-то в глубине капала вода.

Рима присела и показала вправо.

— Дозор.

Я повернул голову и увидел две слабые тепловые отметки у ржавой опоры. Потом перевёл взгляд на наручный экран. Малый датчик Унца передавал картинку с помехами, но людей было видно. Один сидел, привалившись к куску бетона. Второй ходил по короткой дуге и иногда останавливался так надолго, что даже я понял, что он не столько караулит мост, сколько борется со скукой.

Это был не настороженный дозор, а два обормота, привыкших, что шахтёры боятся их и не нападают. А больше они никого и не ждали.

— Обойти получится? — спросил я.

Рима мотнула головой.

— В обход очень далеко.

Унц подал голос на закрытом канале. Он молчал, я слышал каждое его слово в наушниках своего штурмового шлема:

— Рекомендую нейтрализовать дозор. Вероятность обнаружения группы при обходе выше допустимой. Вероятность провала операции, если пойдём в обход — сорок три процента.

— Ты это по карте понял или решил добавить мне настроения? — уточнил я.

— По тепловому скану и данным Римы. Ваше эмоцио-

нальное состояние оценивается как стабильно негативное, — привычно не остался в долгу Унц.

Нира наклонилась ближе, хотя мы и говорили по закрытой связи.

— Если дозор выживет и потом даст показания, у нас будут свидетели незаконного захвата рабочих единиц.

— Если дозор заметит нас и заорёт, у нас будет по лишней дырке в головах, — возразил я.

— Значит, не дайте ему заорать, — пожала плечами инспектор. — Документы по делу ещё не закрыты, так что дополнительное подтверждение лишним не будет.

— Если это подтверждение не убьёт нас раньше, чем станет полезным.

Она посмотрела на меня с нечитаемым выражением на милом голубокожем личике с аристократическими чертами.

— Тогда оно будет бесполезным, ваше превосходительство. Поэтому действуйте аккуратно.

Вот и пойми, серьёзно она сейчас или как?

Ладно. Значит, дозор придётся взять живыми или ликвидировать.

Я показал Унцу два пальца, потом указал на бандитов. Унц понял без уточнений. В левый манипулятор он взял короткий фиксатор с тросом. В правом появился парализующий импульсник. Не боевое оружие, просто средство для буйных рабочих. Но для дозорного без брони должно было хватить за глаза.

Рима пальцем показала, куда можно наступать, чтоб не провалиться. Мы двинулись вперёд.

Я выбрал того, что ходил. И почти добрался до него, когда под ногой сухо хрустнул какой-то мусор.

В животе всё сжалось. Но караульный даже не насторожился. Он остановился в трёх шагах от меня, глядя в сторону, поправил старый карабин на ремне и почесал шею под фильтром.

Я не стал ждать, пока шанс проплывёт мимо.

Шагнул ближе, подсек бандита ногой, рывком потянул за ворот на себя и прижал его затылок ладонью так, чтобы лицевой фильтр упёрся мне в нагрудник.

Караульный дёрнулся. Он оказался сильнее, чем выглядел. Уперся локтем мне в ребро, заскрёб ботинком по бетону и попытался достать зубами моё запястье.

На тренировках в полном погружении по рукопашке такие спарринги выглядели аккуратнее. Там противник вёл себя как учебное пособие, а не как человек, которому очень не хочется ни попадать в плен, ни умирать.

Щелчок импульсника подсказал, что Унц повёл себя мудрее и в рукопашную не полез. Второй караульный медленно осел у опоры, даже не успев понять, что происходит.

Мой караульный щелчок услышал. Замычал под фильтром и рванулся ещё раз, так что пришлось немного приложить его башкой об твёрдую землю. Он обмяк, и я, наконец, смог его отпустить.

— Жив? — деловым тоном спросила Нира.

Я проверил пульс у шеи.

— Жив. Потом запиши в отчёт, что я был гуманен до от-
вращения.

— Запишу, что задержанный не был убит при нейтрализации.

— Скучная формулировка. Не отражает всех граней нашей с ним борьбы.

— Зато хорошо смотрится в документах.

Унц уже связывал обоих пленных фиксирующей лентой. Один из бойцов снял с дозорных оружие и оттащил карабины к бетонной стенке.

— До подхода основного отряда тридцать одна минута, — сообщил дроид между делом. — У площадки дробилки движение. Тепловые метки у стены сохраняются. Три сниженных показателя ухудшились.

Я тихо взял дозор, не сорвал операцию и даже не убил ни одного из свидетелей, а Унц даже порадоваться маленькой победе не дал, гад такой!

— Идём, — махнул рукой я.

Рима первой пересекла старый мост, показав путь. Я повторил её шаги. За мной пошла Нира, потом Унц и остальные. На середине моста инспектор коротко зашипела.

Я обернулся.

Нира стояла, чуть присев и отведя левую руку в сторону

для равновесия. Каблук её служебного ботинка угодил в широкую трещину настила и застрял.

Я вернулся к ней и протянул руку.

— Давайте помогу.

— Я сама, — упрямо заявила инспектор.

— Не время изображать независимость, — я остался на месте. — У нас тут не прогулка.

Она бросила на меня взгляд, после которого нормальный лубасири должен был бы сам лечь, оформить себе взыскание, а после ещё и застрелиться. Но потом всё-таки схватила меня за предплечье, потянула, выдергивая ногу из ловушки, и осторожно сделала следующий шаг, на этот раз правильный.

А хватка у неё не по-дамски сильная, между прочим!

— В протокол это не войдёт, — быстро сказала Нира.

— Что именно? Что вы едва не лишились ботинка или что временный губернатор-гоп спас вас от тяжёлой административной утраты? — не сдержался я.

— Губернатор Лисов, однажды я всё-таки найду законный способ внести вашу манеру разговора в отдельное приложение, — пообещала Нира, но как-то беззлобно.

— Главное, не сейчас. Сейчас у нас времени в обрез.

Она ничего не ответила, но руку сразу не отдёрнула. Только через секунду отпустила моё предплечье и пошла дальше.

Унц уже был в конце моста, и двигался он удивительно ловко. На его фоне я даже на секунду почувствовал себя неуклюжим.

За мостом начались старые служебные проходы. Узкий коридор между остатками бетонных стен и ржавых контейнеров вёл к площадке дробилки с тыла. Здесь валялись сломанные вагонетки, пустая тара, куски старых креплений, обрывки кабеля и рваные мешки из-под промышленного сорбента.

Чем ближе мы подходили к площадке, тем тяжелее становился воздух.

Но это было не из-за пыли или сырости водосборного канала. Источник обнаружился, когда мы подошли к убежищу Тесака вплотную. Это был расположенный неподалёку ангар, из глубины которого тянуло кислым, солёным и гнилым. Чуть ближе к нам, у стены под навесом висели старые крючья. Рядом стояли бочки с потемневшими краями. В вездесущей местной пыли угадывались следы волочения: от площадки к боковой створке ангара, потом обратно.

Я посмотрел на Риму. Она тоже заметила следы, но не придавала им значения.

Я, хоть и насторожился, пока тоже не делал выводов.

Финальная точка маршрута была у стены. Живые заложники в первую очередь, остальное всё после.

Рима остановилась у пролома в бетонной стене и вцепилась пальцами в обломанный край.

— Там...

Я подошёл, опустился рядом и осторожно выглянул.

Площадка перед дробилкой расположилась неправиль-

ным прямоугольником между старым навесом, ремонтным ангаром и бетонной стеной. У стены сидели связанные сервы. Несколько вообще лежали без движения.

Над площадкой висела кран-балка, под ней замерли ржавые вагонетки. У угла ангара темнел вход в старый дренаж, прикрытый перекошенной решёткой. Рядом с ним возились двое подчинённых Тесака. Между пленными ходил широкий мужик в старой куртке расшитой бронеплатинами. На поясе у него висел тяжёлый тесак, переделанный из шахтного резака.

А вот и главарь собственной персоной!

Я видел его впервые и уже ненавидел. За то, что он позволил себе строить свою власть на боли и крови тех, кто ни в чём не был виноват.

— Наличие живых пленнх подтверждено, — произнёс Унц в канал. — Четырнадцать сидят. Трое без движения. Дополнительные тепловые отметки в ангаре. Часть отметок малоподвижна. Классификация не подтверждена.

— Рима, — тихо сказал я. — Отца видишь?

Она долго вглядывалась в пленников. Потом кивнула.

Пока мы переговаривались, Тесак остановился у одного из связанных и наклонился. Пленный попытался отползти, но не смог из-за стянутых за спиной рук. Тесак что-то тихо сказал ему, а потом ударил ногой в живот.

Рима дёрнулась вперёд.

Я поймал её за ворот куртки.

— Куда? Лежать!

— Это мой отец!

Я посмотрел на жилистого лубасири, которого пнул Тесак. Седой, худой, с разбитым лицом. Но живой. Пока живой...

— Лежать, — повторил я. — Если сорвёшься сейчас — выдашь нас. Тогда он умрёт. Может не первым, но будь уверена, убьют его наверняка.

Рима замерла. Её трясло, но она заставила себя лечь и вцепилась зубами в собственный рукав, чтобы не заорать.

Нира присела рядом со мной. Планшет уже был включен в режим записи, а клапан кобуры открыт.

— Факт насилия над удерживаемым работником фиксируется, — тихо сказала она.

— Очень надеюсь, что Тесак оценит красоту формулировки, когда мы будем его вязать.

— Ему не обязательно её даже слышать. Достаточно, чтобы формулировку оценил суд.

Унц повернул ко мне сенсорный блок.

— Рекомендую сохранить лидера незаконной группы живым. Он является источником сведений о связях, маршрутах, покупателях руды и возможных покровителях и выгодоприобретателях его незаконной деятельности.

— Да знаю я..., — я сдержался, чтоб не выразиться крепче.

— Ваш тон указывает на обратное, — не оценил моих усилий Унц.

Пришлось пояснять.

— Мой тон указывает, что то, что я знаю, мне не нравится. Я бы с большим удовольствием пристрелил эту сволочь.

От новых замечаний дроида меня спас Этони.

— Губернатор, — в канале связи щёлкнуло, и раздался голос лейтенанта. — Основной отряд в трёх минутах от визуального контакта. Дозор на дороге нас заметил. Реакция слабая. Похоже, недооценили численность.

— Начинайте. И погромче. Пусть впечатлятся, — приказал я.

— Принял, — отозвался Этони, и в его голосе мне послышалась предвкушающая усмешка.

Через пару минут на дальней стороне площадки вспыхнули белые фонари. Сначала один. Потом десять. Потом целая линия, и серые корпуса сервантов выступили из темноты и пыли ровным строем. По краям шли бойцы ИКА.

Из внешнего динамика донёсся голос Этони:

— Незаконная вооружённая группа у южного отвала, говорит представитель губернатора Пачук-9. Сложите оружие. Освободите удерживаемых работников. Выходите на открытую площадку по одному.

Люди Тесака заметно забеспокоились. Но сам он не испугался — это было видно по движениям без паники, полным холодной и расчётливой злости. Он резко повернулся к воротам, потом к ангару, оценивая обстановку с быстротой и точностью, которые говорили о немалом опыте. Рывкнул ко-

роткую команду, и двое стрелков побежали к навесу, пригибаясь и стараясь использовать любой выступ как укрытие.

Ещё один стрелок нырнул за контейнер, мгновенно исчезнув из виду. У боковой створки ангара другой дёрнул рычаг, и решётка у старого дренажа пошла вверх с хрипом, напоминающим стон раненого зверя.

Порядок у Тесака был. Не армейский — хозяйский. На случай, если кто-то всё-таки придёт. Каждый знал своё место, каждый понимал, что делать, если вдруг нагрянут незваные гости.

Тесак шагнул к пленным, схватил ближайшего мужчину за волосы и рывком поднял на колени. Пленный застонал — звук вышел сдавленным, полным боли и бессилия. Я сжал зубы, чувствуя, как внутри закипает что-то тёмное и яростное. Хотелось броситься вперёд, но сдержался — одно неверное движение, и всё полетит в пропасть.

— Назад! — крикнул Тесак к воротам, голос его гремел, перекрывая шум и гомон. — Или я начну их резать! И начнём с этого!

Этони ответил без паузы, ровным, почти бесстрастным голосом:

— Убийство удерживаемых работников при подавлении незаконной группы будет зафиксировано какотягчающее обстоятельство. За это полагается высшая мера. Никакие связи не помогут тебе её избежать.

Я отметил про себя его спокойствие. Сам бы я в такой мо-

мент сказал чтонибудь менее полезное для будущего дела — скорее всего, что-то вроде «Брось нож, ублюдок, или я тебя на куски порву». Но Этони знал, как правильно давить противника словами.

Тесак оскалился, обнажая пожелтевшие зубы.

— Да мне плевать на ваши бумажки! Думаешь, я боюсь ваших судов?

— Это не бумажка, — тихо произнесла Нира рядом со мной, но так, чтобы слышал только я. — Это твоя будущая петля. Она уже накинута, осталось только затянуть.

Тесак её, конечно, не слышал — инспектор не включала внешнюю связь и не собиралась выдавать нашу группу. Её голос тоже прозвучал ровно и без эмоций, но в нём чувствовалась сталь.

Унц уже поднял фиксатор, его массивная фигура чуть сдвинулась.

— Стреляй так, чтобы он не смог добраться до горла, — сказал я. — Но он мне нужен живым.

— Прогноз результата не абсолютен, — отозвался Унц механическим голосом.

— Знаю. Попробуй.

Глава 7. Двенадцать погибших и четырнадцать спасённых

Тесак замахнулся — лезвие его клинка блеснуло в тусклом свете, готовое вспороть горло пленнику.

Унц выстрелил.

Фиксатор с тросом щёлкнул в воздухе, ударил Тесака по предплечью и сорвал руку в сторону. Лезвие сместилось от удара и вместо горла резануло пленника по плечу. Кровь брызнула тёмной струёй, мужчина рухнул на бок, застонав.

Я выскочил из пролома, чувствуя, как адреналин ударяет в виски и заставляет сердце биться чаще.

— Лежать! Всем лежать мордой в пол! — мой голос прозвучал резко, властно, перекрывая гул выстрелов и крики. — Работает губернаторская гвардия!

Я выстрелил по одному из двух боевиков, бежавших к пленным. Тот успел добежать до ржавой вагонетки — и рухнул, ударившись головой о металл, после чего замер. Второй резко свернул к контейнеру и подставился под огонь бойца ИКА с правого фланга. Пуля ударила его в бок, он вскрикнул и упал, пытаясь отползти, но уже было поздно.

А потом люди Тесака открыли ответный огонь.

Изпод навеса ударила очередь. Пули выбили пыль из бетона левее, заставив меня пригнуться. Я упал за вагонетку,

вскинул карабин и поймал в прицел фигуру у колонны. Три выстрела — чётко, размеренно. Фигура исчезла за бетонным основанием, и я на мгновение замер, прислушиваясь к звукам боя.

Унц вышел через пролом следом за мной, снял с бокового крепления щитовую плиту и поднял её перед корпусом. Нира выскользнула вслед за ним и пристроилась позади дроида — так, чтоб всё время быть под прикрытием его щита.

— Не пускай их к пленным! — крикнул я Унцу.

— Принято, — коротко отозвался дроид.

Он встал между пленными и ангаром. Пули защёлкали по щиту, высекая искры. Я нырнул ниже, перевёл огонь на людей у ангара.

Оттуда выбежали трое. Один с коротким резакom — лезвие блестело, будто смазанное маслом. Второй тащил мешок на плече, видимо, с добычей или припасами. Третий попытался открыть боковую створку, чтобы отсечь нам обзор и дать своим шанс на отход.

Тот, что с резакom, побежал прямо к связанным заложникам, явно намереваясь их прикончить. Я дал по нему очередь, но плохо прицелился, и она прошла мимо. А бандит был уже слишком близко к пленным — ещё пара шагов, и он бы добрался до них.

Я отпустил карабин, и он повис на ремне. Рука пошла к кобуре.

«Защитник8» вышел тяжело, с коротким сопротивлением

крепления. Я поднял и выстрелил почти в упор. Первый выстрел ударил бандита в плечо. Его развернуло, но он удержался на ногах.

Второй выстрел, более убойный, попал в грудь.

Бандит упал у стены, выронив оружие. Удар отдачей прошёл в кисть и локоть, будто кто-то ударил кувалдой. Я сразу вернул револьвер в кобуру и подхватил карабин.

— Хороший запасной ствол, Этони, — бросил я в канал связи.

— Я поэтому его вам и дал, — ответил Этони.

В голосе лейтенанта прозвучала лёгкая усмешка, будто он заранее знал, что оружие пригодится.

Серванты шли строем, щитами и огнём отжимая людей Тесака от ворот к контейнерам. Бойцы ИКА били по стрелкам у навеса. Один сервант упал на колено и тут же получил очередь в корпус. Но не остановился, а поднял щит выше, закрывая живого бойца. Машина и человек работали вместе, как единое целое.

Тесак всё ещё был у стены.

Унц ударил вторым фиксатором. Трос обвил запястье Тесака. Тот бросил пленного, рванул руку на себя и одним движением перерубил трос. А потом, оценив обстановку, нырнул между контейнерами, исчезнув из вида так быстро, что я едва успел заметить его силуэт.

Я хотел рвануть за ним. В голове была простая мысль: если этот гад сейчас уйдёт, он соберёт остатки людей и вернёт-

ся уже не грабить, а убивать. И уже не чужих шахтёров, а моих. Тех, кого я взял под защиту, хоть они сами пока ещё не поняли, что это значит.

Унц поймал меня за плечо манипулятором — хватка была железной, не вырваться.

— Пленные, губернатор, — произнёс дроид. — Они важнее.

Я послушно остановился. Внутри всё кипело, но я понимал — он прав.

Один из людей Тесака, раненый, но живой, попытался дотянуться до ножа у пояса. Нира заметила это раньше меня и ударила его ногой по кисти — нож отлетел в сторону, а бандит зашипел от боли.

— Этони, Тесак между контейнерами. Дренаж открыт, — передал я в канал.

— Вижу. Группу отправил. Внутрь без приказа не полезут, — отозвался Этони.

— Правильно.

Бой начал стихать. Большинство бандитов Тесака, осознав, что сопротивляться больше нет смысла, стали бросать оружие. Но некоторые попытались бежать к ангару, а один — широкий мужик с полосой на маске, — прикрывал отход к дренажу так упорно, что его пришлось брать огнём с двух сторон.

У стены всё оказалось хуже, чем показывали тепловые отметки — реальность всегда гаже, чем картинка на экране.

Один мужчина всё время шептал имя — одно и то же, монотонно и без остановки. Он смотрел сквозь нас, в пустоту, будто видел там что-то, чего нам не дано. Ещё женщина раскачивалась из стороны в сторону, и, хотя руки у неё уже развязали, движения её были механическими, как у сломанной куклы. Двое раненых пытались встать на колени, опираясь на стену. Я не позволил.

Я присел перед ближайшим ко мне пленным и разрезал ремень на его запястьях. Рядом тем же занялся один из бойцов ИКА.

Рима, наконец, добралась до отца, вцепилась в его рукав и начала повторять:

— Отец. Отец. Я здесь. Я здесь.

Обессиленный мужчина открыл глаза не сразу. Потом посмотрел на неё и попытался поднять руку. Но не смог — силы покинули его.

— Не трогай рану, — резко бросила Нира, опускаясь рядом с девочкой. Инспектор действовала быстро, но без суеты. — Дай мне плечо. Нет, не твоё. Его плечо, Рима.

Рима послушалась. Нира разрезала ткань у раны, наложила временную повязку — движения были отточенными, будто она делала это сотни раз. Затем сразу перешла к следующему пленнику.

— Соппротивление у входа в ангар подавлено, — раздался голос Этони в канале. — Один бандит убит, двое ранены, трое сдались. Внутри следы разделки и живые в подсобке.

Нужно ваше решение.

Слово «разделки» я услышал сразу — оно ударило по нервам, как разряд тока. В голове что-то щёлкнуло, и картинка сложилась. Только от неё сразу стало тошно.

— Унц, со мной. Нира, входишь после бойцов. Первая не лезешь, — приказал я.

— Принято, — коротко ответила инспектор.

Я подошёл к ангару и сразу заметил мешок, который один из людей Тесака не успел утащить. Мешок лежал на боку. А из него торчал кусок грязной рабочей ткани с пришитой биркой.

Унц повернул сенсор вниз.

— Фиксирую личную бирку. Имя частично закрыто грязью. Рекомендуется досмотр.

— Потом. Сначала ангар, — остановил дроида я.

Внутри воняло так, что даже фильтр не спасал. Кислый рассол. Гниль. Старая кровь. Техническая смесь, которой пытались эту вонь забить, — дешёвая, едкая, только усиливающая ощущение мерзости. Жар старого нагревателя, работающего на малой мощности.

И специфический запах мясного бульона, в который забыли положить специи.

Слева стояли бочки. У одной из них крышка была плохо закрыта, и по краю стекала вязкая тёмная жидкость. По полу вдоль бочек шёл желоб, над ним висели крючья с зазубринами от частого использования. Дальше стояла тяжёлая плита,

похожая на рабочий стол.

А в яме у задней стены лежали кости.

Старые и свежие. Очищенные. И с тухлыми остатками мяса. Рядом — обрывки рабочей одежды, куски ремней, личные бирки, обувь и защитный фильтр явно не взрослого размера.

Плита, крючья и кости сложились в одно объяснение, от которого тут же захотелось проблеваться. Остановило меня только то, что для этого пришлось бы снять фильтр и вдохнуть амбре каннибальской разделочной полной грудью.

Вот так. Тесак и его бандиты оказались каннибалами. Теперь стало понятно, почему часть его подчинённых — видимо, те, кто не был допущен к пиршествам Тесака и его ближнего круга, — боялась ангара сильнее, чем сервантов.

Нира вошла после бойцов. Остановилась у порога. Лицо у инспектора осталось бесстрастным, но пальцы, сжимавшие планшет, побелели, выдав её состояние.

— Унц, фиксируйте, — коротко приказала она.

— Фиксирую, — отозвался дроид. — Признаки массовых убийств. Признаки расчленения. Признаки хранения биоматериала. Вероятные признаки каннибализма. Минимальное число погибших по видимым останкам — не менее девяти. Для более точного подсчёта требуется медикокриминалистический осмотр.

— Пишите без «вероятных» там, где есть прямые следы разделки, — отрезала Нира. — Остальное отметьте как тре-

бующее экспертизы.

Я посмотрел на неё.

— Ты сейчас серьёзно думаешь о формулировках? — не выдержал я.

— Да. Если написать криво, потом любой защитник этой падали скажет, что мы нашли мусор, старые кости и следы боевых потерь. А если мы всё сформулируем правильно, это будет дело о массовом убийстве удерживаемых работников. С соответствующими последствиями для Тесака.

Унц поднял из пыли тонкую бирку манипулятором.

— Личная бирка. Маркировка частично читается. Имя: Дая. Фамилия не читается.

У порога кто-то хрипло вдохнул. Я обернулся.

Рима стояла за бойцом ИКА. Её не должны были сюда пускать, но она как-то умудрилась прорваться.

— Рима, назад, — предостерегающе бросил я.

Она не услышала. Смотрела на бирку расширившимися глазами.

— Дая? — наконец, переспросила она. — Я знаю Даю. Ей мать мне застёжку чинила. Дая пропала пару месяцев назад.

Нира медленно закрыла глаза. Тут же открыла.

— Имя подтверждено свидетелем. Унц, отметьте.

— Отмечено.

Рима стояла у порога и смотрела на бирку. Я подошёл к ней и встал так, чтоб загородить остальное.

— Выйди.

— Они её?..

— Выйди, Рима.

Девочка подняла на меня глаза.

— Она была маленькая.

— Знаю. Выйди. Твой отец снаружи, и ты ему нужна.

Это сработало, хоть и не сразу — Рима вышла в сопровождении всё того же бойца. Я остался. В горле стоял ком, но я старался его сглотнуть — сейчас не время для эмоций.

После ангара я уже не мог закрыть дело одним только спасением заложников. Теперь это было расследование. Расследование, которое потребует крови — моей, их, всех, кто причастен.

Этони подошёл к порогу.

— Губернатор? Тесак ушёл в дренажный канал. Что будем делать?

— За ним не лезть! — сквозь зубы процедил я, хотя внутри всё кричало: «Догони! Убей его!» Но разум знал: сейчас важнее сохранить тех, кто выжил. — Вход в дренаж под контроль. Два серванта у входа, один следящий дрон внутри до первого разветвления. Дальше не идти. Датчики движения, тепла и звука. Заграждение. Один ваш боец старшим поста. При попытке выхода с оружием — огонь. Без оружия — брать живыми, если возможно.

— Принял, — кивнул Этони.

— Ангар под охрану. Никого внутрь не пускать без инспектора Вейл или Унца. Всех пленных людей Тесака отдель-

но. Приближённых отдельно. Тех, кто был в ангаре, отдельно.

— Сделаем.

Нира вышла из ангара вслед за нами. На площадке бойцы Этони собирали оружие. Раненых грузили на платформы. Тела погибших накрывали их же плащами. Освобождённые сидели у стены или стояли там, где им сказали стоять, будто ещё не до конца поверили, что можно просто встать и уйти.

Один из пленных людей Тесака пытался что-то объяснить бойцу ИКА. Тот молча держал его на прицеле, пока Унц фиксировал лицо, руки, одежду, оружие и следы крови на рукавах.

— Сколько? — спросил я у Унца.

— Освобождены четырнадцать пленных из основной группы удержания. Трое из ранее захваченных найдены погибшими у стены. Дополнительно обнаружены десять человек в ангаре и подсобных помещениях. Четверо способны идти сами, шестеро требуют транспортировки. Пленные незаконной группы: одиннадцать живыми, из них трое ранены. Потери среди бойцов ИКА отсутствуют. Один Сервант-17Уни безвозвратно повреждён, четыре требуют ремонта.

— По останкам?

— Минимальное число погибших в ангаре — не менее девяти. После осмотра число может измениться.

— Спасибо. Хватит.

— Отчёт неполный.

— Я знаю. Полный потом.

Унц замолчал. Его сенсор чуть дрогнул, будто дроид на мгновение задумался — что вряд ли было правдой. Просто так выглядела пауза в его алгоритмах.

Я посмотрел на площадку.

Рима сидела рядом с отцом на грузовой платформе и держала его за рукав. Мужчина был в сознании. Говорить ему пока было трудно, но по глазам можно было прочесть всё. Он видел, что дочь жива и рядом, и это давало ему силы держаться.

Несколько освобождённых шахтёров уже осмелели настолько, что рискнули поднять взгляды. Когда бойцы приказали идти к платформам, они пошли первыми — неуверенно и медленно, но подавая пример остальным.

Перед уходом я ещё раз подошёл к старому дренажу.

За не до конца поднятой решёткой чернел ход, тёмный и тесный, будто глотка какого-то подземного чудовища. Малый следящий дрон спустился туда на тонком страховочном кабеле и уже передавал изображение, хоть и с сильными помехами: стены в потёках, ржавые скобы, вода по щиколотку, первое разветвление через двадцать метров. Дальше опускать его не стали — это был предел, за которым сигнал обрывался.

Сервант стоял у входа со щитовой плитой, готовый к обороне. Рядом боец Этони закреплял датчик движения на бетонном краю. Ещё один сервант тащил контейнерную раму

для заграждения, его массивные манипуляторы едва заметно дрожали от нагрузки.

Тесак был где-то там.

Живой. Злой. Униженный.

И теперь уже личный мой враг.

— Он выйдет, — сказал Этони, подходя ко мне. Его голос звучал ровно, без эмоций, но в нём чувствовалась уверенность. — Никуда не денется.

— Знаю.

— Но не обязательно здесь.

— Это тоже знаю. Обсудим в лагере, как будем его ловить.

Мы закончили выводить людей перед рассветом. Небо на востоке чуть посветлело, но тени всё ещё цеплялись за землю, пряча в себе остатки ночи.

Колонна растянулась по старой дороге. Серванты шли по краям, создавая движущийся щит, грузовые платформы несли раненых и тела погибших. Освобождённые шахтёры брели между ними, кутаясь в выданные плащи и прижимая к груди фляги с водой. Их движения были медленными, осторожными — они ещё не верили, что опасность позади.

Пленных людей Тесака вели отдельно, под охраной бойцов ИКА и сервантов.

У насыпи я оглянулся.

Площадка дробилки, ангар, старый мост и тёмный вход в дренаж оставались позади. Шахтёров мы спасли, хоть и не

всех. Теперь надо было довести их до лагеря. А уже потом думать, как вытащить Тесака из его мокрой норы и предъявить ему все обвинения, которые Нира успела оформить.

До лагеря было ещё идти и идти.

К северному проходу лагеря мы вернулись уже в сером утреннем свете.

Нас встретили два БТР «Армачд», стоящие у ворот почти борт в борт, оставляя лишь узкий проход между собой. При виде меня они пришли в движение и выдвинулись вперёд и в стороны, чтобы освободить проход.

Сумрачный гений инженеров из корпорация «Военная и гражданская техника Вабарны» внушал. Как только я увидел их в первый день, когда мне их прислали с орбиты, то сразу вызвал справку и узнал, что БТР «Армачд v2» создавался как универсальное средство для транспортировки планетарного десанта, огневой поддержки и функционирования в роли мобильного тактического штаба. Конструкторы сделали ставку на простоту, технологичность и низкую стоимость эксплуатации.

Малый вес позволял перевозить машину в грузовых отсеках десантных кораблей и высаживать непосредственно в зону боевого соприкосновения. Шасси было изготовлено методом молекулярной печати из тифтония с внутренними полостями, заполненными пеной для защиты от осколков и мин. Полноприводная колёсная база 8×8 на гидропневматической активной подвеске обеспечивала высокую проходи-

мость, клиренс легко увеличивался до 50 см высоты. Каждое колесо приводилось в движение индивидуальным электродвигателем через автоматическую электронную трансмиссию. Колёса, бронированные по самое «не могу», выдерживали температуру до 1100°C, давление в шинах регулировалось централизованно, из кабины. Водные преграды эти машины преодолевали вплавь с помощью двух кормовых водомётных движителей.

Броня корпуса была выполнена по композитной схеме с использованием тифтония, керамопласта, карбида бора и полимеров, усиленных молекулярной связкой. Монокристаллическое антилазерное покрытие и радиопоглощающие материалы снижали заметность бронетранспортёра. Активная защита и средства РЭБ обеспечивали выживаемость в условиях активного использования противником средств поражения, а вооружение (скорострельные лазеры, пучковые пушки и противотанковые ракеты) позволяло эффективно поражать широкий спектр целей — от пехоты до легкобронированной техники и низколетящих воздушных объектов. Боевой модуль мог действовать автоматически, разгружая экипаж в условиях интенсивного боя.

БТР «Армачд v2» зарекомендовал себя как надёжная и неприхотливая машина, способная выполнять задачи в любых условиях — от разрежённой атмосферы спутников до токсичных пустошей фронта. И два представителя этого чуда техники сейчас будут использоваться как волнорезы

для толпы освобождённых шахтёров.

Глава 8. Патэль Седьможил

Я вошёл внутрь периметра первым и остановился.

Слева бойцы космической пехоты принялись парковать колёсные грузовые платформы с ранеными. Справа серванты, оставленные в лагере, заранее расчистили площадку для пленных. Под навесом у склада двое рабочих убрали ящики, чтобы туда можно было положить тела. У медицинского модуля уже ждали медики с подготовленными инструментами на раскладных столах. Возле бочек с очищенной водой стоял кладовщик. В одной руке он держал связку пустых фляг, второй прижимал к груди складской планшет, и вид у него был такой, будто он уже видел, как через минуту люди бросятся к воде, а потом Нира снимет с него кожу за неучтённый расход.

Естественно, персонал по большей части был искусственными, как я. Причём их принадлежность с первого же взгляда не вызывала никаких сомнений — многие по старой привычке пытались внести в свой облик индивидуальность. Прежде всего это касалось одежды — некоторые ухитрялись нанести на привычный форменный комбинезон какой-нибудь принт или оторвать рукава.

Другие шли дальше и в погоне за уникальностью увлекались татуировками. У нескольких ими был покрыт каждый свободный миллиметр кожи, в том числе и лица. А одна

из медицинских сестёр показалась мне вовсе не человеком, а какой-то неведомой зверушкой, зачем-то притворяющейся гуманоидом. Сплетающиеся причудливым образом разноцветные линии и пятна на её коже образовывали хаос, из которого лишь с некоторым трудом можно было вычленить глаза, рот и нос. Да и те, стоило ослабить концентрацию, тут же пропадали, сливаясь в одну разноцветную мозаику.

Часть искусственников были специалистами. То есть те, кто, как и я, удосужился в АИКА освоить хотя бы «азы» какой-либо профессии. И такие в моём поселении были на вес золота, потому что основная масса полученных мной го-пов были непригодны ни к чему, кроме как к чёрной работе.

Патэль встретил нас у входа. Он стоял с пустой флягой в руках и смотрел на колонну так, будто боялся узнать своих и одновременно боялся не узнать.

— Губернатор, — начал он, увидев меня, но я перебил его.

— Потом благодарности, — сказал я жёстко. — Сейчас работа.

Он сглотнул — видно было, как тяжело ему даётся каждое движение.

— А что Тесак? — рискнул спросить он, и в голосе прозвучала старая, въевшаяся в кости тревога.

— Ушёл через старый дренаж, — ответил я коротко.

Патэль дёрнулся и сразу съёжился.

— Значит, вернётся, — произнёс он обречённо.

— Обязательно, — согласился я. — Поэтому сейчас ты будешь помогать мне превращать вашу общину из кучки перепуганных сервов в хоть что-то вменяемое. Составь списки живых, помоги Нире распределить пайки, наведи порядок, чтоб шахтёры не метались по лагерю, как крысы в загоне. К завтрашнему утру каждый должен знать своё место и не путаться под ногами. Понял?

Патэль помолчал пару секунд. В его голове, наверное, крутились десятки вопросов, но он решил пока придержать их при себе.

— Понял, — наконец ответил он.

— Уже лучше, — кивнул я. — И запомни: отныне любая тварь, что явится сюда трясти с вас мзду за проход, воду или «защиту от бед», сперва поговорит с моим постом. Бойцы Этони доходчиво объяснят, что старые порядки кончились. Кто не поймёт с первого раза — получит наглядный урок: мы не Тесак, но и не благотворители. Ваша безопасность больше не ваша забота, а моя. Но имей в виду — свобода, безопасность и порядок не раздаются даром. За них всё равно платят. Только разница в том, что мне вы будете платить работой. Со справедливыми нормами и справедливой оплатой вместо угроз.

Патэль вздрогнул. Сомневаюсь, что он ожидал благотворительности с моей стороны. Но, возможно, не ждал, что я начну выставлять требования ещё до того, как хвост колонны с освобождёнными втянется на территорию лагеря.

Но я намеренно не стал ничего смягчать. Некоторые вещи нужно проговаривать сразу. Чтоб было понятно, что и сколько стоит на этом проклятом Пачук-9.

В конце концов, угроза казни висела и надо мной. Но мне как-то очень не нравилась эта перспектива.

Работа на входе кипела.

— Временный номер четыре. Тяжёлый. К медикам. Имя позже, — услышал я голос Ниры.

Медики забрали его без вопросов. Унц поставил отметку и привязал номер к платформе, на которой лежал освобождённый.

Следующего подвели под руки. Мужчина едва шёл, но пытался держать спину прямо.

— Имя? — спросила Нира.

Мужчина моргнул и не сразу понял, что спрашивают его.

— Имя, — повторила она спокойнее. — Если говорить трудно, покажите бирку.

Мужчина поднял грязную пластину на груди. Нира считала метку.

— Номер пять. Ходячий. Вода, первичный осмотр, потом к столу свидетелей. Говорить сможете?

— Смогу, — прохрипел он.

Медики метались между носилками с ранеными, серванты тащили бочку чистой воды к троим счастливицам, уже прошедшим регистрацию.

Я подошёл к Нире.

— Что по приёму?

— Сначала регистрация освобождённых, как видите. Дальше займёмся пленными и погибшими.

Унц повернул сенсор в мою сторону.

— Временная зона приёма перегружена. По предварительным расчётам нам потребуется ещё две бочки воды, сорок восемь пайков первого уровня, двадцать шесть термоплащей и отдельное место для опроса лиц, не нуждающихся в срочной медицинской помощи.

— Запроси необходимое на складе, — распорядился я.

— Кладовщик ожидает подтверждения расхода.

— Под мою подпись.

Нира тут же подняла палец, не отрывая взгляда от планшета.

— Под мою отметку тоже. Иначе завтра снабженец напишет, что вы раздали имущество лагеря без акта.

Открытый склад и выданная вода сработали лучше любых приказов. Люди ожили. Ктото хватал флягу и жадно пил, ктото кутался в термоплащ, будто пытаясь укрыться от всего, что произошло. Запах горячей пайки — дешёвой, но сытной смеси — быстро распространился по лагерю, и это тоже подействовало благотворно.

Я снова посмотрел на занятую делом Ниру. В первые секунды меня взбесила эта регистрация. Освобождённые истекали кровью, шатались от голода и жажды, а инспектор только бесстрастно раздавала номера. Даже хотелось рывкнуть,

чтобы всех сразу тащили к медикам и воде.

Но потом я посмотрел туда, где обыскивали пленных. Где, прикрытые плащами, лежали тела. На Риму у платформы. На Патэля с пустой флягой. И понял, что без этих номеров мы через десять минут получили бы кашу из живых, мёртвых, бандитов, свидетелей, чужаков и испуганных сервов. Потом попробуй разберись, кто из них кто. Уж бандиты-то точно попытаются сойти за своих, чтоб улизнуть в суматохе.

Раненых Нира особо не допрашивала. Только выясняла имя и принадлежность к общине, делала пометку о необходимости дальнейшего допроса и отправляла к медикам. Тяжёлым, не способным к ответам, вообще присваивала только номер. Зато так эти тяжёлые появлялись в списке вместо того, чтоб превратиться в очередное «куда-то делся».

Пленных людей Тесака Этони приказал ещё раз обыскивать прямо перед регистрацией. И не зря — у одного нашли плоскую пилу в голенище, у второго тонкую иглу в шве куртки, а у третьего — маленький резак под ремнём.

Один из освобождённых шахтёров, увидев пленного с рассечённой бровью, вышел из очереди за водой и шагнул к нему.

— Он был у стены, — хрипло сказал шахтёр. — Он Сэйка бил.

— Стой! — приказал я шахтёру.

Тот нехотя остановился и повторил.

— Он бил Сэйка. Я видел.

— Скажешь это Нире. Имя знаешь?

— Нет.

— Тогда покажешь пальцем. К нему не подходи и руками не трогай.

Шахтёр тяжело задышал.

— Его надо прямо здесь...

— Его надо допросить, — с нажимом произнёс я.

Ещё чего, только самоуправства мне тут не хватало!

Шахтёр смотрел на пленного ещё пару секунд. Потом отступил.

Я повысил голос так, чтобы меня услышали все:

— Кто хочет помочь — вспоминает: кто из бандитов бил заложников, кто вас караулил. Кто приходил за платой. Где обычно ждали сборщики Тесака. У кого был доступ в ангар. Кто следил за дренажом. Всё это — к Нире или к Патэлю. Самосуд мне тут не нужен! Кто ослушается — мигом определю к бандитам.

Пример подал Патэль. Он, хоть и не был в заложниках, всё равно мог рассказать многое. Нира записывала показания быстро, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Унц продолжал регистрацию и одновременно сверял тепловые метки, бирки и лица — его сенсор чуть подрагивал, фиксируя данные с механической точностью.

Регистрация, распределение и допросы заняли всё утро и добрую половину дня. Только после этого наступила очередь погибших. Вместе с Нирой, Унцем и Патэлем я направился

к телам.

Нира откинула край первого полотнища.

Патэль сжал губы.

— Это Дорам. Брат старшего.

— Возраст? — перешла к вопросам Нира.

— Сорок семь. Может, сорок восемь. Точно скажет жена.

— Родные в лагере?

— Да. Жена и двое детей. Старшая дочь уже ходит в смены.

— В какие?

— В каменные. На дробилке и погрузке.

Нира поставила отметку.

— Кто подтвердит, кроме вас?

— Его жена. И Ладж. Племянник. Он сегодня тоже вернулся.

— Записала. Следующий.

Второй был Сэйк. Патэль назвал его тише. Сказал, что тот работал на воде, таскал фильтры и чинил старый насос. Третим был Мала. Над его телом Патэль долго молчал, а потом сказал только, что у Малы осталась младшая сестра.

Мне имена ничего не говорили. Но я стоял и слушал. А Унц возле каждого тела молча клал бирку с номером.

Нира работала, словно автомат:

— Имя? Из какой смены? Кто из родных жив? Кто может подтвердить? Кто видел, как его увели?

Патэль отвечал не сразу. Иногда закрывал глаза. Один раз

сказал, что не знает точно. Нира так и записала.

Когда она закрыла третий профиль, Патэль спросил:

— Что теперь с ними будет?

— Их смерть войдёт в дело, — сказала Нира.

Патэль долго смотрел на тела.

— Им от этого легче не станет.

— Им — нет. Зато живым станет легче доказывать, что их родных убил именно Тесак, а не случайность или собственная неуклюжесть.

Ещё через два часа мы собрались в административном модуле, в моём кабинете. Правда, кабинетом это место называлось исключительно потому, что там стоял стол и два стула. Один тут же заняла Нира. Второй пришлось отдать Патэлю — он уже начинал качаться.

Я встал у стола, Унц замер справа от двери. Этони пришёл чуть позже.

На столе у меня лежал планшет с тремя списками: освобождённые, погибшие, задержанные.

— Первичный список освобождённых сформирован, — отчитался передо мной Унц. — Четырнадцать лиц из заявленной группы удержания живы. Трое погибли, идентифицированы согласно показаниям выживших. Дополнительно имеются десять работников, удерживаемых на принудительных работах, требуют отдельного статуса.

— Какого ещё отдельного?

— Они не относятся к шахтёрской общине Патэля. Трое

из северных ям, семеро без подтверждённой принадлежности. Если не определить их статус, они окажутся вне пайкового и защитного распределения.

Я медленно выдохнул. И громко позвал:

— Нира!

— Эти десять пока оформлены как временно освобождённые лица под защитой губернаторской администрации до установления принадлежности и статуса, — пояснила инспектор.

— А что насчёт тех, кто не назвал свою принадлежность. Почему они её скрывают? Могут они быть преступниками?

Нира кивнула.

— Могут. И мы это выясним. Я запрошу данные по лицам и именам. Если что-то совпадёт, то передадим их выше согласно процедуре. На данный момент считаю нужным оформлять их наравне со всеми.

Патэль смотрел то на списки, то на Ниру и явно не успевал за разговором.

— Патэль, — обратился я к нему. — Напомни — сколько человек осталось в вашей общине? За исключением тебя и тех, кто находится в лагере или погиб.

Он моргнул, заставляя себя вернуться к делу.

— После сегодняшнего... если никто больше не умер... три тысячи триста девяносто восемь.

— Сколько работоспособных?

— Три тысячи сто восемьдесят один. Если считать под-

ростков, которые уже ходят в смены, то три тысячи двести тридцать три. Но те, кто побывал в плену, не сразу встанут в смены. Многие ранены и ослабли.

— Унц, что по охране?

— Для временной защиты производственной группы требуется не менее сорока Сервантов-17Уни в постоянном режиме охраны, и двенадцать единиц на сменное патрулирование. Два малых датчика наблюдения, постоянный канал связи с лагерем. Минимальный безопасный вариант потребует шестьдесят единиц. Рекомендуемый вариант требует восемьдесят единиц.

— Восемьдесят дроидов, чтобы быть уверенным, что никто ночью не перережет моих шахтёров? Потрясающая экономика!

— Экономика Пачук-9 в текущем состоянии характеризуется крайне высокой долей затрат на предотвращение насилия, — ничуть не смутился Унц. — Это снижает полезный выход труда.

Я чуть не рассмеялся. Да уж, теперь мне ещё понятней, почему ни одному из моих предшественников так и не удалось выполнить то, для чего их сюда послали.

— Патэль, а кто у вас старший?

Патэль замолчал, задумавшись.

— Старший погиб.

Я вздохнул, сдерживая желание выругаться.

— Тогда нужен временный старший.

Патэль не понял.

— Я не знаю ваших людей. Кто у вас может говорить за общину?

— После старшего... должен был быть его брат, — медленно сказал Патэль. — Но он тоже среди погибших. Потом мастер дробилки. Его увели давно, мы не знаем, жив ли он. Потом старшая по воде. Она ранена.

— Значит, будешь ты, — приказал я, решив, что пока не хочу разбираться в иерархии общины.

Он поднял голову и обескураженно уставился на меня.

— Я? Но, губернатор... — попытался возразить Патэль, и это уже само по себе было необычно.

Видимо, он всё-таки сделал какие-то выводы из запретов унижаться передо мной.

— Ты пришёл ко мне, получив отказ в Гармонии. Я видел, что люди тебя слушаются. А ещё ты прямо сейчас споришь со мной вместо того, чтоб валяться в пыли у моих сапог, и мне это нравится. Патэль, я, может, пока что не всё понимаю в устройстве вашей общины, но сейчас я вижу перед собой отличного представителя производственной группы. Пока временного. А дальше посмотрим.

Патэль открыл рот, потом закрыл.

— Мне нельзя. Я из Седьмой Жилы. У нас так не делается.

— «Из Седьмой Жилы» — происхождение, — отрезала Нира, проигнорировав возражения. — Для оформления временного статуса главы производственной общины в импер-

ском реестре требуется имя и фамилия или регистрационное обозначение, позволяющее отличить вас от других Патэлей.

Он посмотрел на неё так, словно впервые увидел.

— У меня нет фамилии.

— Теперь будет, — сказал я, радуясь поддержке инспектора. — Унц, варианты?

Унц повернул сенсорный блок к Патэлю.

— Вариант первый — Патэль Южноотвальный. Вариант второй — Патэль Жиловой. Вариант третий — Патэль Седьмой. Вариант четвёртый — Патэль Седьможил.

Нира медленно повернулась к дроиду.

— Последний вариант звучит... странно.

— Вероятность совпадения в реестре низкая, — ответил Унц. — Связь с Седьмой Жилой сохраняется. Фонетическая устойчивость приемлемая. Ошибка распознавания маловероятна.

Патэль переводил взгляд то на Ниру, то на меня, то на Унца, и никак не мог решиться. Для меня фамилия была просто строчкой в реестре, особенно после моей собственной истории с имперской карточкой. Но для Патэля это был важный момент..

Я покачал головой.

— Если тебе не нравится, то выбери другую. Но фамилия нужна для того, чтобы оформить тебя старшим официально, а не на словах, которые ничего не стоят.

Он помолчал. Потом медленно повторил:

— Седьможил.

Слово прозвучало непривычно, и Патэль повторил его ещё несколько раз, словно катал звучание на языке.

— Патэль Седьможил, — вслед за ним повторила Нира и сразу внесла данные в планшет. — Временный представитель производственной общины Южного отвала. Статус группы: добровольно обратилась под защиту губернатора Пачук-9. Основание обращения: незаконное вооружённое принуждение, удержание работников, насильственный сбор, угроза повторного нападения, признаки массовых убийств в логове незаконной группы, показания освобождённых и задержание участников вооружённой группы.

Патэль внимательно слушал, и на его лице одна за другой менялись эмоции. Сначала недоверие, потом страх, потом осторожное понимание, что его жизнь в один миг стала совсем другой.

— И что мне теперь делать? — почему-то обречённо спросил он.

Глава 9. Забота Империи

— Следить, чтобы у твоей общины было всё, что нужно для работы. Еда, лекарства, инструменты. Передавать им мои приказы. Решать их проблемы или докладывать мне, если твоей власти на это не хватит. В общем, обеспечивать процесс работы и жизнедеятельности общины к выгоде как меня, так и твоих людей.

Я замолчал, сообразив, что начинаю выражаться в стиле Унца. Ну а чего я ожидал? С кем поведёшься, на того и дети будут похожи... А Патэль вдруг несмело улыбнулся. Сразу же опустил голову, пряча эмоцию, которую посчитал неуместной. Но я всё равно заметил, как в нём впервые с начала нашего знакомства появилось что-то кроме страха.

Нира, закончив печатать, приложила палец к планшету, а потом протянула его Патэлю.

— Подтверждение.

Он не понял.

— Палец вот сюда приложи, — терпеливо пояснила она.

— Вот приказ о твоём назначении.

— Я не умею читать, — растерялся Патэль.

— И не нужно. Сейчас просто подтверди, что согласен быть временным представителем своей общины и отвечать за контакт с губернаторской администрацией. А потом я выдам тебе копию с голосовым слоем, прослушаешь.

Патэль вопросительно посмотрел на меня.

— Это правда нужно?

— Да. Иначе завтра кто-нибудь скажет, что я назначил тебя по прихоти, а ты ничего не понял. Или я вообще тебя запугал.

Патэль послушно приложил палец. Планшет коротко пискнул.

— Поздравляю, Патэль Седьможил, — усмехнулся я. — Ты только что получил фамилию, работу и кучу проблем. Добро пожаловать в губернаторскую администрацию Пачук-9. У нас тут сплошь энтузиасты своего дела. Осталось поработать над дизайном вывески. И придумать, куда её повесить.

Нира закрыла планшет.

— Обойдёмся без вывески. А вот структура не помешает, поскольку вы, губернатор, за сутки умудрились сделать для Пачук-9 больше, чем все ваши предшественники вместе взятые. Стоит попытаться развить успех.

Я делано вздохнул.

— Вот видишь, Патэль. Как в любой нормальной администрации, у нас даже есть человек, который убивает мечты на стадии формулировки. Или заставит сначала оформить их документально.

— Не заговаривайте зубы подчинённым. Иначе ваши шахтёры подумают, что вы серьёзно, и вместо работы действительно начнут делать вам вывеску.

Вот ведь зараза! Вроде и права, но такую шутку испортила. А так хотелось юмором сбросить напряжение, которое с момента моего вступления в должность только копилось.

— Хорошо, обойдёмся без вывески. Патэль, твои обязанности простые. Знать своих людей. Передавать им мои приказы. Смотреть за тем, чтобы у них была еда и вода по норме. Следить, чтоб был инструмент для работы. Держать со мной связь, докладывать о происшестввиях.

Патэль кивнул.

— Я постараюсь.

Я пока не стал объяснять, что надо не стараться, а делать. Повернулся к Унцу.

— Что по охране Южного отвала? — спросил я.

Унц сразу вывел расчёт.

— Расчёт прежний. Минимум сорок Сервантов-17Уни в постоянном режиме охраны, двенадцать на сменное патрулирование. Два малых следящих беспилотника на высоте до сорока метров. Постоянный канал связи с лагерем. Минимальный безопасный вариант требует шестьдесят сервантов. Рекомендуемый вариант — восемьдесят.

— Восемьдесят машин на один отвал. Отлично живём.

— На Пачук-9 всегда большая часть сервантов использовалась для охраны, — произнёс Унц.

— Перевозу на человеческий: пока мы бандитов не задавили, большая часть прибыли будет уходить на то, чтобы работники просто дошли до места работы живыми, — хмык-

нул я.

— Смысл передан без существенного искажения, — ска-
зал Унц.

Этони, стоявший у двери, посмотрел на карту.

— Если поставить меньше сорока, пост будет символиче-
ским. Но Тесак на него всё равно не полезет. Скорее он уда-
рит по дороге. По тем, кто решит возвращаться без охраны.

— Значит, сорок на пост. Двенадцать на патруль. Два сле-
дящих беспилотника над дорогой и отвалом. Это сейчас. До
вечера подготовить схему на шестьдесят. Восемьдесят пока
не дам. Если сниму столько сервантов с лагеря, Тесаку впору
будет нападать на лагерь, а не на дорогу. Да и Гармония мо-
жет легко прислать мне открытку с благодарностью за служ-
бу и текстом приговора.

Этони кивнул.

— Сделаю.

— Патэль, сколько из ваших смогут завтра выйти к Юж-
ному отвалу. Пока не работать, а просто показать, где, что
и как функционирует. И конкретные места, где действовал
Тесак.

— Шесть. Может, восемь.

— Хорошо. Приведи их к Нире.

— Понял.

После совещания я снова вышел наружу.

Суэта немного улеглась, лагерь возвращался к своему
обычному распорядку. Лишь возле медицинского модуля

стояла небольшая очередь, да возле склада люди ругались из-за пайков, и двое сервантов молча отделяли тех, кто действительно имел право на добавку, от тех, кто ещё не понял, что хаос, помноженный на наглость, больше не работает. У цистерн с водой прямо на земле спала Рима, подложив под голову свёрнутую куртку.

Хотелось пить, есть и спать, пусть даже на земле, по примеру Римы. Новое тело, хоть и было крепче прежнего, земного, но всё равно имело свой предел усталости.

— Губернатор, — Нира вышла под серое небо вслед за мной.

Я обернулся.

— Что?

— Мы ещё не закончили с формальностями. Я подготовила распоряжение о взятии производственной общины Южного отвала под защиту губернаторской администрации. Теперь вам нужно приставить людей к делу, выдать инструменты, выделить охрану, открыть дело о незаконном насильственном сборе и утвердить пайковую норму.

— И это всё прямо сейчас?

Нира замерла, она почему-то не ожидала от меня этого вопроса. Неужели все мои предшественники ни разу такого не спрашивали? Да ладно, не верю!

— Нет, – растерянно ответила инспектор. — Не обязательно. Просто сегодня.

Унц возник рядом так вовремя, что я заподозрил заговор. Только с кем? Я с ним точно ни о чём не договаривался.

В манипуляторах дроида была зажата миска с дымящейся кашей.

— Согласно моим сведениям о жизнедеятельности биологических существ самым разумным сейчас будет принятие пищи и короткий отдых. Уровень вашей эффективности снизился на двадцать два процента. Вероятность раздражительных решений выросла.

— Унц, я всю свою короткую жизнь принимаю решения раздражённым, — вздохнул я.

— Это вас не оправдывает.

— Это не является аргументом в пользу дальнейшего голодания.

Нира Нира, убрав планшет, взяла миску из манипулятора и протянула мне.

— Унц прав. Ешьте. Данные документы не являются срочными и действительно могут подождать пару часов.

Я посмотрел на кашу. Серая, густая, без запаха, с парой тёмных волокон белкового концентрата. На Земле такую еду можно было бы использовать как наказание для особо провинившихся студентов в общежитии. Здесь другой не было. Вернее, была — ещё хуже и гаже. А эта каша считалась едва ли не деликатесом для администрации временного губернатора-смертника.

Я взял миску.

— Если я сейчас скажу, что вы заботитесь обо мне, вы схватитесь за шпагу?

Нира осталась серьёзной. Но, вопреки ожиданиям, ответила не так уж и резко.

— Нет. Но я внесу в свой рабочий журнал инспектора, что губернатор проявляет признаки опасного истолкования служебных действий.

— Убедили. Не буду.

Я съел несколько ложек, почти не чувствуя вкуса. Горячая пища провалилась в желудок, и тело тут же снова напомнило, что оно не только инструмент власти, но и тупая биологическая штука, которой, чтоб работать, необходимо есть, пить, спать и избегать слишком частой беготни под пулями ради чужих производственных узлов.

После еды мы вернулись в модуль. Нира положила передо мной планшет.

— Вот здесь, здесь и здесь, — показала она на экране. — Остальное вам придётся подготовить самому, моих полномочий тут недостаточно. Но я помогу.

Она открыла первый документ. Я прочитал вслух ключевые строки, чтобы Патэль, сидевший у стены, тоже услышал:

— Производственная группа Южного отвала добровольно обращается под защиту губернаторской администрации Пачук-9. Временным представителем назначается Патэль Седьможил. Администрация принимает на себя временную охрану, пайковую поддержку и проверку фактов незаконного на-

сильственного сбора. Группа обязуется предоставить списки работников, сведения о пропавших, сведения о поборах, местах сбора платы и известных им маршрутах вокруг Южного отвала.

Патэль слушал, не перебивая.

— Вопросы? — спросил я.

— Что, если мы не сможем работать сразу? Люди могут побояться сразу возвращаться в опасные места, — неожиданно спросил Патэль.

Удивительно, что он не задал этот вопрос сразу. Хотя нет, удивительно то, что он, с его привычкой валяться в ногах, задал его хотя бы сейчас.

— Я не гоню твоих людей под нож ради отчёта. Но и кормить вечно тех, кто может работать, но не хочет, я не буду. Поэтому даю срок для отдыха — два дня. После этого будем работать.

Патэль кивнул.

— Я передам.

— Добавь, что у них будет охрана. На рабочие объекты группы будут выдвигаться под охраной сервантов, организовано. И точно так же покидать их в конце смены.

Патэль впервые за день улыбнулся нормально. Коротко, устало, но без испуга.

Я приложил палец к планшету. Нира поставила свою отметку. Патэль приложил палец следом, уже чуть увереннее. Потом я подписал расход склада. Запрос на охрану. Вре-

менный статус южного барака для размещения освобождённых.

Занеся палец над последним оставшимся документом, я почувствовал, как за правым глазом кольнуло.

Я замер.

Перед взглядом появились строки.

**ПАЧУК-9. ПЛАНЕТАРНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. СЕРИЙНЫЙ НО-
МЕР ПУИИ-9-117-А. АВАРИЙНАЯ ПРОВЕРКА ПРАВ**

**Субъект доступа: Рэн Лисов. Временный губерна-
тор Имперской Колониальной Администрации. Ста-
тус гражданских прав: ограниченный. Служебный
мандат: действующий.**

**Фактические действия: производственная группа
Южного отвала зарегистрирована в подчинении вре-
менной губернаторской администрации. Временный
представитель назначен. Пайковая поддержка на-
чата. Охранное распределение запрошено. Первич-
ный список освобождённых, погибших и задержан-
ных сформирован.**

**Проверка: безопасность обеспечена временно. По-
стоянная охрана отсутствует. Добыча не восстано-
влена. Доставка сырья к переработке не обеспечена.
Водная зависимость сохраняется. Лидер незаконной
группы не задержан.**

Заключение: административное право управления подтверждено частично. Производственное право управления не подтверждено.

Условие следующей проверки: восстановить добычу. Назначить постоянную охрану. Обеспечить доставку сырья к переработке. Исключить повторный внешний насильственный сбор.

Я сморгнул и строки погасли.

Передо мной снова светился планшет Ниры. На экране всё ещё висело последнее распоряжение, под которым уже стояли инспекторская отметка Вейл и отпечаток пальца Патэля Седьможила. Не хватало только моей подписи.

Опять этот Пуй! Планетарный, чтоб его, интеллект! Надо будет всё-таки выяснить, откуда он взялся тут.

Я быстро приложил палец к планшету, но Нира Вейл всё равно заметила паузу и бросила на меня многозначительно-вопросительный взгляд прежде, чем повернула планшет к себе.

Ладно, это потом. Что есть сейчас? Сейчас есть моё наблюдение — ПУИИ признал только документально оформленные факты. А дальше искинт ткнул меня носом в простые вещи.

Постоянной охраны у Южного отвала нет. Руду никто не добывает. До переработки она сама не доедет, даже если начать добычу. А цистерны, насосы, фильтры и прочие объек-

ты инфраструктуры легко может снова взять под руку любой бодрый ублюдок с автоматом.

А, да, Тесак тоже всё ещё жив.

Похоже, что способностью портить мне даже самый маленький кусок удовлетворения обладал не только Унц, но и любой мало-мальски разумный дроид на этой планете.

Нет, ты, гражданин с ограниченными правами, конечно, молодец: вытащил заложников из логова каннибала, оформил первую общину под свою руку. Но теперь, будь добр, верни планете добычу, доставку, охрану, воду и желательно в процессе не сдохни.

Нира подняла на меня взгляд.

— Документы ушли в администрацию. Кстати, вы на последней отметке задержались с подписью.

— Засекли? — шутливо поинтересовался я. — Запишете как должностное преступление?

— Я инспектор ИКА. Меня сюда прислали как раз для того, чтобы всё замечать.

— Сочувствую вашей профессии.

— Не нужно, профессия переживёт. А вот ваши распоряжения без моего присмотра могут не пережить первого же чиновника из Гармонии, — осталась серьёзной инспектор.

Но хотя бы на вопрос о преступлении не ответила положительно. Хотя отрицательно — тоже не ответила, так что кто её знает.

— Ладно, давайте разберёмся с остальными документами,

пока мне опять не пришлось заниматься Тесаком, — решил я.

Нира тут же вывела на экран новый список.

— Первый пакет готов. Общину можно размещать, ставить на довольствие и под охрану. По спасённым и показаниям нужен отдельный протокол. По Южному отвалу — расчёт постоянного поста от Этони и ваш приказ на постоянную охрану. По добыче пока рано что-либо говорить — мы не знаем состояние людей, дороги, рудной ветки и оборудования.

Унц, чтоб ему заводские инструкции икались, стоял на полшага позади меня и левее. Одним манипулятором мой личный дроид-ординарец держал планшет с открытыми списками пайков, мест в южном бараке и свободных сервантов. Второй манипулятор он оставил у корпуса, но я готов был спорить, что в своей электронной голове он уже считал, сколько административного вреда я нанесу планете, если сейчас снова встану и пойду кого-нибудь спасать лично.

— Значит, обещания в отчёты включать не будем.

— Скажу жёстче. Сейчас мы фиксируем сделанное, ставим ближайшую задачу вместо обещания и не подставляем вас под проверку. Если я напишу, что добыча вот-вот будет восстановлена, завтра любой проверяющий спросит, где руда, кто принял партию, кто подписал маршрутный допуск и почему губернатор решил заменить полезные ископаемые собственным оптимизмом.

— Как жаль, что слово губернатора не заменяет эту партию руды, — не удержался от сарказма я.

Но инспектора так просто было не пробить.

— Заменяет только вид казни — с безболезненной на мучительную. Если исполнительный отдел не успеет получить несколько хвалебных характеристик и не отменит это решение. А он, поверьте, не успеет.

— Я сейчас прямо-таки прочувствовал всю заботу Империи.

— Вы ещё не видели заботу финансового отдела. Там даже смерть оформляют так, что покойник остаётся должен за хранение тела. И да, там найдут, с кого в итоге эти деньги взять.

Этони чуть склонил голову.

— Инспектор права, ваше превосходительство. Если мы сейчас пообещаем слишком много, Гармония получит повод с нас требовать. А чиновник с правильно оформленной претензией иногда держит за горло крепче вооружённого бандита.

Нира поставила ещё одну отметку.

— Тогда по сегодняшним итогам: шахтёры размещены в южном бараке. Пайки распределены по списку. Тяжёлые раненые — у медиков. Задержанные из банды содержатся отдельно. Десятерых, которые не из общины, тоже держим отдельной группой до проверки.

Патэль вцепился в край стула.

— Что? — насторожился я.

— Этих десятерых никто из наших не знает. Они могли быть с Тесаком, он многих заставлял. Бил или детей забирал.

— Мы разберёмся, — спокойно ответила ему Нира. — Пока они заперты отдельно от людей Тесака. Мы их допросим. Если они окажутся такими же заложниками, мы их выпустим. Если бандитами — отдадим под суд.

Патэль сглотнул.

— Если бандитами, то наши захотят крови.

— Конечно, захотят, им есть за что, — спокойно кивнула Нира. — Но если твои убьют нужного свидетеля, потом мы будем искать Тесака вслепую, а Гармония получит лишний аргумент против нас всех. И против тебя тоже.

Вот что значит бюрократ, выкрутилась так выкрутилась. Пока я пытался понять, о чём вообще Патэль говорит, инспектор уже всё разрулила, причём в два счёта.

— Против меня?

Рудная пыль делала лицо Пателя хронически серым, но сейчас под ней проступила настоящая бледность.

Глава 10. Споры о сервантах

Нира положила ладонь рядом с планшетом. Не на шпагу, но жест всё равно получился эффектный.

— Ты теперь представитель общины. Твои слова — слова общины. Твои ошибки — ошибки общины. Так устроена власть. Вы хотели, чтобы губернатор вас защитил, и ты пришёл сюда с этой просьбой. Губернатор её выполнил. Так что теперь вы — часть его системы, его команда. Понимаешь?

Патэль долго смотрел на инспектора.

Кажется, только сейчас до него стало доходить, чем именно была опасна Нира Вейл.

Инспектор не кричала, не хваталась за шпагу и не грозила карами. Она просто обрисовывала с точки зрения обыкновенной бюрократии, что и с кем будет, если действовать необдуманно, не беря в расчёт тот факт, что даже надо мной, губернатором, тоже есть начальство.

Неприятная женщина. Но чертовски при этом полезная. Редкая комбинация.

— Повтори это своими словами для меня, — велел я.

Патэль провёл ладонями по лицу и опустил руки обратно на колени. Помолчал несколько секунд. А потом произнёс:

— Тогда меня спросят, чем вы отличаетесь от Тесака.

Я, как ни странно, оказался готов к этому вопросу.

— Как минимум, тем, что предлагаю понятные условия

труда, безопасность и плату. А не беру всё это силой.

— Напомните им про воду, — добавила инспектор.

— Да, — Патэль кивнул. — Вода. Воду они поймут.

— Позволю себе вмешаться — вклинился Унц. — Губернатор, рекомендую заранее выделить двух технических сервантов на обслуживание вентиляции в южном бараке и одного на ежедневный санитарный осмотр входящих. Если этого не сделать, фильтры рано или поздно забьются пылью.

— Унц, я скучал по твоему таланту портить настроение, — усмехнулся я. — Но спасибо за смену темы.

— Пожалуйста, губернатор. Функция ординарца не предусматривает сохранение вашего настроения. Она предусматривает сохранение вашей жизни, ваших распоряжений и минимальной управляемости лагеря.

— Минимальной управляемости? — уточнил я.

— Оптимистичная оценка, — в обычной своей манере добил Унц.

Нира посмотрела на дроида, потом внесла что-то в заметки.

— Ваш дроид категорически неприятен, губернатор, — между делом заметила она.

— Он старается, — отшутился я.

— Заметно, — инспектор мой юмор не оценила.

В который уже раз.

Патэль посмотрел на Унца так, будто только сейчас понял, что дроид при правильной настройке его электронных моз-

гов может всё-таки быть не мебелью, а отдельным стихийным бедствием с голосовым модулем.

Он уже не опускал глаза после каждой реплики. Всё ещё боялся, всё ещё держался так, будто ждал удара сверху, всё ещё был готов вскочить при любом приказе. Но теперь в нём был не только страх.

— Так что конкретно у нас по южному барaku? — я тоже вернулся к серьёзному тону.

— Южный барак принимает сто сорок два человека при снижении санитарного комфорта ниже нормативного на тридцать один процент. Складской модуль номер три даст ещё шестьдесят мест после вывоза инструмента и установки временных лежаков. Тяжёлых раненых рядом с задержанными размещать нельзя. Вероятность драки, самосуда или попытки удушения подручными предметами останется высокой даже после того, как старший общины поговорит со своими.

— Перевод?

Патэль резко вскинулся.

— Мы не бандиты, как Тесак! Мы слушаемся губернатора!

Унц опустил сенсорный блок на несколько градусов, как будто решил взглянуть на Патэля в упор.

— Члены общины пережили плен, насилие, голод и страх, а теперь находятся рядом с возможными участниками преступной группы. Вероятность, что все подчинятся распоря-

жению губернатора, не равно ста процентам.

Патэль хотел ответить, но не нашёл слов. Аргумент Унца оказался ему понятен, как никакой другой.

— Я объясню своим, — проронил он. — Они никого не тронут. Я найду слова.

Я кивнул.

Этони снова посмотрел на карту.

— Людей приняли. Задержанных отделили. Склад открыли. Южный барак готовят. Для первых суток всё очень даже неплохо.

— Это у тебя шутка такая? — мрачно поинтересовался я.

— Доклад, ваше превосходительство.

— Доклад так себе. Слишком оптимистичный. Переделай.

Этони опустил взгляд к карте, подумал и выдал уже с той уже хорошо мне знакомой аристократической язвительностью, где гордости больше, чем имущества:

— Порядок неполный, но пригодный для продолжения деятельности по восстановлению добычи.

— Ладно, принимается, — вздохнул я и ткнул пальцем в карту на планшете. — Этони, как и решили, до завтра мне нужен расчёт постоянного поста у Южного отвала. Рабочий, а не красивая схема для отчёта — в Гармонию будем рапортовать только о том, что у нас действительно есть, даже если им это не очень понравится. Сделай все три варианта, минимальный, допустимый и надёжный. Отдельно укажи, сколь-

ко при этом останется сервантов на охране лагеря в каждом варианте.

Этони подвинул к себе карту и включил слой старой рудной ветки.

— Схему на восемьдесят сервантов я бы вообще не рассматривал. Она самая надёжная, но лагерь останется без резерва вообще. Если по нам ударят — будет больно. Очень.

Нира коснулась планшета костяшкой пальца, не давая экрану погаснуть.

— В распоряжение я внесу шестьдесят сервантов как временный пост. Восемьдесят — отдельным приложением после расчёта Этони. Сомневаюсь, что Гармония расщедрится выдать нам недостающих сервантов, но попытаться нажать на них стоит. Сорок сразу укажу как недостаточные для постоянной охраны Южного отвала.

Этони позволил себе улыбку краем рта. Патэль увидел её и тоже попытался. Получилось плохо — лицо у него сразу стало виноватым, как будто он украл чужое право на смешок. Но попытка была.

И почему-то именно она окончательно убедила меня, что мы не зря возились с Южным отвалом. Случайная, кривая попытка улыбнуться у лубасири, который ещё утром ждал удара за лишнее слово.

Так себе победа, конечно. Но на Пачук-9, похоже, и такие надо заносить в реестр отдельной строкой.

Мы приступили к работе.

Этони подошёл к столу и наклонился над картой.

— Вот почему мы не можем выделить больше шестидесяти сервантов, губернатор. Если Тесак решит отомстить нам, то ему откроются дыры в защите здесь.

Он ткнул пальцем в северный край лагеря.

— И здесь...

Палец сдвинулся к складам.

— А Тесак не дурак. Если он поймёт, что не может ударить по отвалу или дороге, то догадается про лагерь. Но если мы не прикроем дорогу и воду, он ударит по ним. А с шестьюдесятью сервантами мы их не перекроем.

— Патэль? — обратился я к старшему общины.

— Он и раньше там сторожил.

Нира подняла планшет, и я кивнул Патэлю продолжать.

— Где именно?

— Перед старой трубой. Один человек с оружием перекрывал проход к воде и брал побор. Без него не пускал.

У Патэля голос сорвался на последнем слове. Прочистив горло, он продолжил:

— Мы обходили, когда могли. Но чаще платили.

Нира и Унц уже писали. Дроид фиксировал показания, инспектор снова провела сопряжение с планшетом через свой нейрошунт, и я видел, как по экрану ползёт простыня формального текста: показания, первичная отметка, список свидетелей, привязка к делу.

Этот тандем прекрасно работал и без меня. Поэтому я

просто старался не мешаться там, где точно не сделаю никому лучше.

Проблема заключалась в том, что именно я был тут губернатором, без подписи и участия которого — никуда.

Нира закрыла первый документ и открыла следующий.

— По пленным... Они сидят все вместе. Могут договориться по показаниям. Их бы рассадить.

— Исключено, — влез Унц. — В лагере отсутствует необходимое количество подходящих под импровизированную одиночную камеру помещений.

— Есть у меня на родине один быстрый и дешёвый способ содержания заключённых. Называется «зиндан», — настал мой черёд умничать.

Нира подняла бровь.

— Идея простая, — пояснил я. — Выкопать яму в три роста и посадить туда заключённого. Сверху — решётка. Рядом — охранник. Одним дроидом на все ямы ограничимся, если выкопаем их рядом. Вытаскивать заключённых будем на верёвке или по приставной лестнице. На земляные работы отправим искусственников из тех, кто числится чернорабочими — всё равно они пока сидят без дела и занимаются исключительно тем, что разрисовывают друг друга картинками.

— Какие интересные у вас на родине порядки, ваше превосходительство, — заметил Этони.

Я пропустил шпильку мимо ушей.

— Тех десятерых не из общины пока держим вместе, но под замком. Патэль, своим скажешь, если кто-то узнает среди этих десятерых бандита — идёт к тебе. А ты докладываешь уже мне.

Он несколько секунд смотрел в пол, потом кивнул.

— Я понял.

Унц, который подозрительно долго молчал для дроида с дурной привычкой комментировать мою жизнь по поводу и без, повернул ко мне сенсорный блок.

— Рекомендую завершить совещание. Вероятность снижения качества ваших решений выросла. Ваше состояние близко к режиму, при котором вероятность снижения качества ваших решений резко вырастет.

Нира словно по команде убрала планшет в подсумок.

— Первичные документы готовы. Остальное — после расчёта Этони и подробного опроса. Если вы сейчас ляжете на два часа, я не буду считать это срывом работы.

— Как великодушно, инспектор, — усмехнулся я, хотя в глубине души был ей благодарен.

— Скорее практично, ваше превосходительство.

Тело, словно только и ждало разрешения, немедленно потребовало внимания к себе, потребовав одновременно еды, воды и сна. И чтоб обещанные мне два часа никто не говорил мне о приказах, протоколах, схемах постов и дорог, допросах и вероятности моей будущей казни за провал поставок

Мне просто надо было немного отдохнуть.

Из модуля мы вышли все вместе. Этони сразу ушёл к бойцам, Патэль — к своим. Унц намылился инспектировать пленных. Нира тоже собралась было двинуться по своим делам.

— Инспектор. Один вопрос.

Она с удивлением повернулась ко мне.

— Нира, почему вы пошли с нами за Тесаком? Инспектор ИКА в составе штурмовой группы несколько... слегка сломал мой шаблон.

Нира ответила не сразу.

— Я уже объясняла. Фиксация действий губернатора, защита процедуры...

— Это я уже слышал. Официальный повод есть, он прекрасен, и я даже почти им растроган. Но я хочу знать настоящую причину. Мы одни, и никто, кроме меня, её не услышит и ни в какой протокол не внесёт.

Теперь инспектор посмотрела на меня с интересом. А потом её лицо снова превратилось в привычную беспристрастную маску.

— Вы очень настойчивы для губернатора, которому надо было лечь в постель ещё вчера.

— Старая привычка. На моей родине перед сном принято портить отношения с полезными людьми.

— Вам уже говорили, что у вас на родине странные обычаи.

— Да, я слышал. Не уходите от вопроса, Нира.

Она поправила на кителе складку, которой там не было. На секунду я поймал себя на том, что смотрю на неё не как на инспектора, способного своими отчётами отправить меня на плаху, а как на весьма интересную и, чего греха таить, красивую женщину. Нира Вейл обладала той самой красотой, какая была свойственна только аристократам лубасири и нам, искусственникам. Лучшие гены давали точёные черты лица, аккуратную форму заострённых ушей, тело с изгибами ровно там, где надо. Вдобавок Нира, как и положено аристократке, умела держать спину прямо. А осанка — она, знаете ли, иногда многое решает. Особенно у женщин.

Нира молчала довольно долго, словно взвешивала, стоит ли делиться со мной чем-то личным. Но, наконец, решилась и загоорила:

— Когда я была маленькой, мою семью вырезали на колониальной планете. Не здесь. Тот мир был богаче и чище, с полным штатом необходимых специалистов и настоящим, а не аварийным губернатором. Но бандиты существовали и там. Они пришли ночью и никого не пощадили. Раньше они тоже брали плату «за безопасность», но с сервов, а не с аристократов. Тоже говорили, что без них будет хуже. А потом их аппетиты выросли, и они решили, что можно пойти выше. Моя семья стала первой их жертвой.

Я слушал молча — такие рассказы нельзя перебивать.

Нира говорила ровно. Слишком ровно.

— Меня нашли через три дня, я пряталась в техническом

шкафу в насосной. Туда меня засунула няня. Она велела мне сидеть тихо, и я её послушалась. Няня не выжила. Никто не выжил. Старший брат попытался сопротивляться, и его вместе с нашими родителями повесили над воротами имения. Знаете, что написал в отчёте тамошний инспектор? Локальный мятеж с признаками криминального насилия. С признаками, понимаете?

— Нира, я сочувствую вам, — попробовал произнести я, но слова показались мне чужими и лишними.

— Ни к чему, я давно это пережила, — спокойно ответила инспектор.

На этот раз лицо её не дрогнуло. Нира просто смотрела на меня несколько секунд, и в эти секунды младшего инспектора ИКА в ней было меньше, чем обычно.

Я прислонился плечом к стене. Керамобетон был тёплым и шероховатым.

— Я думал, вы из аристократов. Простите, но у лубасири происхождение бросается в глаза.

— Аристократы бывают разные, — пожала она плечами. — Этони тоже аристократ, а тянет армейскую лямку и считает долги как квартирмейстер. Моя семья тоже не была особо богата. А роду оказалось наплевать на оставшуюся без родителей девочку. Поэтому у меня сейчас есть не больше, чем у нашего лейтенанта — фамильная гордость, долг и обязанности инспектора.

— Жёстко. Но же не из-за этого пошли со штурмовой

группой.

— Я пошла потому, что вы собирались лезть к вооружённым бандитам с почти нулевой правовой защищённостью. Если бы вы там сорвались, вас не спасли бы ни героизм, ни даже успех операции. А вы на моей памяти первый, кто хоть что-то попытался сделать.

Это был хороший ответ. Короткий, по сути, без пафоса и вранья. Словно гвоздь, забитый по шляпку одним ударом.

— Вы, можно сказать, испортили мои представления об искусственниках, — неожиданно добавила она.

— Вы считали нас ни на что не годными?

Инспектор усмехнулась, но взгляд остался холодным.

— Считала. Но вы за сутки сделали больше, чем двенадцать нормальных губернаторов до вас. Грубо, опасно, с нарушением всех правил и протоколов. Но сделали.

— И вы рады, что ошиблись?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Да. Рада. Только не слишком этим гордитесь. Я всё-таки инспектор и слежу за каждым вашим шагом. Помните, что губернатор, поверивший в собственную исключительность, для нашего дела намного опаснее губернатора, который просто хамит инспектору.

— То есть, хамить можно? — меня снова потянуло на юмор.

— В разумных пределах, — ответила Нира, и я так и не понял, поддержала она мою шутку или просто проигнори-

ровала. — А теперь идите спать. На вас лица нет. Если произойдёт что-то срочное, я перенаправлю это к Этони.

Инспектор отвернулась к планшету, наглядно продемонстрировав, что разговор окончен.

Я побрёл к модулю.

Спать я лёг прямо в одежде. Ну как лёг? Рухнул. Успел скинуть сапоги только, да положить на тумбочку Защитник-8 в расстёгнутой кобуре.

* * * * *

Когда я проснулся, в комнате было тихо — так тихо, что тишина сама по себе казалась подозрительной.

Это не было похоже на нормальную тишину, когда все спят и где-то за стенкой кашляет живой человек. Нет, такая тишина была свойственна только жилому модулю с абсолютной звукоизоляцией. И нарушала её разве что только вентиляция, шуршащая на самом пределе слуха — она гнала очищенный и тщательно отфильтрованный воздух.

Рука сама по себе дёрнулась к бедру, но пальцы нащупали только штанину, скомкали ткань. Автопортупея лежала там, где я её и оставил — на прикроватной тумбочке. Гаусс-револьвер в расстёгнутой кобуре. Значит, во сне я за него не хватался. Что ж, уже неплохо. Прямо имперская стабильность, мать её.

Я сел на койке. Во рту пересохло. Нейросеть на экране дополненной реальности услужливо вывела местное и общеимперское время, состояние организма и ещё какую-то мутную

медицинскую информацию, которую можно было бы прочитывать и разобратся, если бы у меня было желание. Но как раз желания и не было, так что я моргнул, и половина строк ушла в серую муть лога.

Глава 11. 8 часов здорового сна, зинданы и первая зацепка

Внутренние часы показывали почти восемь часов непрерывного сна вместо обещанных мне двух. После вчерашнего рейда на людоедское логово Тесака, распределения пленных, освобождённых и мёртвых, бесконечного списка дел и документов я ожидал проснуться избитой дворнягой. Обычное земное тело после такой ночи точно потребовало бы больничный лист, горячую ванну, ударную дозу успокоительного и сутки полного одиночества. Нынешнее, созданное по образцам лучших генов аристократов-лубасири, чувствовало себя подозрительно бодро. Настолько подозрительно, что это не радовало, а настораживало. Будто кто-то подменил мою усталость чужой энергией. Хотя я, вообще-то, знал, что тела искусственников сильно крепче привычного человеческого.

Мышцы были полны сил и требовали нагрузки. Думалось непривычно ясно после вчерашней суеты. Спина не молила о пощаде и не требовала похоронить её отдельно от остального тела. Я выспался, пришёл в себя и теперь испытывал такой голод, будто не ел не со вчера, а, как минимум, неделю.

Я сел на край койки и провёл ладонью по небритому лицу, пытаясь стряхнуть последние остатки сна вместе с тревожными предчувствиями.

Пока я спал, кто-то — скорее всего, Унц, кто ещё? — заходил в модуль и оставил на столе закрытую крышкой миску и армейскую флягу с водой. Каша ещё источала едва уловимое тепло.

Я принялся за еду, и вскоре желудок перестал паниковать от голода. Допив воду, я нацепил кобуру, проверил «Защитник-8», одёрнул мятую одежду и вышел наружу навстречу новому дню.

За время моего сна лагерь преобразился. Не кардинально, разумеется, крупные перемены на этой планете случались только во время штормов и налётов, но достаточно заметно, чтобы почувствовать, что работа продолжалась и в моё отсутствие.

Я взглядом выхватил фигурку куда-то спешащей татуированной медицинской сестры. Интересно, это они со вчерашнего дня всё ещё работают или уже успели смениться?

Возле склада с припасами кладовщик препирался с женщиной из общины Патэля, тыкая пальцем в список снабжения. Та кивала, но отступать и не думала. У бочек с водой выстроилась небольшая очередь, но все в ней вели себя спокойно. Причину я увидел почти сразу — рядом стоял боец из отряда Этони, а за его широким плечом маячил сервант, молчаливо напоминая, что соблюдение порядка в лагере — дело далеко не добровольное.

Дальше, ближе к старой казарме, появилась отдельная площадка под усиленной охраной. Я остановился, невольно

задержав дыхание, и почувствовал, как что-то сжалось в груди. Пока я спал, моё распоряжение о зинданах было выполнено. Стенки свежих ям укрепили керамобетонными плитами, сверху положили тяжёлые стальные решётки, каждая весом в добрую сотню килограммов. Ямы располагались в ряд с широкими промежутками, ровно такими, чтобы пленные не могли общаться друг с другом. У прохода на площадку стояли ещё двое бойцов из взвода Этони и несколько дроидов. Сверху над площадкой висел следящий беспилотник, одинокий и бесстрастный, словно всевидящее око равнодушной судьбы. Аппарат, конечно, не мог заменить отдельные камеры наблюдения. Но он давал общий обзор площадки, что уже было немало для исключения рисков.

Я подключился к нему через нейросеть, и на экран дополненной реальности вывелась картинка с высоты. Я чуть подкорректировал траекторию, и беспилотник, переместившись к ближайшей яме, опустился к решётке и завис прямо над ней. У стены ямы сидел один из бандитов, обхватив колени руками. Ещё вчера он решал, кого из связанных пленников умрёт. А сегодня сам полностью зависел от меня и знал, что пощады не будет. И в его отчаявшейся позе было столько безнадёжности, что она ощущалась почти физически.

Во второй яме пленный надрывался, крича, что он простой караульный, никого не трогал, ничего страшного не знает и вообще оказался в банде Тесака по недоразумению. Голос его звучал истерично, будто он пытался убедить в соб-

ственной невинности не столько нас, сколько себя.

В дальних зинданах сидели люди, пользовавшиеся особым доверием Тесака — его ближний круг. И эти разительно отличались от остальных пленных. Пока мелкие сошки истерили, паниковали или орали, эти молчали с достоинством обречённых. В их показной выдержке, в этом наигранном спокойствии чувствовалась куда большая угроза, чем в истеричных криках рядовых головорезов.

Я поднял беспилотник выше и ещё с минуту созерцал панораму зинданов. На них можно было смотреть вечно, как на огонь или текущую воду, только пользы от этого не прибавлялось ни на грош. В каждой из этих земляных нор бился свой собственный, уродливый пульс. В каждой сидел свой страх, своя злоба и свой жалкий, крысиный расчёт: как соврать на допросе, как выторговать лишний глоток воды, как свалить вину на другого, как пережить ещё один день и. Это была целая вселенная безысходности, накрытая решётками под равнодушным небом Пачука-9.

Впрочем, каждый из них это заслужил.

И в этот самый миг, когда я уже готов был отвернуться, нейросеть пронзила моё сознание коротким, как удар ножом, сообщением от Этони:

«Губернатор. Раздельные допросы дали первый результат. Необходимо ваше присутствие».

Я мысленно задержался на слове «первый». Этони не написал, что всё выяснил. Он упомянул лишь об одном,

тщательно проверенном факте. Одним тонком, практически призрачном хвосте, за который можно потянуть.

Я ещё раз окинул зинданы взглядом, уже своими собственными глазами. Дьявольская ирония судьбы — после рейда у меня остались не только спасённые люди, чьи жизни теперь висели на мне мёртвым грузом,, но и пленные. И это бремя было, пожалуй, потяжелее. Их требовалось кормить, поить, лечить, охранять от желающих отомстить. Хотя хотелось, особенно после увиденного в ангаре, убить собственными руками. Причём желающих хватало по обе стороны от стальных решёток. Это осознание тяжёлым, холодным камнем легло на плечи.

Я направился к казарме, которую занял Этони со своими людьми. Эта старая керамобетонная громадина стояла чуть в стороне от основной части лагеря, сама по себе, словно угрюмый отшельник. Из-за этого монстра пришлось растянуть оборонительный периметр, поставить лишний пост охраны и протянуть к нему кабель для освещения. А при моих ограниченных ресурсах любая лишняя махина была проблемой. Изначально я не собирался использовать это здание, но Этони настоял.

Возведённое неведомо кем и когда, здание словно дышало историей. Его нижние этажи, казалось, противостояли времени с упрямой стойкостью выжившего в боине: толстенные керамобетонные стены, узкие, высокие, как бойницы, проёмы окон, замкнутый двор-колодец и тяжёлые, широкие про-

лётцы лестниц, способные выдержать топот сотен ног в армейских ботинках. Верхние же этажи были будто срезаны то ли прицельным ударом с орбиты, то ли неумолимым временем. Кое-где из сколов торчала ржавая, похожая на кости, арматура, а межэтажные перекрытия обрывались рваными плитами, зияя, словно открытые раны на теле гиганта.

Для меня, как для губернатора, это место было не просто неудачным — оно съедало ресурсы. Но Этони, дитя войны и потомок воинов, видел в этой развалине совершенно иное. Он видел не угрозы, а возможности. Толстые стены — это надёжная защита от шального выстрела. Закрытый двор — идеальный контроль периметра. Глубокий подвал — естественная тюрьма, если добавить перегородок и дверей. Для него это было идеальное место как для размещения своих бойцов, так и для оружейной комнаты, для допросной, для... Да для всего, что могло придти ему в голову!

Лейтенант из обедневшего дворянского рода не стал дожидаться моих официальных распоряжений о порядке использования этого здания. Просто уведомил меня, что его бойцы расквартированы, а заботу по содержанию казармы он возьмёт на себя, а всё, что нужно от меня — включить её в защитный периметр.

Я спорить не стал, хотя и особой радости от такого ультиматума тоже не испытал. Этони же начал действовать. Осмотрел здание, распределил своих бойцов по ключевым позициям, методично отметил все опасные участки, наглухо

заложил часть проходов и принялся приводить здание в то состояние, которое он, видимо, считал «рабочим».

Времени лейтенант со своими бойцами не терял, и за месяц убогая развалюха стала издалека даже похожей на казарму: у входа уже был оборудован пост в духе спартанской функциональности, вдоль выщербленной стены протянулся временный, но надёжно закреплённый силовой кабель, проложенный с той небрежной спешкой, что свойственна лишь профессионалам. В выбитые оконные проёмы первого этажа вставили наскоро сколоченные щиты, грубо отгораживая внутреннее пространство от внешнего мира.

Вблизи впечатление смазывалось видом пролома в стене, рядом с которым сиротливо стоял ящик с инструментом, а над ним на куске проволоки висела табличка, нацарапанная от руки: «Не лезть без допуска».

Эта табличка почему-то зацепила меня. В ней была такая простая, почти первобытная мудрость. На Пачук-9, подумал я с кривой усмешкой, эта одна-единственная фраза могла бы с успехом заменить добрую половину местных законов и всю их незамысловатую философию.

У казармы трудились искусственники-добровольцы. Я даже догадывался, как Этони сумел их привлечь без моего участия и, главное, как он обошёл необходимость разрешения от меня. Маленькая, но гениальная хитрость — Этони просто спросил, кто из искусственно выращенных желает добровольно записаться в губернаторскую гвардию. Несколько

человек, ещё не сообразивших, как тут всё работает, согласились. Единой формы у них, конечно, не было, военной выучки — тем более. А дисциплину поддерживали только зычный мат и суровые взгляды бывалых бойцов Этони, а также куда более сильные стимулы: панический страх огрести леща и острое, почти физическое желание занять своё место в новом, только-только зарождающемся порядке.

Один искусственник выносил из коридора старый мусор. Двое других с натугой разбирали завал у лестницы. Ещё один, совсем юный, держал тяжёлый щит у выбитого окна, пока один из бойцов Этони крепил его к раме. У стены ещё двое тянули кабель к переносным светильникам.

Губернаторская гвардия начиналась совсем не с парадов или блестящей формы и не с торжественной клятвы. Первое, что должен был уяснить претендент — это понятия дисциплины и приказа. И всё это осваивалось моими искусственниками на самом простом и доступном для них обучении — стройке, ремонте, выносе мусора, уборке, «подай-принеси» и прочих вещах, которые обычно жутко раздражают и уничтожают на корню желание продолжать свой путь в гвардию, так не похожий на гляцевую картинку. И только потом, много позже, когда очередной претендент научится к любому делу подходить с умом, осторожностью и исполнительностью, ему можно будет, наконец, доверить карабин и пост у ворот лагеря.

Боец у входа в гарнизон, узнав меня, мгновенно вытянул-

ся по стойке смирно.

— Губернатор, — чётко доложил он. — Капитан на подвальном уровне. Проход расчищен.

— Хорошо, — кивнул я.

Войдя внутрь, я сразу ощутил запах. Старая, вьёвшаяся пыль смешивалась с острым ароматом горелого кабеля и сыростью керамобетона. Временные светильники, грубо прикреплённые к стенам, давали жёсткий, неестественно белый свет, выхватывая из полумрака меловые пометки со стрелками, намалёванные прямо на стенах: «оружейная», «штаб», «подвал», «опасный пролёт». Всё было строго по делу.

Лейтенант Этони Бакто встретил меня у самого начала лестницы. Его форма была в пыли, на рукаве темнело неясное пятно. В руках он держал планшет, по экрану которого мелькали какие-то списки. Голос, которым он отдавал приказы будущим гвардейцам, оставался удивительно ровным и спокойным — хотя я был уверен, что Этони спал гораздо меньше меня, а всё остальное время метался между зинданами, постами, южным бараком и хаотичным ремонтом казармы. Но в нём не было заметно ни тени усталости. Лишь привычная, отточенная эффективность.

— Выспались, губернатор? — спросил он, и в этом вопросе не было ни тени зависти.

— Восемь часов, — ответил я. — Хотелось бы знать, кого благодарить за подобную щедрость. Обещали-то всего два.

— Если бы что-то случилось, вас бы разбудили, — от-

ветил лейтенант, не отводя взгляда. — Хотя это могло бы привести к жертвам — Унц утверждал, что два часа для вас непростительно мало, и он не позволит никому навредить губернатору.

Я усмехнулся.

— Что ж, придётся сказать «спасибо» этой железке с дурным характером. Что у тебя?

Этони повернул планшет к себе, быстро пробежал глазами по какой-то строке и тут же, без предисловий, перешёл к сути.

— Один из пленных заговорил. Рядовой караульный. Не из тех, кому Тесак доверял важные решения, конечно. Решил облегчить своё наказание признаниями.

Я остановился у начала лестницы, невольно замерев.

— Что он рассказал?

— У Тесака есть схрон.

Это была интересная информация. И важная. Но было одно «Но».

— Рядовой караульный, — протянул я медленно, — знает о схроне?

— Звучит подозрительно, знаю. Но да, знает, — подтвердил Этони. — Два раза он стоял там на посту, подменял другого бандита Видел, как туда заносили ящики. Видел машины под брезентом, прикрытые от глаз. Что внутри ящиков, сколько там оружия, есть ли ловушки — само собой, ему никто не рассказывал.

Вот теперь это звучало более правдоподобно, хотя вероятность, что бандит соврал, оставалась далеко не нулевой.

— Что по остальным? Как-то можно полученную информацию подтвердить?

— Пока нет. Но мы работаем над этим, — спокойно сказал Этони, его губы едва заметно дрогнули в подобии усмешки. — Мы всех рассадили по зинданам, на допрос выводим по одному. Бандиты врут плохо, им не хватает ни ума, ни воли.

— Унц анализирует реакции?

— Да. Но реакция — не доказательство. Только повод проверить направление, в котором нужно копать глубже.

Я посмотрел на Этони внимательнее, мой взгляд задержался на его непроницаемом лице.

— Чем ты разговорил караульного?

— Страхом, — ответил он и на всякий случай добавил. — Без физического воздействия. Пойдёмте вниз, губернатор. Я покажу.

Этони повернулся и пошёл по лестнице. Я последовал за ним, слушая, как старые ступени скрипят под подошвами. Временные светильники рисовали яркую полосу, освещая лишь часть пути. Из подвала тянуло сырым сквозняком и чем-то ещё, отдалённо знакомым и довольно естественным для этой планеты.

У основания лестницы стоял боец с карабином. За те восемь часов, что я проспал, Этони, похоже, успел невероят-

но много. Организовал выкапывание зинданов, рассадил по ним пленных, начал допросы, которые уже принесли первый результат — возможный след к схрону. Лейтенант был удивительно расторопен и полезен.

Но пока я спускался, размышления мои витали вокруг иного, куда более сложного вопроса.

Где теперь пролегает та самая, незримая, но критически важная граница допустимого? Какие наши действия будут оправданы целью, а какие станут однозначным злом? Где мои порой отчаянные попытки не превратить этот лагерь в очередную банду могут сделать меня очередным Тесаком в мире, где мягкие методы, увы, годами не работали вовсе.

Я старался. Спасибо Нире, которая, увидев, что ради людей и дела я готов даже нарушать правила, встала на мою сторону и прикрыла мне спину там, где сам бы я точно не справился — в бюрократических дебрях приказов и отчётов. Спасибо Этони, который, хоть и посматривал на меня поначалу с толикой тщательно скрытого презрения, после вчерашней операции по спасению заложников тоже взялся за свои обязанности с утроенным рвением.

Это уже походило на команду. Маленькую, практически не имеющую ресурсов, но, главное, готовую действовать совместно команду.

Здесь, в аду Пачук-9, без этого не стоило даже пытаться что-то делать.

Внизу Этони открыл дверь в помещение, когда-то бывшее

обычной кладовой. Теперь здесь располагалась допросная. Всё было оборудовано подчёркнуто функционально, даже аскетично. Стол. Два стула. Аккуратно сложенные, готовые к использованию фиксирующие ленты. Фляга с водой, кажется, ещё нетронутая. Медицинский пакет на всякий случай. Светильник, висящий прямо на кабеле над столом. Дверь в соседнюю комнату, глухая и массивная. У входа — боец, застывший в ожидании. В углу, на полу, ящик, наполненный личными вещами пленных, изъятыми по прибытии в лагерь. Чего в нём только не обнаружилось: ножи, ремни, инструменты, два старых накопителя данных и плоский резак, одна штука.

— Сколько успели допросить? — спросил я, ощущая привычное напряжение перед тем, как погрузиться в детали чужих страданий.

— Семерых, — без задержки ответил Этони. — Только полностью здоровых, раненых пока не трогаем. А из этих семи трое пока упорно молчат, двое выкручиваются и врут даже после того, как Унц отметил явные противоречия в их показаниях. Один, как вы уже знаете, дал информацию о схроне. Второй обмолвился о том, что видел, как к старой железнодорожной ветке носили тяжёлые ящики — это косвенно сходится с направлением схрона.

— Кто этот второй? — уточнил я.

— Мелкая сошка, — коротко ответил офицер. — Ему тоже ничего не объяснили. Сказали таскать, и он таскал. Что

внутри — не знает. Но ящики были тяжёлые.

— Хорошо, — оценил я.

Этони кивнул, приняв похвалу с достоинством истинного аристократа.

Смотреть видео допросов я не стал — ни к чему, с этим вопросом лейтенант лучше разберётся без меня. Я здесь могу только помешать.

— Где сейчас Унц? — спросил я.

— Вместе с инспектором отправился к южному барaku, — без промедления ответил Этони. Если хотите, я вас провожу.

Я помотал головой.

— В нашем лагере пока что очень трудно заблудиться, лейтенант.

На лицо Этони выползла кривая усмешка.

— Я надеюсь, это временно, — с намёком произнёс он.

— Я тоже, — вздохнул я и вышел из подвала.

Глава 12. Там и звездолёт можно спрятать

— Железнодорожная ветка, — донёсся голос Унца, сухой и бесстрастный, — связывала Южный отвал и соседние добычные площадки с грузовым узлом Гармонии. Дальше груз шёл на склады Имперской Колониальной Администрации и в космопортовую зону. Последнее полное обслуживание этого участка было проведено ещё до орбитальной бомбардировки. Данные по депо неполные. Узловая станция отмечена как частично выведенная из эксплуатации.

— А электростанция почему оказалась в Пустошах? — спросил я, пытаюсь увязать разрозненные факты, полученные на допросах и от Унца, в единую картину.

— Старые данные неполные, — вновь ответил Унц. — Объект указан как основной источник питания для всей железнодорожной зоны, депо и части грузового узла. Топливо — гелий-3. Текущий контроль объекта не подтверждён. Последняя отметка ИКА: объект остановлен.

— То есть рельсы есть, но поезда не ходят, — подытожил я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение.

— Верно, — беспристрастно подтвердил Унц.

— Обожаю эту планету, — саркастично пробормотал я.

Нира, не обращая внимания на мои эмоции, увеличила

участок карты у Южного отвала.

— Что именно добывали в Южном отвале? — спросила она.

Унц тут же вывел на экран старые отчёты.

— Железная руда. Основное сырьё для производства пла-
стали. Также минеральная порода для керамобетона, кера-
мопласта, керамита. Дробильный узел использовался для
подготовки обеих групп сырья к погрузке.

Этони внимательно изучал схему.

— Если схрон находится в этом треугольнике, — заме-
тил он, показав пальцем на участок местности, действитель-
но напоминающий треугольник, — то Тесак выбрал место
не случайно. Боковой тупик даёт удобный подход, скрытый
от глаз. Депо это укрытие. А в помещениях узловой станции
можно спрятать что угодно.

В административный модуль заглянула старший медик.
За ней, стараясь быть максимально осторожными, двое ис-
кусственников ввели кресло на малой платформе. В крес-
ле сидел отец Римы. После всех манипуляций, витаминов,
еды и сна он уже не выглядел как человек, который вот-вот
испустит дух. Но и до полностью здорового состояния ему
было ещё очень далеко. Лицо его было серым, на лице вид-
нелись заросшие корочками кровоподтёки, а на шее — све-
жий медицинский пластырь, белеющий на фоне измождён-
ной кожи.

Медик окинула нас тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Пять минут, — сказала она, как отрезала. — Затем он возвращается в палату. Если этот старик снова начнёт хохориться и утверждать, что здоров, я усыплю его без колебаний. А если вы решите ему подыграть, то я усыплю и кого-нибудь из вас. Мне совершенно всё равно, кто именно станет кандидатом на седативный укол.

— Понял, — без улыбки кивнул я. — Верну вам его ровно через пять минут. Просто прямо сейчас мне позарез нужен человек, который помнит каждую трещину на старой ветке и знает её устройство. Без него никак не справиться.

Отец Римы хрипло усмехнулся.

— Я, конечно, ещё побегаю. Но прямо сейчас проводника из меня не выйдет, ваше превосходительство.

— Это и не нужно, — сразу объяснил я, удивляясь тому, что старый шахтёр подумал, будто я потащу его в таком состоянии за пределы лагеря. — Покажешь на карте и вернёшься к витаминам и процедурам.

Искусственники с почти религиозным трепетом установили кресло прямо перед картой, которую Унц спроектировал на стену. Один из парней на мгновение задержал взгляд на схеме, пытаясь разгадать тайны линий и отметок, однако боец Этони, застывший у двери, молча указал ему на выход. Парень понял этот жест мгновенно и удалился, не посмев проронить ни слова.

Отец Римы долго всматривался в спутниковую карту. Его взгляд медленно блуждал по изгибам путей и техническим

пометкам, будто он пытался заново оживить в памяти каждый закоулку этого мертвого железного мира.

— Да, — произнёс он наконец глухим, надтреснутым голосом. — Эта ветка шла на Гармонию. Погрузка, узловая станция с депо на несколько составов. Дальше космопорт и Гармония.

— Что скажешь про старую электростанцию? — я указал пальцем на отдалённую отметку.

Шахтёр медленно подался вперёд.

— Всё забросили давным-давно, — наконец, тяжело вздохнул он. — Потом на электростанцию пришёл один из кланов Пустошей. Кто именно сейчас там засел — не знаю, но по слухам это настоящая крепость. Я слышал разное, но ничего обнадеживающего. А те, кто отважился туда сходить, не вернулись. Я сам там не был.

— Прекрасно, — произнёс я, ощущая, как привычная ирония обжигает горло.

— Нет, — не поняв мою реакцию, старик медленно покачал головой. — Прекрасно было раньше. Когда составы ходили по расписанию, когда здесь была жизнь, а не выживание.

Он снова перевёл взгляд на участок между боковым тупиком, депо и узловой станцией. Он смотрел туда с таким сосредоточением, словно пытался разглядеть что-то, невидимое для нас.

— Вот здесь простым рабочим делать было абсолютно

нечего. Там только контейнеры, глухие стены, тупик и служебные помещения. Люди Тесака иногда ошивались у контейнеров, мы их замечали. Но сами туда никогда не совались — знали, что это опасно.

— Там можно спрятать машины? — уточнил я.

— Можно. Думаю, что там и звездолёт можно спрятать. Если знать, где находится проход. С дороги ничего не видно. С самой ветки тоже не сразу заметишь. Там можно спрятать целую армию, и никто не догадается.

— Тесак мог успеть туда добраться? — я пытался оценить скорость и возможности противника, прикидывая время в уме.

Отец Римы на секунду закрыл глаза, словно погружаясь в тяжёлые, вязкие воспоминания.

— Если шёл один или с парой людей — мог. Он знает старые дороги лучше любого из нас. Он водил по ним людей и терял их там.

Последнее слово вызвало неприятный холодок, пробежавший между лопаток.

— Терял? — переспросил я с неприкрытой настороженностью.

— Пленников вроде нас. Кто не мог идти дальше, тот просто пропадал, — глухо ответил он. — Потом его бандиты шептались, что те сбежали. Но кто их знает... Особенно сейчас, когда стало известно, что он людоед.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Лицо инспектора

оставалось непроницаемой маской, и лишь то, как она опустила взгляд к планшету, выдавало попытку отгородиться от этой мрачной правды.

— Достаточно, — голос медика прозвучал как приговор.
— Его пора возвращать.

— Ещё один вопрос, — попросил я, пытаясь вырвать у времени ещё несколько секунд.

Медик посмотрела на меня с таким выражением, что я на мгновение всерьёз поверил в возможность установления медицинской диктатуры.

— Хорошо, — согласилась она убийственным тоном. — Только один.

Я повернулся к отцу Римы, стараясь выжать из него самую суть его знаний.

— Я посмотрел, что добывали раньше в Южном отвале? Что там можно добыть сейчас?

— Железо, — ответил он, открыв глаза. В них мелькнула далёкая, почти мёртвая искра. — Порода уже не вся сгодится на керамобетон, но пока ещё там достаточно работы. Но в крупняке много пустой породы. Надо дробить и сортировать сразу, до погрузки на платформы — это закон производства.

— Дробильный узел в каком сейчас состоянии? — задавая этот вопрос, я смутно понадеялся на чудо, хотя и знал, что в этом мире чудеса обычно оказывались ловушками.

— Не знаю, — честно пожал плечами старый шахтёр. — До того, как нас забрали, работал из рук вон плохо. Ремни

рвались постоянно, решётки забивались, приходилось прочищать вручную. Один вал стучал так, что этот грохот был слышен за несколько километров. Мастер говорил, что через месяц такой же нагрузки дробильный узел встанет окончательно.

— Где сейчас мастер? — вопрос вырвался сам собой.

Отец Римы посмотрел прямо на меня.

— Тесак забрал его. Уже давно.

Медик решительно положила руку на спинку кресла, сигнализируя о конце аудиенции.

— Всё. Мы возвращаемся.

Я кивнул, признавая её неоспоримую власть в этом вопросе.

— Спасибо.

Отец Римы попытался поднять руку в прощальном жесте, но движения его были слабыми и неуклюжими, и он не смог завершить жест до конца.

— Риму не берите туда, — прохрипел он. — Она бойкая и зла на Тесака. Захочет с ним по квитаться.

— Не возьму, — пообещал я.

— И Патэля тоже, — добавил он, словно внезапно вспомнив о чём-то критически важном.

— И его не возьму. Патэль ваш представитель и посредник, его место здесь, — ответил я.

— Тогда идите быстро, — в его голосе прозвучала неожиданная, почти пугающая настойчивость. — Если Тесак дей-

ствительно там, он постарается оставить после себя руины — просто в качестве мести.

Медик увезла шахтёра, дверь закрылась за их спинами. Я снова посмотрел на карту. Теперь всё выглядело хуже и понятнее одновременно. Но без электростанции, стоящей далеко в Пустошах и занятой чужим кланом, которому мои губернаторские полномочия, скорее всего, были интересны только как повод взять с меня побольше, никакое производство запускать не было смысла. Как и без дробилки.

А ещё где-то в этом безжизненном треугольнике между боковым тупиком, депо и узловой станцией был схрон Тесак, и я не знал, что бандит мог там прятать настолько важного, что даже не все его подручные знали об этом месте.

— Этони, ты всё слышал. Как сформируем группу? — спросил я.

Он ответил сразу, словно уже давно всё просчитал и держал весь список в голове.

— Я. Два бойца ИКА. Десяток сервантов. Унц. Один следящий беспилотник. Проводник, если найдём. Вы, если снова решите, что губернатор обязан лезть в петлю лично, а не сидеть в штабе.

— Обязан, — твёрдо произнёс я.

— Я так и подумал, — коротко отозвался Этони.

Нира подняла планшет, и в её движениях была своя, строгая грация.

— Если мы успеем до того, как Тесак всё вывезет, то нам

потребуется оформить акт конфискации, составить список участников, перечень пломб, контейнеров, ящиков и найденного. Всё необходимо фиксировать, каждое движение и каждую находку.

Я усмехнулся — было сразу понятно, к чему клонит Нира.

Ещё одна обедневшая, но гордая аристократка ни в коем случае не собиралась сидеть в лагере.

— Этони? — я повернулся к нему.

— Искусственников не берём ни в коем случае, — произнёс он, его голос был категоричен. — Они пока не бойцы. Их можно будет вызвать потом, на черновые работы. Пусть таскают находки под присмотром инспектора и под охраной сервантов.

— Унц? — спросил я.

— Карта района неполная, — донёсся сухой голос Унца. — Старые объекты между отмечены с ошибками, данные фрагментарны. Вероятны завалы, провалы, неучтённые препятствия, повреждённые силовые кабели и прочее.

— То есть, нам предстоит обычная весёлая прогулка в местном духе, — ухмыльнулся я.

— Оценка «весёлый» не подтверждается данными, — безэмоционально ответил Унц, проигнорировав эмоциональный подтекст.

— Значит, подтвердим на месте, — бросил я с непонятной даже мне решимостью.

По карте протянулась от лагеря красная линия, на втором

конце которой красовался жёлтый кружок.

— Сколько до точки? — спросил я, чувствуя, как внутри шевелится холодное предчувствие.

— Две тысячи семьсот четырнадцать метров по прямой, — отозвался Унц своим бесстрастным голосом. — С учётом обхода обрушенных секций путь составит около шести тысяч. Пешком, при текущей запылённости, проход займёт от полутора до двух часов.

Шесть километров по открытой и неровной местности, совсем не похожей на красную ковровую дорожку. А если Тесак заметит нас на подходе? Если он не один? Если бой начнётся уже на подходе?

— Беспилотник уже там?

— Малый разведчик выдвинулся три минуты назад, — ответил дроид. — Передача нестабильна из-за помех от старых силовых линий. Первые кадры поступают.

Карта на стене сменилась зернистой и серой картинкой. Беспилотник шёл низко, в пяти метрах над землёй, и камера ощутимо тряслась. Впереди виднелось депо: полуразрушенные стены из профлиста, ржавая ферма подъёмного крана, груды контейнеров...

Этони указал рукой на ферму.

— Один человек с оптикой там — и вся площадка у него перед глазами. На месте Тесака я бы точно кого-нибудь туда отправил.

— Унц, есть данные беспилотника по ферме? — я обра-

тился к дроиду, напрягшись.

— Тепловой след не выявлен. Металл конструкции создаёт помехи. Моя уверенность — шестьдесят три процента.

— Шестьдесят три... Вот хоть бы раз получить от тебя что-нибудь вроде «всё чисто, губернатор, катайтесь как сыр в масле».

— Статистически маловероятно в ваших текущих условиях, — отозвался Унц.

Этони повернулся ко мне.

— Шесть моих бойцов и я. Под прикрытием беспилотника, — подправил он свои первоначальные расчёты. — Плюс серванты.

Я ещё раз взглянул на карту. Красная линия тянулась к жёлтому кругу, а от него в стороны уходили серые зоны — места, которые не охватывал ни один архив. Серый цвет на карте Унца означал лишь одно — никто не знает, что там скрывается. И, что важнее и печальнее, никто до меня и не хотел узнавать.

— Собирай группу, Этони.

Лейтенант молча кивнул и вышел. А я только и смог удивиться, как спокойно этот человек шёл на встречу со смертью. Потому, что боялся не за себя, а за тех, кто пойдёт следом за ним.

В допросной остались лишь я, Унц и старая схема, снова занявшая своё место на стене. Генератор за стеной внезапно кашлянул — низкий, утробный звук, словно кто-то пнул мо-

тор, — и линии на карте дрогнули. Красная линия маршрута прыгнула на полсантиметра влево и вернулась на место.

Я подошёл к столу. Планшет лежал экраном вниз. Я перевернул его — стекло потемнело, но в нём я увидел своё отражение: голубокожее лицо над строгим воротником губернаторской формы. Черты правильные — для создания искусственников использовались лучшие аристократические гены в Империи Лубасири. Но это лицо было чужим.

— Унц. Какова вероятность, что Тесак прятал в своём схроне что-то действительно полезное?

— Определение «полезное» требует уточнения, — ответил дроид.

— Оружие, припасы, транспорт. Всё, что может помочь запустить производство и обеспечить безопасность.

— Сорок один процент, что схрон содержит значимые ресурсы. Двадцать три — что он заминирован или защищён иным способом. Шестнадцать — что он уже пуст.

— А двадцать процентов на непредвиденное? — уточнил я.

— Двадцать процентов — это моя собственная погрешность, — ответил Унц. — Я предпочитаю учитывать её отдельно.

— Унц, ты когда-нибудь боялся? По-настоящему, не по протоколу?

Дроид замер на секунду. Для него это была целая вечность — время обработки, которое он потратил на решение, как

именно ответить.

— Я испытываю устойчивое нежелание быть возвращённым к базовой прошивке. Если это соответствует вашему определению страха — да. Каждый день. Каждую секунду.

Ну а какого ответа я, собственно, ещё мог ожидать?

Этони вернулся через семь минут. За его спиной в коридоре стояли выбранные им бойцы. Лица их были напряжёнными, но спокойными. Таких людей на фронтире называют «мясом», но не от жестокости, а из честности. Они были губернаторскими гвардейцами и знали, куда и на что идут.

— Готово. Сапёрный комплект, два подавителя связи, вода на четыре часа. Беспилотник в воздухе.

— Нира? — спросил я.

— Готова.

Инспектор протянула мне планшет. На экране красовался маршевый приказ: мой идентификатор, печать инспектора Вейл. Всё строго по правилам. Теперь, если я сдохну во время вылазки в схрон, то это будет гибель должностного лица при исполнении, а не при самовольных действиях. Разница заключалась в трёх строчках текста и в том, кто потом будет отвечать перед ИКА.

— Маршевый приказ зарегистрирован, — на всякий случай пояснила Нира. — Уведомление реестра отправлено с пометкой «приоритетное». Вы официально выходите на осмотр территории с целью обнаружения и конфискации имущества, относящегося к деятельности организованной

преступной группы.

— Звучит красиво. Почти как «идём грабить бандитов с разрешения Империи».

— Эту формулировку я предпочту в отчёт не вносить. Даже в случае, если вы не вернётесь.

— Я вернусь. Я успел только позавтракать и не против поужинать после нашего возвращения.

Уголок рта Ниры дёрнулся в попытке сдержать улыбку. Она забрала планшет и посмотрела на меня так, словно я уже подписал себе смертный приговор, но ещё не осознал его тяжести.

Я вышел наружу.

Глава 13. Три красные полосы на ржавом контейнере

Серое небо висело так низко, что почти физически давило своей свинцовой тяжестью, словно застыв в предчувствии беды.

За периметром лагеря расстилалась серая равнина Пачук-9 — безжизненное пространство, состоящее из серого грунта, каменной крошки и шрамов, оставленных старыми промышленными работами. Редкие опоры кабельной линии торчали из земли подобно костям доисторических существ. Даже ветер здесь словно бы не гулял, а ползал почти у самой земли, поднимая облака мелкой пыли, забивавшейся в складки одежды и под респиратор.

Наш путь пролегал вдоль линии старых рельсов. Местами они выглядели целыми, а кое-где их секции были буквально вырваны с корнем. Над рельсами высилась безжизненная электрическая линия на высоких опорах.

Беспилотник парил над группой, отбрасывая на серый грунт подвижную тень, похожую на призрака. Нейросеть прямо поверх рельефа показывала мне красную линию маршрута, тянущуюся вдоль железнодорожной ветки. До цели нам оставалось меньше двух километров.

Первый след мы обнаружили у очередной обрушенной

опоры. Этони мгновенно поднял руку. Группа замерла, как-то очень незаметно, в мгновение перейдя в состояние полной готовности. Бойцы застыли на своих местах, превратившись в живые изваяния. Один из них опустился на колени, держа ствол карабина направленным в сторону низких бетонных плит, второй развернул оружие в сторону заброшенного строения, остальные рассредоточились, охватывая оставшиеся направления. Унц присел, и прямо над поверхностью пронёсся тонкий сканирующий луч, выхватывая мельчайшие изменения в структуре грунта.

Я хотел подойти ближе, но был остановлен ладонью Этони. Посмотрел вниз и почувствовал, как моё сердце забилось чуть быстрее. В пылиотчетливо виднелась полоса, а в ней — глубокие следы. Три пары обуви. И узкая колея, словно кто-то тащил здесь малую тележку или контейнер на двух колёсах.

— Давность? — голос Этони в канале связи прозвучал глухо.

— От восьми до двадцати часов, — ответил Унц.

— Тесак? — спросил я, глядя на следы.

— Размер обуви не совпадает с данными, — доложил дроид. — Но база неполная.

— То есть кто-то ходил к схрону сегодня ночью, и этот кто-то с большой вероятностью — не Тесак. Тогда кто?

Этони посмотрел вдоль линии следов. Они уходили туда же, куда вел наш маршрут.

— Хотелось бы знать, — коротко ответил он.

Мы двинулись дальше, но теперь каждый шаг казался мне прогулкой по лезвию бритвы. Скорость замедлилась, бойцы и серванты постоянно сканировали пространство вокруг, беспилотник поднялся выше, чтоб увеличить дальность, которую мог контролировать.

Вскоре мы добрались до развилки. Боковая ветка свернула от основной к низкому холму из бетонного мусора. Основная продолжала тянуться к станции, и на горизонте уже виднелись развалины депо.

След свернул в сторону тупика. Мы пошли по нему. Колея уходила прямо, по бокам от неё появился настил из плит, на которых я в одном месте заметил свежие царапины — будто по ним недавно протаскивали что-то тяжелое и металлическое.

Этони поднял сжатую в кулак руку. Мы замерли.

Тупик выглядел пустым и безжизненным. Короткий кусок рельсов упирался в скалу. Слева виднелись останки навеса, а справа стояли контейнеры — по пять штук в ряд. Сперва они показались мне стеной, сложенной из широких и низких блоков, покрытых толстым слоем пыли. Но первый же порыв ветра сдул пыль, я увидел следы краски.

Три красные полосы, слишком свежие, явно нанесённые совсем недавно, причём вручную.

— Унц, что скажешь? — обратился я к своему ординарцу. Механический голос дроида отчеканил короткую:

— Краска нанесена вручную, в недавний период времени.

Визуально соответствует описанию бандитской метки, обозначающей смертельную опасность или ловушку.

Дроид приблизился к контейнерам и принялся их сканировать. Этони снял сапёрный сканер с крепления, его бойцы и серванты взяли под контроль окружающее пространство. Мы с Нирой молча стояли у начала тупика. Мои нервы были напряжены. Слишком тихо, слишком всё просто. Где засада Тесака? Не может же он просто так пустить нас в свой схрон? Или это хорошо продуманная ловушка?

Взгляд сам собой упал на щель кабельного колодца, видневшуюся между двумя плитами.

Я посмотрел на Этони. Его лицо было сосредоточенным, он не сводил глаз с контейнеров.

— Будьте готовы, губернатор, — тихо произнёс лейтенант и тут же скомандовал уже бойцам:

— Держите периметр.

Оставив пятерых сервантов охранять вход, мы двинулись вглубь, стараясь контролировать каждый угол и каждую щель. Если здесь действительно устроена ловушка, то она сработает именно в тот момент, когда мы расслабимся. Но я не собирался расслабляться.

Мой взгляд постоянно возвращался к примеченной раньше щели кабельного колодца.

Узкий проход упёрся в глухую стену. Здесь тоже стояли контейнеры, на этот раз огромные пустотные, каждый размером больше, чем мой административный модуль. Ровно пять

штук. И на трёх из них, как знаки проказы, тоже алели свежие красные полосы — три небрежных, косых мазка, словно нанесённые окровавленной пятернёй.

— Стойте там, губернатор — бросил мне Этони, а сам начал обходить площадку по широкой, осторожной дуге.

Я послушно замер метрах в пяти от ближайшего из железных пустотных саркофагов.

Этони завершил свой обход и вернулся, его лицо было непроницаемо, как забрало шлема.

— Всем живым за укрытия, — приказал он своим бойцам. — К контейнерам не подходить, вскрывать будут серванты.

И тут же в канал связи ворвался прохладный, лишённый интонаций голос Ниры.

— Губернатор, перед вскрытием требуется провести полный осмотр. Покажите на камеру общую маркировку контейнера, конструкцию створки, запорный механизм, состояние грунта перед входом и текущее положение вашей группы. После этого можно будет открывать.

Чёрт бы побрал эту бюрократию лубасири! Но никуда не денешься — без протокольной записи любой аудитор из Гармонии потом с лёгкостью назовёт это мародёрством или превышением полномочий, и моя голова полетит с плеч быстрее, чем я успею произнести слово «апелляция». Так что надо радоваться, что Нира оказалась на мою сторону, а не злиться на неё и её советы.

— Унц, запись включена? — процедил я сквозь зубы.

— Запись активирована. Визуальная фиксация начата. Маркировки, расположение в пространстве, состояние контейнеров и положение группы зафиксированы в протоколе, — бесстрастно доложил тот.

— Открывай, — приказал я ближайшему из сервантов.

Дроид, глухой к страху и сомнениям, сделал несколько размеренных шагов вперёд. Механическая рука, способная согнуть стальной лом в узел, сомкнулась на массивной ручке створки контейнера. Раздался мучительный скрип протестующего металла, замок с натугой поддался, и створка неохотно поползла в сторону, открывая тёмное, пыльное чрево.

Сервант транслировал картинку со своей передней камеры, так что мы все могли видеть то же, что и он, в режиме реального времени. Уверен, запись в итоге будет доступна для повторного просмотра.

И обязательно приложена к отчёту.

Вопреки ожиданиям, ничего не произошло. Внутри контейнера царил хаос из старых, разохшихся пустых ящиков, какой-то ржавой тары, обрывков крепёжных строп и кусков упаковочной плёнки, похожих на сброшенную змеиную кожу. Но при более внимательном осмотре в дальнем углу обнаружили две упаковки, на которых, в отличие от всего остального, не было ни пылинки. К тому же, от одного из ящиков тянулась к выходу отчётливая полоса, хорошо заметная на толстом слое пыли, укрывавшем пол контейнера.

Сервант услужливо выделил на изображении угол с упа-

ковками, увеличив его.

— Пустышка, — помолчав, вынес свой вердикт Этони. — Но пользовались контейнером недавно. Ставлю сто дукатов, чтобы отвлечь внимание.

Снова в эфире возник голос Ниры.

— Внесите обнаруженные упаковки и следы перемещения в акт как вещественные доказательства по делу. Если внутри окажутся фильтры для воды или энергоблоки, проведём их отдельной статьёй на нужды лагеря. После описи ничего не трогать до моего распоряжения.

— Понял, — буркнул я.

Нира, разумеется, была права. Но мне не понравился её командный тон.

Этони уже потерял всякий интерес к вскрытому контейнеру. Его взгляд был прикован к следующему. Он обошёл его, держась на почтительном расстоянии, и остановился так, чтобы видеть нижнюю кромку створки.

— Гляньте сюда, ваше превосходительство, — позвал он, и в его голосе прозвучали новые, заинтересованные нотки.

Я подошёл ближе. Этот контейнер стоял идеально ровно — без малейшего перекаса, без наклона, с одинаковыми зазорами со всех сторон. Пыль перед ним была полностью стёрта, справа на грунте виднелась неглубокая, но чёткая борозда, а на нижней кромке контейнера виднелись несколько свежих царапин.

Я внимательно осмотрел контейнер и вдруг в тени от его

стенки различил тонкий, почти невидимый провод. Он был прикреплён к корпусу, а оттуда, словно нить судьбы, уходил в узкую щель.

— Этони, что это? — выдохнул я, указывая на находку.

Лейтенант перевёл взгляд, и его тело мгновенно напряглось, обратившись в натянутую струну. Он стал воплощением бдительности, хищником, почуявшим западню.

— Предмет не является штатным элементом конструкции, — отчеканил бесстрастный голос Унца. — Может быть компонентом системы сигнализации, старым, обесточенным кабелем или частью взрывного устройства. Данных для точного анализа недостаточно.

— Никому ничего не трогать, — глухо приказал Этони, не сводя глаз с провода. — Сначала нужно посмотреть, куда он ведёт.

Спустя минуту выяснилось, что кабельный канал не просто так привлёк моё внимание — провод уходил именно туда.

Это выяснилось, когда послушный приказу сервант подошёл к контейнеру и при помощи сканера подсветил весь путь провода. Потом он приблизился к щели канал, из его манипулятора выдвинулся тонкий щуп с оптическим сенсором на конце. Щуп осторожно опустил в щель, зависнув в нескольких сантиметрах от зловещего провода.

— Свежих следов нет, — доложил механическим голосом дроид. — Внутри толстый слой пыли, остатки старой изоля-

ции. Провод уходит вдоль стены канала вглубь, направление — в сторону от нас.

— Отметьте для протокола изъятия, — вновь послышался голос Ниры, спокойно выполнявшей свою часть работы. — Провод у створки, направление к кабельному каналу. Следов недавнего вмешательства не обнаружено.

— Зафиксировано, инспектор, — подтвердил Унц.

— Контейнеры пока не трогаем, — приказал я. — Попробуем зайти с другой стороны, посмотрим, откуда этот провод тянется и нет ли других подозрительных предметов.

— Серванты в тыл, бойцы с нами, — отдал свою часть приказа Этони.

Мы обошли ряд старых конструкций, углубляясь в лабиринт из ржавой стали и керамобетона. Здесь было теснее — переплетения старых ферм, обломки стен, груды искорёженного металлолома.

Слева, в узком зазоре между двумя контейнерами, чернел провал. С первого взгляда он выглядел как обычная щель. Но что-то в ней было неправильным. Слишком ровная, с тщательно отшлифованными краями. И этот лист ржавого металла, прикрывающий её, выглядел совсем не как случайный мусор. Его словно нарочно здесь поставили, как грубую маскировку.

Я остановился в двух шагах.

— Похоже на замаскированный проход, — подтвердил мои наблюдения и Этони.

Вперёд тут же выступил сервант.

— Отодвинуть, но не заходить внутрь, — приказал я.

Дроид шагнул к щели. Его манипуляторы уверенно взялись за зазубренный край ржавого листа и с лёгким скрежежом отодвинули его в сторону. За листом открылась старая грузовая створка, установленная поперёк прохода.

Я чуть приблизился, но заставил себя остановиться в шаге от нового препятствия.

Створка была грубо прилажена к ржавой раме, но сам крепёж выглядел новым — болты с блестящими, не тронутыми коррозией головками. На массивной петле поблескивала свежая смазка, а в пыли прямо перед створкой отпечатались несколько чётких следов ботинок и царапины, оставленные протаскиваемым грузом.

— Следы принадлежат нескольким разным разумным существам, — вставил своё веское Унц, чьи аналитические системы работали на полную мощность. — Судя по всему, здесь были как минимум двое. Груз, вероятно, тащили волоком.

Давая пояснения, Унц продолжал вести запись, скрупулёзно фиксируя каждый элемент: положение створки, блестящий крепёж, смазанную петлю и следы на древнем керамобетоне.

И снова в эфир вклинилась Нира.

— Губернатор, проговорите вслух основание для входа, — потребовала она. — Мне нужна чистая вербальная запись

для отчёта.

Я тяжело выдохнул, сдерживая рвущееся наружу раздражение на всю эту официальщину.

— Проводим проверку предполагаемого схрона людоеда, убийцы и лидера незаконного вооружённого формирования по прозвищу «Тесак» на основании показаний задержанного члена банды и сведений, полученных от освобождённых работников Южного отвала. Всё обнаруженное подлежит описи. Оружие, в случае его обнаружения, после описи передаётся под ответственность командира охранной группы. Документы руками не трогать до прибытия экспертов.

— Принято, — коротко ответила Нира.

Пока я занимался формальностями, Этони уже успел расположить своих бойцов, и те заняли позиции у ближайших укрытий, взяв створку под перекрёстный огонь. Серванты встали по краям прохода, своими массивными телами закрывая подходы с боков.

— Атмосферный анализ не проведён, — предупредил Унц. — За створкой может быть недостаток кислорода или ядовитые газы. А так же провалы в полу, засады или ловушки. Сама створка может быть заминирована или неустойчива.

— Всё проверим по порядку, — ответил я. — Начнём с анализа воздуха у края створки. Унц, следи за показаниями. Сервант, выдвинувшийся к створке, поднёс модуль газоанализатора к щели, и мы принялись ждать.

Газоанализатор гудел семь с небольшим секунд, издавая мерзкий, металлический звук. Каждая секунда тянулась как час, но на восьмой секунде Унц, наконец, выдал результат, и его бесстрастный голос резанул по нервам:

— Кислород в допустимом диапазоне. Токсичные примеси зафиксированы, но ниже опасного порога. В воздухе повышенное количество пылевых частиц. Рекомендую фильтры не снимать. Температура за створкой ниже внешней на четыре целых и две десятых градуса. Движения воздуха почти нет.

Я почувствовал, как челюсти сжимаются сами собой. Стоячий воздух говорил о том, что пространство за створкой не имеет второго выхода.

— Живые внутри есть? — спросил Этони, и в его голосе послышался металл.

— Не подтверждено. Нужен внутренний обзор.

— Запускай дрон-разведчик, — голос мой прозвучал хрипло.

Унц выпустил маленький аппарат размером с мой кулак. Он состоял из четырёх тихих микрогравиузлов, камеры на гибкой шейке да нескольких датчиков и внешне напоминал механическую муху или таракана.

Дрон скользнул к щели, завис у нижнего края створки и протиснулся внутрь, чиркнув корпусом по керамобетону. На экране дополненной реальности появилась картинка, тёмная и зернистая.

Первым делом я увидел пол. Прямо у входа валялись несколько старых больших болтов. Полосы от протаскиваемого груза расходились в разные стороны и теперь выглядели так, словно по полу волокни не ящики, а мешки.

«Или трупы», — тут же подсказала мне богатая фантазия.

Дрон приподнялся, и картинка расширилась, продемонстрировав нам короткий тамбур с пустым стеллажом по правой стене и щитком электропитания с вырванной крышкой слева — кто-то хорошенько поработал здесь ломом. Впереди зиял ещё один проход с такой же створкой, но заранее открытой.

— Взрывных контуров на ближнем участке не вижу, — доложил Унц механическим голосом. — Тепловых силуэтов нет. Активных источников энергии нет, только слабый остаточный фон в глубине.

— Фон от чего? — я уже догадывался, но нужно было услышать подтверждение.

— Предположительно, от энергоячеек или консервационных блоков.

Я покосился на Этони. Его лицо превратилось в маску, но по напряжённой челюсти читалось всё.

Он коротко кивнул.

— Для нас безопасно, ваше превосходительство. Можно входить. Первым движется сервант, за ним дрон. Мы не заходим, пока не убедимся, что опасности нет.

— Я понял. Вперёд.

Глава 14. Сокровищница старья. Очень полезного старья

Сервант медленно шёл к следующей створке. А я стоял и заставлял себя не лезть первым. Давалось откровенно тяжело. Не то чтобы меня тянуло на подвиги... Но простое любопытство никто не отменял, и после всего уже увиденного мне до зуда в пятой точке хотелось поскорее посмотреть, а что же там дальше. Посмотреть своими глазами, а не через камеру дроида-разведчика.

Желание жгло, как горячий уголь, и подогревалось молодым телом, которое формально соответствовало возрасту лет в двадцать пять, а не моим прежним сорока с хвостиком. Это тело требовало дела, движения, риска, и приходилось постоянно напоминать себе, что на этой проклятушей планете героизм влияет только на длину некролога. У невезучих он будет максимально короток.

Разведчик вслед за сервантом прошёл тамбур, поднялся выше и включил дополнительную подсветку. Луч света ударил в темноту, картинка развернулась, и я на пару секунд забыл, как дышать.

Подспудно я ожидал увидеть ещё один контейнер или комнатуху, забитую десятком-другим ящиков — ну а как ещё должен выглядеть тайник с краденым? Но реальность

оказалась совсем другой и с размаху ударила под дых.

Створки и тамбур маскировали подход к настоящему сокровищу. За ними раскрылся старый складской зал, врезаный в нижний уровень разрушенного мега-здания. Потолок уходил вверх метров на восемь и терялся во тьме. В сумраке угадывались силовые стойки по бокам, толстые, как стволы деревьев. В глубине темнели рельсы для внутренней грузовой тележки, обрезанные у завала, словно железные кишки выпотрошенного зверя. А вдоль стен, ровными рядами, как солдаты на параде, стояли ящики.

Много ящиков. Слишком много.

У меня неприятно сжалось под рёбрами, спина напряглась сама собой. Адреналин ударил в кровь, и во рту появился металлический привкус.

— Слушай, Унц... — я обвёл взглядом ряды и осёкся, не в силах подобрать слова. — Сколько здесь? Хотя бы примерно.

— Предварительная оценка без прохода внутрь невозможна, — отчеканил Унц. — Визуально — более ста крупных единиц тары, не менее трёхсот малых упаковок, стеллажи с длинномерными предметами, стойки с защитным снаряжением, закрытая зона под керамопластовой упаковочной тканью в дальнем углу.

— Оружие? — уточнил я, хотя уже знал ответ.

Дрон повернул камеру к ближайшему стеллажу, и меня словно ударило током.

На креплениях лежали длинные игольники — старые,

угловатые, без современных маркировок ИКА, без свежих сервисных пломб, без гражданских ограничителей. Тяжёлые стволы с широкими прикладами, керамитовыми направляющими блоками, механическими прицелами и посадочными местами под старые оптические модули. Рядом — короткие игольные карабины, дальше — ручные игольные пулемёты с толстыми кожухами стволов, ещё дальше — два станковых блока на сложенных треногах, способные прошить даже броню серванта.

— Вот же охренеть! — тихо выдохнул я, и слова повисли в спёртом воздухе.

Этони, обычно довольно болезненно реагировавший на ругань, даже и не подумал сделать мне замечание. Видимо, мысленно произнёс то же самое, только на своём аристократическом языке.

— Заходим, — скомандовал он. — Два серванта вперёд. Затем я, со мной двое. После — губернатор. Остальным — прикрывать проход. Без команды ничего не трогать. Будьте готовы открыть огонь на поражение. Инспектор, прошу вас остаться снаружи под охраной — на случай, если с нами что-то случится.

— Протокол фиксации продолжается, — раздался в канале связи ледяной голос Ниры. — Губернатор, вслух подтвердите, что входите после технической проверки и без контакта с предметами до первичной описи.

— Подтверждаю, — отозвался я, чувствуя, как пересыха-

ет во рту. — Заходим после дрона-разведчика и газоанализатора. До первичной описи руками ничего не трогаем. Если полезу хватать первый попавшийся ствол, Этони имеет право отвесить мне пинка.

— Последнюю часть в протокол не внесу, но по смыслу поддерживаю, — произнесла Нира, и в её голосе послышалась усмешка.

— Я тоже, — добавил Этони с мрачным удовлетворением.

— Предатели... — печально вздохнул я, но атмосфера немного разрядилась и напряжение слегка отпустило.

Мы вошли в зал. Воздух сразу окутал нас густой смесью запахов пыли и консервационной смазки. Я встал в первом проходе между рядами и медленно повёл головой, пытаюсь охватить масштаб склада. Оружие было везде. А ещё коробки с запасными кассетами, направляющие блоки, прицельные модули, наборы для чистки и обслуживания, блоки стабилизации. Защитное обмундирование: кирасы разных размеров, шлемы, наплечные пластины, складные щиты. И на всём — упаковки с выцветшей, но читаемой маркировкой армейского резерва Старой Империи.

И ни одного современного ствола среди всего этого богатства.

Неплохой арсенал тут обнаружил Тесак. Достаточный для вооружения целого батальона. И именно обнаружил, а не собрал — на современном Пачук-9 взять такое оружие было попросту негде, кроме как в случайно оставшемся не раз-

грабленным хранилище вроде этого. Жаль, что часть оружия Тесак успел забрать — вдоль одной стены виднелись пустые места, а возле них — следы ботинок в пыли на полу.

Этони прошёлся вдоль стойки размеренным шагом профессионала, не касаясь оружия, и я по напряжению его плеч, по тому, как он дольше обычного задерживал взгляд на каждом стволе, понял — он впечатлён.

— Старьё, — произнёс я, чтобы немного сбросить градус впечатления и вернуться в рабочее состояние.

— Старьё, — подтвердил лейтенант, останавливаясь возле одного из игольников и внимательно разглядывая его. — Но хорошее старьё. Если консервация была проведена на совесть, эти игольники будут надёжнее того мусора, что есть у местных. У Старой Империи было много недостатков — коррупция, войны, неумение считать деньги. Но вот оружие и военную снаряду тогда делали на совесть. Некоторые раритетные образцы получше современных будут.

В его голосе прозвучала странная нотка профессионального уважения человека, знающего цену надёжному стволу и доброй стали.

— А по боевой эффективности? — уточнил я.

— На ближней и средней дистанции — очень опасно. Против лёгкой брони — тоже. Современные системы удобнее, легче, умнее, лучше дружат с нейросетевыми прицелами и баллистическими компьютерами — это снижает требования к минимальным навыкам у стрелка. Это оружие расчи-

тано на того, кто умеет с ним обращаться. Но в этом есть и свои плюсы — в руках мастера оно окажется как бы не опаснее современного. Если учесть, что мы раздадим его искусственникам и вчерашним шахтёрам, то и учить их придётся заново.

Этони провёл рукой над стволом, не касаясь металла, словно ощущая исходящее от него тепло.

Унц уже вёл подсчёт с методичностью счётной машины.

— Предварительная опись по видимым позициям: двести сорок шесть штурмовых игольных винтовки КА-51, четыреста семьдесят два игольных укороченных карабина КА-51у, четырнадцать ручных игольных пулемётов Тип 270, две автоматизированные станковые игольные системы непосредственной обороны Страж-809, сто девятнадцать кирас разной степени защиты, сто восемьдесят четыре шлема, не менее двухсот сорока ящиков со снаряжёнными игольными кассетами. Не менее трёх и не более восьми миллионов неснаряжённых игл. Опись неполная. Часть тары закрыта, немаркирована и требует отдельной проверки и учёта.

Я помолчал, переваривая цифры. Слов в голове крутилось много, и почти все — восхищённо-нецензурные.

Тесак оказался не тем, кем я его считал. Он не просто занимался бандитизмом, беря дань с добычи руды и хватая заложников для развлечения. Он, судя по пустым местам на складе, что называется, торговал войной. Продавал старые, но надёжные стволы всем, кто мог за них заплатить. И я уве-

рен, что скорее всего это были не простые шахтёры, а банды вроде той, которая была у самого Тесака или местные кланы дикарей из Пустоши. То есть моя будущая головная боль.

Я перевёл взгляд на кирасы у дальней стены. Модели были разные — полные, с защитой груди, спины и живота, и облегчённые, с вырезами под старые системы крепления. На нескольких ещё читалась заводская маркировка, выбитая лазером в керамике: номер партии, размер, дата консервации, номер хранения.

Перед внутренним взором встали лица — Патэль, его измождённые шахтёры, подростки с Южного отвала, будущие охранники у железнодорожных путей и блокпостов. Я мысленно представил, как один из них впервые наденет такую кирасу и впервые почувствует себя не бесправным работягой, а настоящим бойцом.

Новоявленная уверенность быстро может обернуться дырой в чьей-то груди. Чтобы подобного избежать, потребуются организовать обучение, привить дисциплину, контролировать каждый шаг моих подчинённых и отвечать за каждого идиота, решившего, что игольник в руках автоматически делает его взрослым мужчиной. Но...

Приняв решение, я повернулся к Этони и коротко поделился с ним планами.

— Это будет ядро, из которого мы соберём губернаторскую гвардию.

Лейтенант помолчал, обдумывая мои слова. Потом мед-

ленно кивнул.

— Вы понимаете, что только что придумали себе ещё один повод для чиновников Гармонии начать истерически орать?

— Понимаю, — коротко ответил я.

— Тогда формулировку принимаю.

Нира в канале связи молчала подозрительно долго, хотя отлично слышала наш диалог и, уверен, уже обдумывала, каким документом прикрыть моё решение. Я уже собрался спросить, не умерла ли наша бумажная защитница от административного счастья, но она заговорила сама:

— Для протокола: обнаруженное вооружение времён Старой Империи подлежит немедленному изъятию как имущество незаконной вооружённой группировки, представляющее опасность в текущем месте хранения. До принятия решения о правовом режиме хранения любая выдача строго запрещена. После проведения экспертизы, проверки и официальной регистрации возможна передача части единиц под охранный контур временной губернаторской администрации.

— А можешь это же самое на человеческом языке? — попросил я. — Не для протокола.

— Не для протокола, — эхом откликнулась инспектор, — забрать можно и нужно. Но раздавать сразу нельзя ни в коем случае. Сначала нужен официальный приказ о решении принимать в гвардию не только искусственников, прибывших с

вами, но и местных. Ещё надо оборудовать склад, организовать учёт, создать программу обучения и назначить ответственного командира — всё, как вы сами и сказали. И, губернатор... Идея хорошая, но прошу вас серьёзно отнестись к процессу её реализации. Иначе я первая напишу рапорт о том, что вы создали вторую бандитскую группировку.

— Спасибо за откровенность, инспектор, — усмехнулся я.

— Не благодарите, — отрезала она.

Унц остановился у дальнего угла складского зала, где серая упаковочная ткань скрывала несколько крупных объектов неопределённой формы.

— Нужна отдельная проверка, — напомнил Этони, поравнявшись со мной. — Сначала дрон, потом люди.

Разведывательный дрон нырнул под край ткани и передал изображение снизу вверх. Я увидел гравитационный узел, потом второй, потом широкий металлический борт с заклёпками.

— Транспорт, — констатировал я.

— Подтверждаю, — влез Унц. — Две малые гравитационные машины и одна тяжёлая карьерная гравиплатформа. Все в неактивном состоянии. Энергетические ячейки в посадочных гнёздах отсутствуют.

Сервант подошёл к углу, снял плотную ткань и аккуратно сложил её в стороне. Под ней обнажились два гравибайка и массивная платформа.

Байки выглядели не новыми. Грубые, тяжёлые, с усиленными рамами из тёмного металла, без красивых декоративных обтекателей, зато с практичными креплениями под боковые грузовые кофры и старые оружейные стойки — настоящие рабочие лошадки для Пачук-9.

Платформа занимала почти весь угол. Низкая, широкая, с металлической грузовой чашей, четырьмя закрытыми гравитационными узлами и пультом оператора, вынесенным сбоку. Настоящая карьерная машина, а не персональные носилки или изящная тележка для толстого пассажира. На такую можно было грузить всё, что человеческими руками не поднять и не унести.

Рядом с техникой аккуратно стояли три металлических ящика с энергетическими ячейками.

— Вот на чём Тесак вывозил оружие, — проговорил я, чувствуя, как складывается полная картина.

— И вот на чём мы это вывезем отсюда, — практично отозвался Этони. — Если ячейки рабочие и не заминированы нашим другом Тесаком.

— Унц, проверь энергетические ячейки. Сервантом, дистанционно, с изолирующим экраном между нами и этим потенциальным взрывным устройством, — велел я.

Пока шла проверка — металлические щупы осторожно ощупывали корпуса ячеек, а сканеры просвечивали внутренности, — я подошёл к столу у правой стены. Простая старая рама из потемневшего металла, сверху лист керамопласта,

изрядно потёртый от долгого использования. На столешнице лежали раскрытые тетради, счётные пластины со стёртыми цифрами, несколько маленьких футляров неопределённого назначения, открытый деревянный ящик с образцами руды — от грязно-красной до почти чёрной, — обломки старых пломб с выцветшими знаками, две толстые пачки долговых расписок и грязная кружка с засохшей тёмной жижей на дне.

Я осторожно раскрыл верхнюю тетрадь, перевернул пару страниц — и пальцы сами сжали край потрёпанного переплёта до боли в суставах.

Внутри были имена и названия. Не все грамотно написанные, не все полные. Прозвища, названия общин, короткие пометки вроде «женщина с промывки», «старший у третьей ямы», «мальчишка хромой», «долг покойного отца». Рядом с каждым именем — суммы в разных валютах, доли от добычи, размеры штрафов, сроки выплат, отметки о разрешении на проход, о взятых заложниках, о поставках оружия в кредит под будущие услуги. Я перевернул ещё одну страницу и увидел знакомые слова: Южный отвал, Патэль, старый долг, новая доля в пользу Тесака, штраф за попытку отказа, семнадцать человек удерживается до погашения. Напротив имён заложников стояли короткие, деловые пометки: «жив», «ранен», «годен для работы», «для обмена», «показать родне».

Я заставил себя не рвать эту проклятую тетрадь в клочья прямо здесь и сейчас. Каждая запись была не просто строч-

кой в гроссбухе садиста — это были живые доказательства, способные пригвоздить к стенке любого, кто завтра заявит перед следователем, будто Тесак не бандит.

Я подозвал дроида-разведчика.

— Нира, ты это видишь? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да, — ответила она, и голос у неё стал тише.

— Полная бухгалтерия поборов, заложников и торговли оружием. Тут не только Южный отвал. Другие общины, разрешения на проходы, продажа воды, оружейные поставки. Настоящая торговая империя Тесака.

— Руками больше не трогайте ни одного листа, — резко приказала она. — Унц, требуется полное сканирование каждой страницы без перелистывания людьми. Сначала зафиксировать текущее положение всех документов, потом последовательность страниц, потом герметичная упаковка для транспортировки. Губернатор, немедленно отойдите от стола.

— Сейчас отойду...

Я послушно отступил на два шага, понимая всю серьёзность действий Ниры. Если у кого-нибудь появится хоть какой-то повод обвинить меня в фальсификации, то он обязательно заявит, что мы сами вписали половину обвинений, а любой мерзавец из центральной администрации Гармонии с радостью сделает вид, что верит в подделку.

Унц развернул над тетрадами сложную сканирующую

рамку с множеством линз.

— Начинаю полную фиксацию документов. Рекомендую присвоить материалам отдельный режим хранения с максимальной степенью защиты. Документы имеют исключительно высокую доказательную ценность.

— Они дороже всего найденного здесь оружия, — сказал я, наблюдая, как лучи сканера методично ползут по пожелтевшим страницам.

Этони бросил на меня быстрый взгляд.

— Оружие даст вам губернаторскую гвардию и силу для защиты.

— А эти записи дадут мне информацию обо всех, кого надо опасаться, чего и от кого ждать и кто завтра будет клятвоу врать следователям, что ничего не знал о деятельности Тесака.

Этони покачал головой.

— Ваша формулировка верная, губернатор. Только не испортите её необдуманными действиями, — поддержала меня инспектор.

— Постараюсь не испортить.

— Просто выполняйте требования протокола, чтоб не стараться.

Глава 15. Катакомбы Старой Империи

В дальнем углу послышался металлический щелчок — сработал диагностический модуль энергоячейки.

— Первая ячейка технически исправна и готова к работе. Вторая ячейка исправна и готова к работе. Третья ячейка содержит встроенный разрядный модуль неизвестного назначения. Не является взрывным устройством в прямом смысле. При установке в пульт управления могла вывести из строя систему навигации платформы или правый передний гравитационный узел, — получив информацию от собрата, отрапортовал Унц, не прерывая сканирования тетради на столе.

— То есть наш друг Тесак оставил нам маленький подарочек на память, — констатировал я.

— Подтверждаю. Подарок некачественный и примитивный.

— Даже обидно. Мог бы постараться для губернатора. Унц шутку, как обычно, не выкупил.

— Не рекомендую мотивировать противника на повышение качества оставляемых ловушек, — невозможно посоветовал он.

Этони подошёл к массивной платформе, обошёл её кругом, оценивая состояние корпуса.

— После дополнительной проверки пульта управления можно попробовать запустить...

— Сервант к пульта, — не стал терять времени я. — Унц, следи за показаниями энергосистемы и готовься к экстренному отключению.

Проверка заняла несколько томительных минут. Я стоял в стороне и мысленно просчитывал предстоящие транспортные рейсы — сколько ящиков с оружием можно безопасно увезти за один раз, сколько придётся оставить под охраной до следующего вывоза, сколько сервантов выставить караулить вход в схрон, сколько людей отрядить на сопровождение обратного пути. Отдельно прикидывал временные рамки — как быстро Тесак узнает о том, что его сокровищница вскрыта и разграблена, кто из местных или не очень мог бы увидеть нашу группу у тупика, кто из чиновников Гармонии захочет откусить свой кусок от губернаторского трофея и начнёт выдвигать нам претензии сразу, как получит отчёты о находке.

У всякой власти, а особенно у местной, есть скверная привычка — стоит только как следует разгрести одну серьёзную задачу, как она подкинет тебе три новых. А сама, разумеется, ни за что в ответе не будет.

Платформа поднялась в воздух не сразу. Сначала по ней прошла лёгкая дрожь от запуска и синхронизации гравитационных узлов. В первый момент тяжёлый корпус слегка просел правым боком, и я уже приготовился выслушать от

Унца подробную лекцию о недопустимости нахождения губернаторов рядом с непроверенной техникой. Но сервант у пульта быстро перезапустил систему стабилизации, и платформа выровнялась, зависнув над полом на высоте ладони.

— Всё в порядке? — уточнил я.

— Транспорт работает в ограниченном режиме, — ответил Унц с привычной для него педантичностью. — Превышение расчётной нагрузки категорически запрещено. Резкие развороты и манёвры запрещены. Длительная непрерывная работа без технического обслуживания запрещена. Использование в активной боевой обстановке крайне не рекомендуется.

— Понял. Короче говоря, штука работает.

— Ваша привычка упрощать технические предупреждения потенциально опасна, но должен признать, она действительно экономит рабочее время, — неожиданно выдал Унц.

— Экономит, — хмыкнул я, — до первого серьёзного отказа. Ладно, значит, грузим осторожно. Сначала самое важное — документы в защитной упаковке. Потом кассеты с боеприпасами, потом игольники в транспортных контейнерах, потом защитное снаряжение — кирасы и шлемы. Унц, рассчитай количество рейсов, которые мы сможем сделать прямо сегодня.

Гравибайки оказались в порядке, так что дальше работа пошла с армейской чёткостью. Унц аккуратно упаковал все тетради в специальный герметичный контейнер. Бойцы за-

нимались охраной, серванты грузили ящики на гравиплатформу — строго после того, как инспектор Нира Вейл присваивала каждому номер, а Унц его фиксировал в будущем отчёте. Кассеты с боеприпасами укладывали отдельно — все они поедут вторым рейсом, и к ним не будут догружать ни оружие, ни защитное снаряжение на случай детонации при тряске.

Унц скрупулёзно наносил выданные Нирой номера на ящики, а к ним добавлял краткую информацию о весе и состоянии пломб.

Гравиплатформа существенно сэкономила наше время, но вывезти всё содержимое склада за раз мы не могли. Даже четверть, и та была нам не по зубам.

Найденный схрон оказался настолько огромным, что наша первая гружёная платформа стала не символом триумфальной первой победы над местным бандитизмом, а униЗИТЕЛЬНЫМ доказательством собственной нищеты и неготовности. Придётся возвращаться завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. И с каждым днём опасность будет только возрастать.

А для того, чтоб всё забрать сразу, нам не хватало железнодорожного состава для быстрой перевозки и восстановленной рельсовой ветки. Ещё не было достаточного количества сервантов для осуществления погрузки — вызывать дополнительных из лагеря, ослабляя его охрану, я не рискнул. Не было достаточного количества бойцов для организации

охраны на месте.

Даже склада, который бы спокойно вместил такое количество оружия, тоже не было. И, самое главное, не было готовой гвардии, которой всё это богатство можно было бы немедленно выдать и поставить под ружьё.

Я вышел наружу глотнуть пыльного воздуха через плотный фильтр и встал возле старых железнодорожных рельсов, разглядывая их в мутном свете пачукского солнца. Стальные полосы уходили вдаль и пропадали за куском обвалившейся бетонной стены — погнутые временем и обстоятельствами, местами сорванные с креплений взрывами или покорёженные обыкновенной старостью. Рядом с путями лежал древний стрелочный привод, его корпус проржавел насквозь, а механизм заклинило ещё в прошлом десятилетии. Я присел, провёл рукой по ближайшему рельсу — металл был тёплый, нагретый за день под солнцем, пусть и слабо видимым среди вездесущей пыли.

Я стоял и понимал простую вещь — мне нужны эти рельсы. И нужен рабочий железнодорожный состав — хотя бы примитивная дрезина с двигателем. Иначе я просто физически не смогу вывезти весь склад за вмняемое время. Если не завтра, то послезавтра сюда точно явятся либо сам Тесак, либо ещё кто-нибудь из тех, кто привык брать власть силой.

В дальней перспективе всё тоже было просто. Если транспортная дорога останется неподконтрольной мне, то я не смогу быстро перемещаться между станцией, отвалом и ла-

герем, не смогу перевозить добытую руду. И, кстати, железная дорога помогла бы мне решить проблему с охраной пути для шахтёров, ведь возить их поездом проще, быстрее и безопаснее.

Сзади подошёл Этони, его шаги стучали по бетону с армейской чёткостью.

— Платформа загружена, и мы готовы к выходу. Два серванта останутся охранять вход. Откровенно маловато для серьёзной защиты.

— А сколько нужно для нормальной охраны такого объекта? — поинтересовался я, не отрывая взгляда от рельсов.

— Для нормальной, по-настоящему надёжной охраны — минимум десять сервантов, двое живых операторов и датчики движения на всех подходах.

Я обернулся к нему.

— А для ненормальной охраны, которую мы всё-таки можем со скрипом, но обеспечить?

Как ни странно, Этони понял мою формулировку моментально.

— Можно попытаться выделить четыре серванта максимум, одного бойца в качестве старшего смены и пару датчиков движения. И надеяться, что Тесак сейчас занят спасением собственной шкуры, а не планированием мести.

— Надежду в официальный протокол, конечно, не внесём.

— Инспектор Вейл такую формулировку точно не оценит,

— согласился лейтенант с едва заметной усмешкой.

— Инспектор Вейл вообще редко чему-то радуется в моих отчётах.

— Я всё слышу через открытый канал, — вклинилась Нира, но по её голосу было понятно, что она уже начала привыкать к моему чувству юмора. — Скажу так — решение по охране плохое, но альтернативы сейчас нет. Оформляю временное оцепление схрона как неотъемлемую часть спецоперации по изъятию имущества незаконной вооружённой группировки.

— Вот за такие формулировки вы мне и нравитесь, инспектор, — не удержался я от сомнительного вида комплимента, попытавшись совместить профессиональную и личную плоскость так, чтоб обе сработали, но ни одна не вызвала у резкой на язык Ниры возмущения.

Не сработало.

— Не портите рабочий момент личными интонациями, губернатор, — в своём обычном духе пресекла мои попытки инспектор.

Я усмехнулся, чувствуя, как напряжение последних часов начинает понемногу отпускать. В этот момент из глубины склада вышел Унц со своим неизменно спокойным докладом об очередной проблеме:

— В ходе окончательного осмотра обнаружена техническая створка за последним рядом упакованной тары. Ведёт вниз, визуально — к старому служебному коридору подзем-

ных коммуникаций. Связь через три метра проходки падает на сорок процентов от номинала. Зафиксированы следы недавнего прохода нескольких субъектов и перемещения тяжёлого груза.

Улыбку с моего лица сдуло как ветром.

— Тесак?

— Весьма вероятно. Окончательно подтвердить без дополнительной разведки невозможно.

Пришлось возвращаться в помещение склада. Створка пряталась за высокими стойками с защитными кирасами, почти у самого каменного завала. Она была низкой, усиленной металлическими накладками и с мощным засовом, спрятанным внутри. Но ничего, похожего на управление засовом, я не заметил — видимо, проход за створкой можно было запереть или отпереть только с пульта.

За проёмом вниз уходили бетонные ступени, а дальше, судя по записи дрона-разведчика, начинался узкий служебный коридор с прикреплёнными к стенам кабельными лотками, выцветшей аварийной разметкой и толстым слоем чёрной пыли по углам. На ступенях и середине коридора ясно виднелись свежие отпечатки обуви и глубокие царапины от тяжёлого ящика или металлической сумки.

Катакомбы Старой Империи — вот чем был на самом деле этот ход! Я читал про них после того, как получил назначение на Пачук-9. Но даже и не предполагал, что они могли уцелеть после всего, что довелось пережить этой планете.

Вероятно, хотя бы часть сохранилась после основательных орбитальных бомбардировок.

Я остановился у верхней ступени и всмотрелся в чёрную глубину коридора. Очень хотелось спуститься и узнать, что же там. К тому же, там, в холодной подземной темноте, мог скрываться Тесак. А его мне тоже очень хотелось выловить и отправить под суд. Или уничтожить при попытке ареста. Последнее даже лучше.

Адреналин бурлил в крови, любопытство будоражило разум, молодые мышцы требовали действий, и я, не отдавая себе отчёта, невольно сделал полшага к тёмной створке.

Этони мгновенно встал рядом, загораживая проход.

— Нет, — сказал он тихо, но категорично.

— Я просто подошёл ближе, — попробовал оправдаться я, потому что и сам знал, что Этони прав. — Хотел лучше рассмотреть следы.

— Рассмотрели. Достаточно, ваше превосходительство, — мягко, но непреклонно отрезал лейтенант.

Я поднял на него взгляд. Этони спокойно его выдержал и я со вздохом отступил обратно.

— Унц, — скомандовал я, поворачиваясь к дроиду. — Поставь камеру у створки. И направленный датчик движения на проход вглубь. Нира, для протокола — преследование противника не проводится из-за отсутствия карты катакомб, сильных помех связи, отсутствия сапёрной проверки маршрута и данных по возможным ловушкам. Приоритетная

задача — полное изъятие найденного имущества, надёжное оцепление схрона, подготовка к отдельной операции по прочёсыванию катакомб.

— Формулировка принята без замечаний, — деловито отозвалась инспектор. — Добавляю от себя — решение о непроведении немедленного преследования принято командованием для сохранения личного состава и предотвращения потери уже обнаруженных вещественных доказательств.

Я ещё раз посмотрел вниз. Подземная темнота терпеливо ждала очередную жертву. Но я ею становиться как-то не желал.

— Закрываем проход!

Сервант, оставшийся неподвижным до команды, приблизился и установил временный электронный блокиратор на металлическую створку. Конечно, не штатный засов, но сойдёт за неимением лучшего. Унц закрепил датчик движения на отдельном изолированном проводе, вывел сигнал тревоги на наш общий канал и аккуратно пометил найденную точку в схеме объекта. Затем поставил напротив створки камеру, и подключил её вместе с датчиком к автономному источнику питания. Мы вернулись к главному проходу, где тяжёлая платформа уже стояла у выхода, аккуратно гружённая ящиками с оружием. Я смотрел на готовый к отправке груз и понимал с неприятной ясностью — это только начало нового, огромного и не факт, что подъёмного для меня дела. Которое мне придётся выполнить, если я не хочу окончить

свой путь так же, как и мои двенадцать предшественников.

Не успел я поддаться унынию, как перед внутренним взором медленно выстроилась знакомая строчка сухого системного сообщения.

ПАЧУК-9. ПЛАНЕТАРНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. СЕРИЙНЫЙ НОМЕР ПУ-ИИ-9-117-А. АВАРИЙНАЯ ПРОВЕРКА ПРАВ

Субъект доступа: Рэн Лисов. Временный губернатор Имперской Колониальной Администрации. Статус гражданских прав: ограниченный. Служебный мандат: действующий.

Факт воздействия: обнаружен и вскрыт схрон незаконной вооружённой группировки под управлением субъекта «Тесак». Подтверждено наличие вооружения и снаряжения времён Старой Империи. Подтверждено наличие двух малых гравитационных машин, одной тяжёлой карьерной гравиплатформы и энергетических ячеек к ним. Подтверждено наличие документальных свидетельств незаконной деятельности лубасири по прозвищу Тесак: бандитизм, убийства, каннибализм, терроризм, вероятно — также торговля оружием.

Проверка текущего состояния: имущество изъято только частично. Лидер преступной группы не задержан. Основной путь отхода противника проходит через катакомбы Старой Империи и не контролируется силами администра-

ции. Схрон не исследован полностью. Транспортная линия к объекту не восстановлена. Рельсовая ветка технически неисправна. Постоянная охрана периметра не развёрнута. Риск организованного ответного удара оценивается как высокий.

Заключение: право силового воздействия подтверждено частично. Право устойчивого долгосрочного управления не подтверждено.

Условие следующей проверки: доставить изъятые имущество в основной лагерь. Провести регистрацию вооружения и защитного снаряжения. Назначить персонально ответственных за хранение, техническое обслуживание и контролируруемую выдачу. Обеспечить круглосуточную охрану схрона. Подготовить план восстановления рельсовой ветки и грузового железнодорожного состава. Исключить возможность повторного доступа группировки Тесака к объекту.

Пуй, похоже, опять остался мной недоволен. Считает, что я, хоть и нашёл гору оружия, гравиплатформу и два байка, всё равно пока не достоин его доверия, поскольку всё ещё ничего толком не контролирую. Неприятненько. Но, что хуже всего, он прав. Я действительно пока не мог контролировать ничего, кроме собственного лагеря.

Пока я предавался рефлексии, бойцы из взвода Этони вывели платформу из прохода между контейнерами — пора было возвращаться в лагерь.

Я обернулся. Не хотелось оставлять так плохо защищён-

ный склад, где оружия, пусть древнего, но исправного с виду, хватило бы на небольшую войну. Но ничего другого я сделать пока не мог.

— Выдвигаемся, — приказал я. — Байки крепите на середину гравиплатформы. Серванты впереди и замыкают. Бойцы по флангам, Унц, запускай разведчика.

Маленький дроид тут же поднялся над нашими головами, пролетел порядка десяти метров, остановился и принялся транслировать картинку. Визуально всё было чисто.

Мы двинулись в путь. Проблема с одним из гравиузлов, вроде бы решённая ещё при первом запуске, всё-таки вылезла снова, и гравиплатформа время от времени чуть кренилась. Но буквально через секунду выравнивалась, возвращаясь к штатному режиму работы. Так было несколько раз, и Унц не упустил ни одной возможности прокомментировать риск отказа плохо проверенной техники, пока я не разозлился и не приказал ему до вечера проговаривать вслух только критические предупреждения.

Через десяток шагов Унц сообщил, что считает мою терпимость к некритическим предупреждениям недостаточной. После третьего такого замечания уже Этони велел ему молчать до самого лагеря.

Настроение у меня испортилось. Захотелось просто сесть и ничего не делать. Плюнуть на арсенал, на добычу, на лагерь, на свой губернаторский мандат и даже на неожиданно появившееся, а от того более ценное доверие Ниры и Этони.

Я знал, что это просто усталость. Поэтому, чтоб взбодриться, вывел на экран дополненной реальности счётчик, который настроил в день своего прибытия на Пачук.

До казни осталось: 21 месяц 3 дня.

Желание поднять производство на этой захолустной планете как-то сразу усилилось. И всю оставшуюся дорогу я смотрел на старые, изъеденные ржавчиной рельсы.

Без этих рельсов весь мой сегодняшний груз был лишь удачным трофеем, не более. И только с восстановленными рельсами и едущим по ним составом он мог стать началом моей реальной власти здесь.

Глава 16. Печь

Первую индукционную печь мы собрали около Сухого Карьера. Выбрали старую керамобетонную площадку возле покосившихся шахтёрских навесов, где ветер гонял обрывки изоляции. До катастрофы, когда корпоративные логистические схемы еще работали, сюда сходились пути от всех южных выработок. Теперь часть рельсов ушла под землю, часть вывернуло из грунта тектоническими толчками, и теперь они торчали наружу чёрными обломками, напоминающими рёбра. Но сама площадка — массивная плита, способная выдержать архаичную плавильную печь, вполне годилась для дела.

Мы убили сутки только на то, чтобы подготовить поверхность. Я дважды прогонял сервантов с ультразвуковыми датчиками по периметру — под толщей керамобетона могли скрываться каверны.

С самой печью вышло веселее. Во-первых, мне пришлось договориться с шахтёрами Сухого Карьера о том, чтоб войти на территорию, которую они давно считали своей — именно там находился старый, разбомблённый ещё в незапамятные времена плавильный завод. Саму печь тащили оттуда частями на грузовых платформах, и для того, чтобы добыть их и собрать всего одну рабочую плавильню, нам пришлось где разобрать, а где и просто взорвать несколько никуда не годных экземпляров, чтобы добраться до нужных частей.

Примерно полдня у нас ушло на монтаж. Массивный главный цилиндр ставили, ловили баланс, крепили к посадочным точкам и намертво стыковали с временным энергоблоком. Техники глухо ругались в фильтры, били тяжелым инструментом по неподатливым пазам, после чего выравнивали горизонт и снова ругались. Плавильная печь, чьи детали пролежали в пыли десятилетия, без грубой физической силы работать упрямо отказывалась. Но вот проблема — ей была нужна ещё и точная калибровка, которую эта грубая сила каждый раз нарушала, и приходилось всё время лавировать между этими двумя требованиями.

Я стоял на границе температурной зоны, где сухой жар от прогревающейся печи сталкивался с прохладным дыханием из каньона, и внимательно наблюдал за шахтёрами. И мне категорически не нравилось то, что я вижу.

Работали они без энтузиазма. И без веры. Уже даже не си-не, а серолицые из-за вьевшейся в кожу вездесущей пыли, изможденные мужики надсадно кашляли, спорили с техниками из-за стертой маркировки кабелей, обжигали ладони даже сквозь термоперчатки о моментально раскаляющиеся кожухи охладителей. Но при каждом резком звуке оглядывались на вооруженных сервантов, стоявших по периметру.

Они не верили мне. До них еще не дошло, что вооружённые дроиды здесь ради их безопасности, а не для устрашения. И вбить эту мысль в их изломанные Тесаком и его предшественниками головы оказалось гораздо сложнее, чем за-

гнать двухметровый болт в старый керамобетон.

И это несмотря на то, что от рук Тесака они страдали не так часто, как шахтёры из Южного Отвала.

Мирх, старший шахтёров Сухого Карьера — ещё одной местной шахтёрской общины, — стоял у приёмного рукава и смотрел на наших техников так, будто заранее знал, что те где-нибудь накосячат и испортят всю партию руды.

Мне пришлось немало постараться, чтобы уговорить Мирха пустить меня и сервантов на разрушенный завод. А узнав, для чего мне это, Мирх и вовсе потребовал, чтобы печь, которую я поставлю, стала обслуживать не только Южный Отвал, но и Сухой Карьер. Я, честно говоря, был от требования не в восторге, но варианта отказаться всё равно не было. Унц, просчитав все варианты, предложил после испытаний печи провести с общиной Сухого Карьера переговоры о том, чтоб они стали работать на меня. Этони поддержал ординарца, сходу развеяв мои сомнения в том, где взять сервантов на прикрытия ещё одной общины:

— Они о защите не просили, — сухо напомнил лейтенант. — А вы, ваше превосходительство, её и не предлагайте. Достаточно уже того, что вы уничтожили банду Тесака. Сухой Карьер и так находится немного в стороне от старой дороги, и они мало страдали от Тесака.

Нира добавила доводов о повышении производства малыми затратами и об отчётах, которые станут выглядеть гораздо перспективнее. Что, в свою очередь, напрямую влияет на

длительность моей жизни.

Послушав их, я принял решение и согласился, что тест будем проводить на руде из Сухого Карьера. В итоге примерно за семь дней печь была собрана, и наступил день испытаний. Однако ни о каком доверии ко мне пока говорить было нельзя. Мирх был тем ещё пройдохой, намного более уверенным в себе, чем забитый жизнью и нападениями Тесака Патэль. Он своё место серва знал. Но на колени падать хоть и умел, но не спешил. И, предлагая тестировать печь на его руде, очень настойчиво обходил стороной мои осторожные попытки выяснить, а что, собственно, с этой рудой будет дальше.

Я, понятное дело, надеялся наложить на неё лапу — ещё бы, первая партия не просто сырца, а руды, из которой выплавлен весь мусор. Мирх, не сомневаюсь, рассчитывал на то же самое, но только в свою пользу. У него уже были покупатели на его товар. Мне же только предстояло переманить его и общину Сухого Карьера на свою сторону. Или хотя бы договориться с ними о вменяемом использовании печи для всеобщего блага.

Патэль Седьможил тоже не смог остаться в стороне от событий. Часть руды, добываемой в Южном Отвале, тоже требовала плавки, а не дробилки. Теперь старший взятой мной под охрану общины стоял по левую руку от меня и заметно нервничал. Грязная, наспех наложенная повязка стягивала его пробитое запястье. Из кармана его затёртой куртки вы-

глядывал планшет с мастер-кодами регистрации. Время от времени он нервным, дерганным движением касался кармана, проверяя, не потерял ли доверенное ему устройство. Делал при этом вид, что просто поправляет куртку, но его истинные мотивы читались без труда.

Патэлю была непривычна его новая роль. Мало того, что он внезапно оказался старшим своей общины. Так ещё и в понятии «старший» после моего появления оказалось множество новых граней. Как минимум, он точно не ожидал, что я стану интересоваться ещё и его мнением.

— Если потеряешь планшет, Нира выдаст новый, — не поворачивая головы, сказал я в попытке помочь Патэлю обрести хоть немного уверенности в его новой должности. — Он, конечно, ценная вещь, но не настолько.

Но моё замечание прозвучало слишком сухо.

— Я не потеряю, ваше превосходительство... — Патэль замер.

— Охотно верю. Но планшет — это просто вещь. Твоя новая власть, она здесь, — попробовал объяснить я, постучав себя пальцем по виску, — а не в нём. Так что расслабься.

Он медленно убрал ладонь от планшета и перевел взгляд на раскаляющееся жерло печи.

— Если мы сейчас не обговорим доли хотя бы примерно, то шахтёры Мирха решат, что их в очередной раз поимели, — голос Ниры, неожиданно подошедшей со спины, прозвучал так тихо, чтоб услышать её смог только я. — Что добы-

тую ими руду заберут за вашу питьевую воду. Тогда вы уже вряд ли сможете им доказать, что отличаетесь от Тесака и ему подобных.

В своей неизменной тёмной форме, выгодно подчёркивавшей все формы, и с бессменной шпагой выглядела Нира, как всегда, прекрасно. Инспектор говорила отстраненно, но взгляд её тёмных глаз был прикован не к цифрам на экране коммуникатора, а к Патэлю и Мирху.

— Вы, инспектор, всегда умеете найти нужные слова для радостного момента, — бросил я.

— Я не пытаюсь вас радовать, ваше превосходительство, а превентивно устраняю причину для резни, — Нира шагнула вперед и встала рядом, едва не коснувшись меня плечом. — И препятствия для ваших планов.

Я вздохнул.

— Я много раз пытался обсудить с Мирхом условия. Но он постоянно отмахивается и говорит «потом». Мне уже начинает казаться, что он делает это специально.

— Вероятность, что вы правы, составляет девяносто один процент, — вмешался в разговор Унц. — Анализ поведения старшего общины Сухой Карьер подтверждает, что он, как иногда говорят, набивал себе цену. При этом он не хочет называть её первым, намереваясь торговаться в зависимости от того, что вы предложите. Уверен, скоро он начнёт этот разговор.

Анализ Унца оказался пророческим.

Мирх, словно услышав наш разговор, обернулся и с секундной задержкой двинулся к нам. Подойдя, посмотрел на Ниру мрачным, прищуренным, внимательным взглядом — присутствие инспектора и то, что я её не боялся, ему не нравилось. Некоторое время Мирх молчал, словно пытался придумать, как спровадить Ниру подальше. Но потом понял, что ничего не выйдет.

— Твоя печь работает, губернатор, — прокашлявшись, начал он. — Руда переплавлена. Но принесли её мы. Пора подумать, как будем дальше сосуществовать.

— Унц? — позвал я.

— Есть три разумных варианта распределения ресурсов, — синтезированный голос разрезал гул печи, доносящийся с площадки.

— Только давай без того, где все берутся за руки и счастливо поют, — я стряхнул осевшую за минуту серую пыль с рукава куртки. — Я в такие сказки не верю.

Мирх посмотрел на меня, как на ненормального. Нира, уже привыкшая ко мне, даже бровью не повела. Унц, как обычно, попытку юмора не распознал.

— Такого варианта в моей базе нет. Эмпирическая вероятность всеобщего счастья на Пачук-9 равна статистической погрешности.

— Уже похоже на правду, — вздохнул непонятый почти всеми я. — Ладно, давай по делу.

— Первый вариант: вся продукция первой плавки в сто-

процентном объеме поступает в губернаторский производственный резерв. Сухой Карьер получают так называемый зачет по массе внесенной руды, который будет компенсирован в будущих поставках оборудования или пайков. Возможно и более длительное взаимодействие на этой основе.

Мирх глухо фыркнул, сплюнув серо-коричневую от пыли слюну под ноги.

— Тогда я своим мужикам так и скажу, что нас просто снова поймали. Только раньше до нас был охоч Тесак со своими бандюками, а теперь нас нагибает в интересную позу губернатор, — процедил старший Южного отвала.

Я не стал дожидаться, пока он договорит.

— Унц, какой второй вариант?

— Второй вариант, — бесстрастно продолжил дроид. — Продукция делится строго пропорционально массе внесенной руды. Из общей произведенной массы в натуральном выражении удерживается фиксированная плата за использование печи, амортизацию оборудования, работу охраны, затраченную энергию и услуги ремонтной бригады.

Нира, стоявшая у пульта, едва заметно кивнула.

— Технически безупречно, — констатировала она. — Но политически это самоубийство. Люди из забоя не понимают сложную математику амортизации. Они услышат ровно одно слово — «удерживается». Для них это синоним грабежа, даже если удержание будет хоть трижды обосновано законами экономики и логистики.

— У нас тут, инспектор, все слова опасные, — Мирх вытер грязное лицо тыльной стороной огромной, мозолистой ладони и пошёл в наступление, видимо, решив, что удачный момент настал. — Мы простые шахтёры, вашим этим экономикам не обучены. Мы знаем простой подход — кто сколько заработал, тот столько и получил. Понятно, что печь ваша, ремонтники у неё ваши, генератор и охрана — тоже ваши. И вы за это плату захотите. Только плата разумная должна быть. Чтоб, значит, и мы не в обиде были, и чтоб губернатор свою часть платы тоже вносил, раз печью ещё и он, и южно-отвалыцы пользоваться будут. Они, я слыхал, у губернатора под защитой, значит, за них тоже он должен платить.

— Производственная группа Южного отвала зарегистрирована в подчинении временной губернаторской администрации, — ледяным тоном отчеканила Нира. — То есть, фактически не является самостоятельно действующей общиной. Так с чего бы вдруг губернатор должен платить за использование печи вдвойне?

— Замечание справедливое, — бесстрастно подтвердил Унц. — Присутствующий здесь Патэль Седьможил назначен старшим производственной общины.

— Если губернатор хочет пользоваться, а с нас брать плату за всех, то ему стоит ждать заточку в почку глухой ночью, — Мирх действительно был простым шахтёром и ничего ни в словах Ниры, ни в скрытой за ними провокации не понял. — Не от меня, я-то потерплю. От кого-нибудь помоложе, у

кого желудок пустой, а дури в башке дополна.

А вот Нира была к его ошибке готова.

— Унц, зафиксируй — получена угроза от старшего производственной группы Сухого Карьера Мирха. Производственная группа находится в состоянии переговоров с аварийным губернатором о порядке пользования плавильной печью, охрана и обслуживание которой полностью обеспечены губернатором Рэном Лисовым. Предполагаю, что старший Мирх пытается таким образом надавить на представителя администрации Пачук-9 для получения выгодных для себя условий пользования печью в ущерб тем же условиям для производственной группировки, находящейся в прямом подчинении администрации губернатора. Незадолго до этого старшим Мирхом было отвергнуто предложение губернатора о передаче выплавленной рубы в пользу администрации губернатора с получением компенсации по тарифу.

Я быстро потерялся в длинном монологе Ниры, выданном максимально бюрократическим языком. Зато Мирх, похоже, начал что-то понимать.

А заключение, которое с самым что ни на есть серьёзным видом выдала инспектор, просто повергло его в шок.

— Поскольку единственным официальным получателем руды на Пачук-9 может являться только администрация, то иных законных её приобретателей у общины Сухого Карьера быть не может. В связи с этими двумя фактами считаю нужным начать расследование о незаконной продаже ресурсов

Пачук-9 неуполномоченным лицам. То есть, о контрабанде.

Я чуть не задохнулся от восхищения тем, как ловко инспектор вырулила ситуацию в нашу пользу. Мирх совсем посерел и в панике переводил взгляд с меня на Ниру и обратно.

Инспектор осталась бесстрашна, как Унц. Но я в этот момент почувствовал, как острый каблук её сапога с силой надавил мне на ногу. Плохой полицейский сделал свой ход. Пора было вступить в дело хорошему.

— Подождите, инспектор, — я сделал шаг вперед, встав между ними. — Понимаю, тут многие слегка отступают от буквы закона, но... Нам же надо наладить производство, а не наказывать шахтёров за то, что они пытаются выжить, торгуя рудой за нашими спинами. Давайте попробуем договориться. Я предлагаю такое решение. Первая партия руды просто делится на две части. Половину заберёт Мирх и его община, половину мы. В дальнейшем мы установим режим работы печи так, чтобы и южноотвальцы, и сухокарьерцы использовали её одинаковое количество времени. Смены распределим отдельно. Вся переплавленная руда южноотвальцев будет поступать в доход администрации губернатора. Руда сухокарьерцев станет делиться на три части. Одна останется в общине, вторая будет доходом администрации, а третья поступит в общий, неприкасаемый ремонтный фонд для поддержания работоспособности печи. Никаких налогов, удержаний и компенсаций, всё деление происходит строго по массе. Первая и вторая доля будут одинаковыми, третью по

характеристикам печи рассчитает Унц.

Мирх вскинул голову. Он всё ещё надеялся выбить для себя условия получше, хотя действовал уже не с таким напором.

— А как же наше снаряжение? У него тоже есть эта... как её... амортизация, во. Это получается, мы для вас руду будем добывать, а снаряжение своё ломать? Нам вот срочно нужны защитные стальные полосы на главный сортировочный канал! Еще три полноценные рабочие смены, и старая клепка разойдется по швам.

Патэль Седьможил тоже не остался в стороне, и в его глазах впервые мелькнул расчет вместо животного страха.

— А нам... Нам нужны стальные листы на крепления для старого подъемника. Если мы его не поднимем из шахты до конца цикла, руду снова придется таскать на горбу и битыми лебедками. А шахтёры после Тесака на ногах не стоят и кровью харкают.

— А нам... — попытался поспорить Мирх, подаваясь вперед и сжимая пудовые кулаки.

— Ремонтный фонд будет создан в том числе и для этого, — ледяным тоном оборвала их Нира, не давая распалить конфликт. — Вы можете орать друг на друга хоть до хрипоты, а можете научиться составлять заявки, которые будут исполняться исключительно по списку очередности. Чтобы вы без проволочек получали истребованное, заявки будет принимать дроид-ординарец Унц.

Мирх замолчал, сообразив, наконец, что инспектор его зажала. Он смерил Ниру тяжелым взглядом, а затем медленно перевел глаза на Унца.

— Железка будет решать, чей ремонт важнее? — ехидно прищурившись, спросил Мирх, сразу давая понять что по этому поводу думает.

— Именно так, — отрезал Унц механическим голосом. — Я не имею личных связей ни с одним из местных кланов, не состою в родстве ни с работниками Сухого Карьера, ни с работниками Южного Отвала, не получаю долю от прибыли, не испытываю потребности доказывать своё старшинство истеричными криками перед аудиторией и способен оперировать при принятии решений фактическими данными.

Мирх насупился и замолк на несколько долгих секунд.

— Ладно, — произнёс он наконец с явной неохотой. — Пусть железяка считает, кому важнее. Но если она ошибётся в расстановке приоритетов, спорить буду напрямую с тобой, губернатор Лисов.

— Спорить ты будешь с реальными цифрами пропускной способности и с мастерами участков, — уточнил я, усмехнувшись. — Со мной можно будет поспорить тоже, но стоять в очереди придётся дольше, чем обычно.

— Очереди я не люблю, — буркнул Мирх, но уже без прежней злости.

— Тогда постарайся не ломать сортировочный канал раньше, чем мы отремонтируем подъёмник у Патэля в шах-

те, — посоветовал я.

Патэль впервые за всё время спора едва заметно выдохнул. Ему моё предложение Мирху не понравилось. Самому Мирху — тоже. Но зато он, наконец, увидел в нём не откровенный грабёж за счёт передела собственности, а работающие правила игры. Пусть местами не совсем справедливые. Но хотя бы по-настоящему рабочие и внятные.

Глава 17. Первый слиток

Печь издала низкий предупреждающий гул, с металлическим звуком открылся затвор, и из канала потекла густая, светящаяся масса раскалённого металла.

Она тяжело продавливалась себя наружу, дрожала от неравномерного нагрева, сыпала во все стороны мелкими искрами, цеплялась за край наклонного жёлоба и медленно сползала в приёмную форму, где уже работала система принудительного водяного охлаждения.

Мы стояли достаточно далеко, но жар от расплавленного металла всё равно ударил по нам с такой силой, что кожа даже под термостойким комбинезоном стала влажной от выступившего пота. Патэль машинально отступил на шаг назад, Нира быстро отвернулась, прижав планшет к животу и прикрыв его собой. Мирх остался стоять на месте, но машинально схватился за ремень так, будто пытался удержать себя от невольного шага.

Первый отлитый слиток начал медленно остывать в форме.

Он получился грубым. С неровной поверхностью, с видимыми примесями посторонних материалов, которые Унц сразу отметил в своём аналитическом отчёте. Любая развитая планета отправила бы такой металл в брак без дополнительных проверок и забыла бы о нём уже через минуту.

Для нас же, в условиях дикой местности Пачук-9, это была пласталь, вполне годная на изготовление крепёжных элементов, защитных листов, рам, ремонта барачных построек, восстановления сортировочного канала, починки подъёмника, изготовления запасных ворот и ещё тысячи и одной технической фиговины, которые не должны были развалиться от первого же сильного удара.

Первый слиток встретили не аплодисментами и радостными криками, а молчанием. Шахтёры Пачук-9 слишком привыкли выживать и с настороженностью относились ко всему, что могло изменить их жизнь — потому что не знали, в какую сторону будут эти изменения.

И только Патэль, уже успевший увидеть, что нынешняя администрация губернатора слов на ветер не бросает, смотрел на остывающую форму так, будто перед ним медленно застывал не металл, а самое настоящее доказательство того, что его шахтёрскую общину, наконец, вытащили из многолетнего тупика. Мирх, слегка наклонившись вперёд, уже оценивал полученный слиток.

Нира была в этот момент единственной, кто смотрел не на сам остывающий слиток, а на реакции окружающих сервов.

Она внимательно наблюдала за реакциями людей.

Мирх первым нарушил затянувшуюся тишину. Он терпеливо дождался, пока слиток остынет, подошёл к печи, ещё раз, уже вблизи, внимательно осмотрел полученный слиток и коротко сказал:

— По плотности — приемлемо...

Уверен, он и сам видел переплавленную руду впервые в своей жизни. Но вид знатока у него вышел отлично.

Патэль вдруг рассмеялся. За ним с запозданием засмеялся кто-то из присутствовавших на первой плавке шахтёров Сухого Карьера. Третий подхватил общую волну. Смех быстро оборвался, потому что у смертельно уставших людей даже тихая радость требовала слишком больших душевных сил. Но он сделал для дела больше, чем все мои длинные речи за всё время. В нём не было открытого счастья — здесь оно прозвучало бы слишком фальшиво. В нём было простое облегчение рабочего, который, наконец, увидел самый настоящий результат своего труда.

Я стоял рядом, молча, и просто смотрел на людей. И вдруг один из шахтёров Мирха, худой до прозрачности, спросил с какой-то детской непосредственностью и надеждой:

— Теперь у всех будет еда, да?

Остальные сразу перестали улыбаться.

Вот за такие честные, прямые вопросы я и ненавидел здешнюю жизнь всей душой.

— Нет, — сказал я просто и без ухищрений. — Еда не будет сразу у всех. И не будет просто так. С неба она не свалится.

Как ни странно, мой ответ не вызвал возмущения. Шахтёр, спросивший про еду, кивнул с пониманием. От этого мне стало ещё хуже, но я продолжил:

— Зато теперь у нас есть самый настоящий металл, — продолжил я спокойно. — Который мы сможем обменять на инструменты, с помощью которых добудем ещё руды и переплавим в новую партию металла. А если мы сумеем починить железную дорогу, то сможем создать эффективную логистику. Вот тогда — не сразу, со временем, — у нас действительно станет заметно больше еды, и её начнёт хватать всем. Но это будет не волшебное чудо, а результат нашей с вами совместной ежедневной и, главное, честной работы. Если мы не позволим кому-то другому просто взять и украсть результат нашего труда. И не станем продавать его за бесценок тем, кто уже привык скупать чужой неоплаченный труд по цене глотка воды.

Последнее предложение я произнёс специально для Мирха. Который совершенно неожиданно тихо и одобрительно крякнул.

Конечно, я всё упростил. Полный перечень необходимых действий между первым слитком и едой в достатке был слишком длинным, и вряд ли шахтёры поняли бы хотя бы половину из него. Но, благо, моего короткого вывода им хватило.

Нира медленно опустила взгляд вниз к своему планшету, но я успел заметить на её лице короткую, едва читаемую улыбку — сердитую, но и довольную одновременно. Как у того, кто вовсе не собирается признавать, что услышанный им ответ вдруг пришёлся ему по душе.

— Первичный анализ подтверждает полное соответствие полученного металла минимальному промышленному стандарту пластами низкого класса, — никак не прочувствовав важность момента, выдал свой вердикт Унц. — Рекомендую не подходить к слитку слишком близко до полного окончания процесса кристаллизации и охлаждения.

Когда слиток остыл, в плавку отправилась следующая часть руды. Слиток из неё был встречен уже спокойнее. А третий шахтёры вынули из лотка уже почти привычно.

До ночи первая печь Сухого Карьера выдала целую партию нормального промышленного металла, которую измученные шахтёры перетаскивали к приёмной площадке. Они составили слитки в ряд и теперь спорили о точном весе каждого, переглядывались между собой со скупой радостью, и не спешили расходиться, хотя их смена уже давно должна была закончиться.

Я не стал их гнать. Пусть смотрят на плоды своего труда и запомнят день, когда у двух общин, решившихся поверить губернатору, появилась новая надежда.

Да, порядок начинается именно там, где придавленный тяжёлой жизнью шахтёр своими глазами видит, как добытая им руда впервые превратилась в слиток металла с понятной и принятой всеми отметкой качества. И где шахтёр знает, что вся его руда после переплавки будет поделена по справедливости. Вот и вся идеология. Другая на Пачук-9, как я понял, никогда не работала и не будет.

День оставил после себя усталость пополам с радостью. Впервые с момента прибытия сюда я смог сказать себе, что мы, наконец-то, молодцы. Наша кустарная домна вышла на рабочий режим, и мы даже успели уже по-деловому, без попыток перетянуть одеяло на себя, обсудить с Мирхом и Пат-элем расписание дальнейших плавов.

Однако Унц не дал мне долго наслаждаться этим тихим, заслуженным спокойствием.

— Губернатор, требуется оценить запас сырья и энергии с учётом подтверждённой работоспособности печи. Останавливать процесс не рекомендуется.

Я вздохнул и закатил глаза.

— Унц, дай мне хотя бы на пять минут почувствовать себя победителем.

— Статистически победитель без расчёта запасов быстро становится покойником, губернатор, — не внял просьбе дроид.

Я ещё раз вздохнул, уже громче и печальнее.

— Иногда мне кажется, что тебя проектировал инженер, которого в детстве недостаточно любили, и он решил всем отомстить за свою детскую травму.

— Биографические данные проектировщика недоступны в моей базе, — Унц был, как всегда, на своей волне.

— Жаль. Я бы отправил ему жалобу. Развёрнутую, с приложениями и выражениями. И ещё попросил бы инспектора Вейл помочь в её составлении. Чтобы уж наверняка.

Нира не стала вмешиваться в спор. Лицо инспектора было осунувшимся от усталости, но она уже открыла планшет, а пальцы её привычно скользнули по экрану, вызывая таблицы потребления.

— И сколько руды осталось в накопителях обеих общин?
— спросила она, не поднимая головы.

Унц вывел на общий голографический экран развёрнутую таблицу. Я посмотрел на них и почувствовал, как ощущение победы тает, будто лёд на солнцепёке.

— При текущем режиме работы печь переработает весь подтверждённый запас Южного отвала за девять стандартных дней. Запас Сухого Карьера — за четырнадцать дней. После планового монтажа второго плавильного блока общий запас сырья при полной загрузке закончится за шесть дней.

— Мы находимся на планете, почти целиком состоящей из руды, которую просто надо добыть.

Унц щёлкнул вокабулятором.

— Важное уточнение: на планете с критически изношенной промышленной инфраструктурой. Подъёмники повреждены, большая часть техники находится в неработоспособном состоянии. Из-за низкого уровня механизации разработка производится шахтёрами вручную и имеет крайне низкую эффективность.

Техническая реальность быстро выбила дурь из моей головы. Можно сколько угодно мечтать, можно произносить красивые слова про подъём планеты и будущие регулярные

поставки. Но руда добывалась медленнее, чем было нужно для непрерывной работы даже одной печи. Гонять её вхолостую было слишком накладно — энергоемкости разряжались с каждым оборотом индукционной катушки и, к сожалению, не заряжались ни от моего воодушевления, ни, тем более, от моего сарказма.

Жаль. С моей текущей выработкой чёрного юмора можно было бы питать весь лагерь до конца сезона бурь.

— С энергоемкостями что? — я заставил себя спросить, хотя уже догадывался, что ответ мне не понравится.

— При полной загрузке двух плавильных блоков и отказе от всех прочих расходов — связи, освещения, охранной системы — текущий запас энергии даст двадцать один день непрерывной работы.

— А если без отказа?

— Двенадцать дней при текущем потреблении. Плюс-минус полтора дня в зависимости от погодных аномалий.

— Великолепно. Просто блестяще. Мы построили печь, которой через две недели станет нечего плавить, и кормим её запасом энергии, который закончится ещё раньше. Колониальная Администрация уже может готовить итоговую формулировку для моего личного дела — проявил несанкционированную инициативу, после чего предсказуемо умер от собственной глупости.

— Казнь за провал плановых поставок обычно не сопровождается такой формулировкой. Стандартный прото-

кол предусматривает более лаконичные определения, — поправил меня сервант.

— Унц... — вздохнул я.

— Да?

— Иногда молчание выглядит умнее точности. Это дружеский совет.

— Приму к сведению. Не обещаю применять. Моя архитектура оптимизирована под информирование, а не под комфорт собеседника.

Патэль стоял рядом, и на его лице выражения сменялись как слайды плохой презентации. Сначала надежда, потом попытка подсчёта, тревога...

— Мы можем добывать больше, — наконец, сказал он, и в голосе его прозвучало упрямство. — Если починить старый подъёмник и вернуть вторую смену, объём вырастет вдвое. Мы готовы работать. Нужен только инструмент.

Мирх не дал ему договорить:

— Подъёмник без работающей сортировки даст тебе гору необработанного сырья. Куда ты её денешь?

Патэль повернулся к нему, и я увидел, как напряглись мышцы на его худой шее.

— Шахтёры Южного отвала три года таскали руду на собственных спинах и отдавали бандитам, пока Сухой Карьер спокойно сдавал сырьё Ржавому Рубежу и получал хоть что-то. Теперь мы тоже хотим работать как лубасири, а не как скот. Пусть не сегодня, пусть для этого придётся подна-

прячясь — мы готовы.

— Хотеть можно много чего, — Мирх скрестил толстые руки на груди.

Они спорили, но уже не как жертвы, а как крепкие хозяйственники. Я пока не мог дать им всё, что нужно, чтоб облегчить саму выработку. Но они уже успели продумать, как будут организовывать дальнейшую работу, и как можно повысить её эффективность.

Это было правильно, это было именно то, что я хотел увидеть с самого начала.

И, хоть прямо сейчас мне и хотелось стукнуть обоих лбами о голографическую таблицу запасов и спросить, видят ли они эти проклятые цифры, я промолчал. Это было уже моей задачей — обеспечить их всем необходимым для работы.

Нира дождалась, пока оба замолчат, чтобы набрать воздуха для следующего раунда, и ловко влезла в спор.

— Спасибо за напоминание, Патэль, — произнесла она негромко. — Действительно, ведь есть ещё Ржавый Рубеж.

Патэль осёкся на полуслове.

Мирх медленно повернулся к ней, и его широкое лицо стало настороженным.

Я тоже посмотрел на Ниру.

— Что такое этот Ржавый Рубеж? — скептически поинтересовался я.

— Ржавый Рубеж, губернатор, это ближайший крупный технический узел, — Нира говорила размеренно, как буд-

то читала рапорт, но обращение «губернатор» выделила язвительным тоном, подчеркнув мою неосведомлённость так, чтобы я понял всё, а остальные — примерно ничего. — Его население десятилетиями собирает из зоны Высокой Стены, старых аварийных городов и промышленных центров старые механизмы, силовые кабели, демонтированные энергоузлы, всякий металлолом. И особенно — топливный шлак. Шахтёры окрестных общин сдают туда руду. Почти за бесценок.

— Почему за бесценок? — уточнил я, хотя об ответе догадался раньше, чем задал вопрос.

Он лежал на поверхности и был мне хорошо известен.

— Потому что Гармония необработанное сырьё не берёт принципиально, им подавай уже готовые слитки, причём хорошего качества, из руды, которая перед плавкой прошла ещё и сортировку. А других покупателей сырца в радиусе трёх дней пути просто не существует. Рубеж — единственный рынок. Лискер это понимает и выставляет цену соответственно.

— А зачем им топливный шлак? — тут мне уже действительно было интересно услышать ответ.

Унц вывел перед нами объёмное голографическое изображение серо-чёрных, с небольшим медным проблеском, обломков, некоторые из которых слабо мерцали на сколах, как будто внутри них тлели непогасшие угли.

— Аварийный топливный шлак, — прокомментировал сервант, — образуется после аварий в результате разруше-

ния накопителей, приведших к неконтролируемым выбросам невыработанного топлива. Под воздействием атмосферы Пачук-9 топливо превращается в твёрдый шлак, который представляет опасность — он способен самопроизвольно нагреваться, выделяя при этом токсичные примеси, а может и взорваться. После сортировки и выдержки в условиях, соответствующих техническому регламенту хранения топлива, становится пригоден для контролируемой топки в промышленных печах низкого и среднего класса. Обеспечивает длительный высокотемпературный режим горения при минимальном расходе массы.

— Вот так бы сразу и сказал, — потёр ладони я. — Что этот шлак, оказывается, может быть нам полезен.

Мирх усмехнулся и сплюнул в сторону.

— Его покупают у Рубежа не от хорошей жизни, — со знанием дела произнёс он. — Он капризный, сволочь. Кусок, отсыревший в дороге или слишком запылившийся, может рвануть в топке так, что вынесет заслонку. А грязная партия, если где-то кто-то допустил ошибку в её хранении, может и всю печь подорвать. Но, правда, если партия нормальная, то шлак этот печь ест лучше и дольше, чем наши дохлые энергоячейки. Жар ровнее, расход меньше.

— Сколько стоит? — спросил я напрямую.

Мирх невесело усмехнулся, и эта усмешка рассказала мне больше, чем любые таблицы.

— У Лискера? Смотря кто спрашивает и зачем. Для обыч-

ного голодного шахтёра будет неподъёмно дорого. Для губернатора Колониальной Администрации — ещё дороже, потому что у губернатора точно есть чем платить. А для губернатора, которому срочно, вот прямо сейчас надо кормить плавленную печь, — он помолчал, — Лискер попросит не только цену в стандартных единицах. Он потребует право первым запускать руку в вашу кладовую. И не вынимать её, пока не нащупает дно.

— Не-не-не, — сказал я ровно. — Ни Лискер, ни кто-то ещё не полезет в мою кладовую. Я не для того в неё в клювике ношу всякое.

Лицо Ниры приобрело странное выражение, словно она подумала, что до того, как я оказался в этом теле искусственника, я был птицей.

— Тогда он захочет ещё что-нибудь, что вы ему дать не сможете. Или, если повезёт, может потребовать вашего инспектора, — ответил Мирх, и в его голосе была только суровая констатация факта о том, как устроена тут жизнь.

Нира демонстративно взялась за шпагу.

— Инспектор — не товар. К тому же, она не подчиняется приказам губернатора, а надзирает. Не надо путать, — твёрдо возразил я.

Нира чуть расслабилась, но руку со шпаги так и не убрала.

— Как угодно, — устало вздохнул Мирх. — Но это не значит, что вам захотят поверить. И тем более не значит, что потребуют более справедливую плату. Рубеж живёт не на чест-

ном слове. Если вы пойдёте к Лискеру просить, он будет торговаться до тех пор, пока не получит своё. Или пока вы не уйдёте ни с чем.

Нира, наконец, убрала ладонь с эфеса шпаги и снова взялась за планшет.

— Просить никто не будет. Мы придём с предложением, а не с просьбой. У Лискера тоже есть нужды. Вот их мы и предложим ему закрыть в обмен на закрытие уже наших нужд. С оплатой по фиксированному курсу, разумеется.

Глава 18. Планы на будущее

— Переведи-ка то, что ты сейчас сказала, с инспекторского на губернаторский, — попросил я и на всякий случай добавил. — Пожалуйста.

— На губернаторском, — ничуть не смутилась Нира, — мы предлагаем Лискеру сделку, в которой он гарантированно получает еду, которую он сам вынужден покупать, потому что ни выращивать, ни иным способом производить её ему негде — как и большинству на этой планете. Ещё мы предлагаем ему металл, который уже не нужно плавить, а значит — его можно перепродать дороже, чем то, что ему давали до этого. Взамен мы получаем топливный шлак для печей, пригодные кабели, запчасти и, главное, — она посмотрела мне прямо в глаза, — регулярные маршруты поставок. Причём маршруты прописываем отдельно и досконально. Каждый. Потому что если грузы будут выходить с территории Ржавого Рубежа под вашей губернаторской пломбой, вы получите не только топливо для производства.

Она сделала паузу, и я понял, что сейчас услышу главное. — Вы получите рынок сбыта.

Вот теперь картина начинала складываться.

Я посмотрел на огрызки рельсов у края площадки. Полосы металла вгрызались в пыль и уходили вдаль. Там, где-то в той стороне, но далеко, и располагался Ржавый Рубеж.

— Значит, вместо того, — я перевёл взгляд на свою команду, — чтоб бросаться обеспечивать поставками Гармонию, получая за наш труд жалкие подачки, мы начнём с того, что наладим прямой обмен между общинами. Это будет сильно выгоднее, и мы сможем заняться тем, чтобы автоматизировать процесс добычи, починить железную дорогу и возможности для дальнейшего развития всего производственного узла: Южный Отвал – Сухой Карьер – Ржавый Рубеж. В результате чего можно будет задуматься уже и о поставках в Гармонию. Будет, по большому счёту, даже не очень важно, что за копейки, поскольку косвенно мы всё равно будем иметь с них больше, но уже через посредников и перекупщиков. Главным будет — закрыть норму. Так я получу шанс не стать тринадцатым казнённым губернатором на этой свалке истории. Ну а тем, что добудем сверх нормы, будем распоряжаться на своё усмотрение.

— Данная схема не учитывает множество погрешностей, — подпортил радость Унц. — Тесак может набрать новую банду и снова начать нападать. С Рубежом пока ещё не достигнуты никакие договорённости. Гармония может оспорить законность натурального обмена с Рубежом. Общины... если они не окажутся верны лично вам, то начнут скрывать руду, как только почувствуют выгоду. А энергоячейки закончатся раньше первой стабильной поставки шлака.

— Гармония может спорить сколько угодно. Но ничего не добьётся, если опередить их с обоснованием и включить в

него формулировку «восполнение первостепенных нужд Колониальной Администрации для организации бесперебойных поставок в заявленном объёме». Совсем не обязательно в документах употреблять такие термины, как обмен и торговля, — с уверенным видом поддержала меня Нира, и я заметил, как уголок её губ чуть дрогнул.

Я посмотрел на неё — прямая спина, сухие движения. Инспектор знала суть дела лучше всех нас. И мне крупно повезло, что она оказалась в моей команде вопреки её должности.

— Шах и мат, Унц, — усмехнулся я. — Планируем встречу с Лискером.

Мирх хмыкнул, отстраняясь от металлического блока.

— С Лискером не разговаривают без конкретных предложений.

— Они будут. Унц, просчитай, как мы можем ускорить добычу руды текущими инструментами и сколько нам нужно будет шлака для её переплавки. Патэль, Мирх, поговорите с людьми, объясните ситуацию. Придётся поработать очень напряжённо. Выберите самых крепких шахтёров, которые выдержат нагрузку. Нира, с тебя, как обычно, оформление. А я пока подумаю, как преподнести Лискеру наше предложение, чтоб он не смог от него отказаться.

Едва я договорил, как перед внутренним интерфейсом всплыла строка.

Опять он!

ПАЧУК-9. ПЛАНЕТАРНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. СЕРИЙНЫЙ НОМЕР ПУИИ-9-117-А. АВАРИЙНАЯ ПРОВЕРКА ПРАВ.

Субъект доступа: Рэн Лисов. Временный губернатор Имперской Колониальной Администрации. Статус гражданских прав: ограниченный. Служебный мандат: действующий.

Факт воздействия: производственные группы Южного Отвала и Сухого Карьера провели первичную переработку рудного сырья под управлением временной губернаторской администрации.

Проверка: первая партия пластали низкого промышленного класса получена. Распределение продукции зафиксировано. Ремонтный фонд создан. Производственная деятельность восстановлена частично. Постоянная сырьевая база отсутствует. Энергетическое обеспечение нестабильно. Линия снабжения к внешнему техническому узлу не защищена.

Заключение: производственное право управления подтверждено частично.

Условие следующей проверки: обеспечить стабильный приток сырья. Обеспечить стабильный источник тепловой или электрической энергии. Установить защищённый маршрут обмена с Ржавым Рубежом.

Строки погасли. Я моргнул.

Планетарная система снова ткнула меня носом в половину

проблем, указав, что вот это, вот и вот это я сделал хорошо, а всё остальное — не сделал вообще. Вот Пуй, чтоб его! Сам бы попробовал придумать, где раздобыть то, чего нет, чтоб возродить производство, которое до меня разваливали как минимум десятилетиями.

Нет, не так, руины которого разваливали как минимум десятилетиями.

Меня охватила злость. Да что вообще этот планетарный интеллект понимает? Это меня бросили восстанавливать всё из ничего там, где не справились вполне себе опытные управленцы! Это мне выставили срок в два года, за которые я это «ничего» должен превратить в промышленный рай. Это для меня сейчас существуют только руда, печь, топливный шлак и разговор с Лискером — потому что ничего лучше я сделать для выполнения задачи не могу — нет ресурсов. А этот Пуй ещё и издевается. Да даже у Унца такта и понимания больше, чем у этого интеллекта.

Я незаметно сжал кулаки. Никто не должен видеть моё состояние. Для них я — губернатор, уверенный в каждом своём следующем шаге. Мои сомнения — только мои. Ответ за мои ошибки — держать мне. За мной уже пошло столько лубасири. Мне поверили Этони с Нирой, мне поверили Патэль и даже Мирх. Я не имел права показать им, что вообще никак не уверен в том, что делаю.

Заметят — тоже засомневаются.

А если засомневаются — всё, не смогут отработать так,

как мне нужно. Хорошо, если вообще работать хоть как-то будут.

Кто станет подчиняться приказам сомневающегося губернатора? Примерно никто.

Я развернулся к своим.

— Патэль, Мирх, помимо списков шахтёров, способных поработать ударно, мне нужны списки того, без чего добыча и производство в том виде, как они реализованы сейчас, попросту встанут. На улучшение условий труда пока не рассчитываем, но потихоньку думайте, что вам для этого понадобится в первую очередь. Реалистично думайте, а не мечтайте.

Патэль хмуро кивнул. Мирх задумчиво почесал подбородок и произнёс:

— Понял.

Нира даже не подняла глаз от планшета — скорее всего, уже придумывала правильные формулировки, благодаря которым меня не казнят в ближайшие дни за... да за что-нибудь!

— Унц, дополнительно проанализируй всё, что известно о Лискере и его аппетитах, и составь несколько вариантов наших предложений ему. Реалистичных, идеальные, будь так добр, даже не упоминай, чтоб меня не расстраивать.

Сервант чуть качнул сенсором — жест, который я понимал как «принято».

— Расчёт начат.

— Прямо почувствовал себя настоящим губернатором, — съязвил я. — Все при деле, особенно дроид.

* **

До казни осталось: 20 месяцев 21 день.

AZ-7 висел над керамобетоном на высоте в ладонь, не больше. А я стоял в ремонтном дворе, смотрел на него и изо всех сил заставлял себя не слишком радоваться. После того, как мы вывезли схрон Тесака, капризная дама удача решила, наверное, что слишком много везения выдала этому губернатору за один раз, и пора бы ему поумерить аппетиты. Чёрной полосой я всё это, конечно, не назвал бы, но дальше, стоило мне только найти хоть что-то полезное, в комплекте с этим полезным обязательно шла поломка, недостающая деталь или ловушка. Последняя встречалась особенно часто, кстати — будто кто-то знал, что именно может меня заинтересовать, и вполне намеренно эти ловушки устраивал.

Но сегодня у меня были основания надеяться, что всё пройдёт гладко.

Внутренний просторный двор казармы был полностью заставлен сокровищами, вывезенными из схрона Тесака. Ящики с игольниками составили в охраняемый складской модуль. Кассеты тоже убрали внутрь одного из помещений и, на всякий случай, сверху прикрыли керамопластовой перегородкой от греха подальше. Игольные кассеты вообще-то должны были быть герметичными, но срок годности этих ис-

тёк сотни лет назад, так что кто их знает. Мне, по крайней мере, точно не хотелось никому объяснять, почему мы потеряли треть боекомплекта. Кирасы, шлемы и другие индивидуальные средства личной защиты мы просто разложили на полках длинных стеллажей. Тяжёлую карьерную гравиплатформу припарковали в дальнем углу двора — время от времени она так и проседала на правый борт, и найти причину пока не удавалось. Прямо сейчас возле неё копошился Ринт, старший техник общины Сухого Карьера, которого нам в помощь прислал Мирх.

А посреди двора стояли два AZ-7. Те самые гравибайки из схрона. И один из них был на ходу!

Второй гравибайк Ринт безжалостно вскрыл, и сразу стало понятно, что он уже никуда не поедет до ремонта — под снятым кожухом обнаружились безжалостно оборванные контакты, под которыми, в керамопластовом лотке, валялся сдёрнутый с креплений стабилизатор. Починить байк было можно, но требовалось проверить работоспособность стабилизатора, закрепить его обратно на положенное место, а потом заменить провода. А предварительно, разумеется, всё это где-то достать или из чего-нибудь собрать.

Тот, кто проектировал эти байки, явно плевать хотел на красоту. Главным он посчитал надёжность. Чтобы байки заходились под дождём, в пыли и после кривого ремонта. И под седоком, который только-только научился держаться за руль. У байков не было ни одного обтекателя, ни одной изо-

гнутой или изломанной линии, на которой хотелось бы задержать взгляд или назвать красивой без кавычек. Это были честные рабочие лошадки. Эдакие тяжеловесы — простые и надёжные.

Откровенно говоря, для меня тоже ресурс всегда был важнее эстетики, а надёжность — важнее сомнительного комфорта. Если аппарат пережил своего пилота — то проект вообще можно считать очень удачным. А эти два гравибайка выглядели так, словно пережили уже не одного и не двух хозяев.

У первого байка тоже были проблемы, аналогичные гравиплатформе. Но в нём Ринт причину сумел откопать. И чинил её прямо сейчас. Техник стоял у открытого кожуха и держал в зубах зажим, одновременно умудряясь неразборчиво ругаться, на каждом слове рискуя зажим выронить. Но тот держался, словно был посажен на клей «Момент».

Техник был немолодым уже лубасири, с сухим лицом и глубокими складками у рта. Руки его были покрыты густой сетью старых ожогов и свежих царапин. Но зато Ринт смотрел на технику так, будто она обязана была бояться его сильнее, чем поленок. И имел на это, как я уже успел убедиться, полное право, обоснованное мастерством.

Ко мне Ринт, впервые оказавшийся внутри лагерного периметра и так же впервые увидевший воочию нового губернатора (и вообще первого, поскольку мои предшественники не особо стремились общаться с народом), пока присматри-

вался с осторожным уважением. Но оно в любой момент готово было перейти в профессиональное презрение, едва я умудрюсь ляпнуть глупость.

Я старательно молчал везде, где мог, пытаясь произвести впечатление умного. И даже своё сумасшедшее чувство юмора держал под строгим контролем, чтоб не отмочить чего лишнего.

Ринт не выдержал первым:

— Губернатор, харэ строить из себя непробиваемую стену. Я же вижу, как вы смотрите на этот байк. Ну говорите, что ли...

— Я, вообще-то, пытаюсь не лезть в вопросы, в которых я некомпетентен, — попробовал отмазаться я.

Ринт вынул зажим из зубов и ткнул им в сторону байка.

— Лезть и спрашивать — вещи принципиально разные. Что я, по-вашему, не понимаю, почему вы так надеетесь, что хотя бы этот байк заработает без проблем в ближайшее время?

Унц, стоявший за моей спиной, повернул сенсорный блок к Ринту.

— Моя поведенческая оценка совпадает с вашей формулировкой.

— Спасибо, железный, — хмыкнул я и тихо добавил. — Предатель.

— Это подтверждение наблюдения, — добил меня своей логикой Унц.

— Да уж, с комплиментами во временной имперской колониальной администрации явно беда... — подвёл я итог.

— Ладно, что с байком? — сдался я.

Не, ну а кто знает, вдруг лицо попроще сделает меня более уважаемым губернатором, а? Шахтёры Мирха не такие забитые, как южноотвалыцы, которых пришлось буквально отучать раболепствовать. Эти привыкли быть хоть и не наравне с правящим классом, но уж точно не на правах безмолвных рабов.

Унц, не дожидаясь, пока ответит Ринт, вывел схему байка на мой экран дополненной реальности, подсветив важные узлы и выделив красной точкой левый задний стабилизатор.

— AZ-7, военный вариант гражданского A-7Z. Период активной эксплуатации завершился триста-четырееста лет назад. Основные пользователи: разведчики, патрульные, пираты, контрабандисты. Управление: рулевая скоба, педали, вспомогательный нейропорт.

— Скорость у него какая?

— Максимальная скорость до трёхсот километров в час при исправных гравииузлах и отсутствии грубых ошибок при эксплуатации.

Ринт, как раз взявшийся за гаечный ключ, поднял его, как дирижёр палочку.

— Вот это вот про «грубые ошибки» надо выбить на кожухе. Каждый второй пилот думает, что ошибка — это когда машина уже горит. А она начинается ровно в тот момент,

когда ты решил, что она выдержит нагрузки сверх нормативов. А это военная машина, у неё нормативы далеко не по минималке установлены.

— Потолок высоты? — проигнорировал я реплику техника, хотя сказанное им на всякий случай запомнил.

Этони неслышно подошёл и встал чуть в стороне, сложив за спиной руки. После того, как мы вывели из схрона всё оружие, которого хватило бы на небольшую войну, Этони, и раньше не особо страдавший излишним доверием к системам безопасности, которыми был оборудован периметр лагеря, теперь окончательно перестал им доверять. Поэтому теперь к охране добавились люди. Двое бойцов изнывали от безделья на посту у ворот — скорее для вида и дисциплины. Ещё один сидел на самой высокой точке казармы и следил за всем сверху — своими глазами, а не через камеру дрона. У каждого модуля, будь то южный барак, столовая, административный или личный модули, теперь тоже стояло по бойцу. Но особое внимание было уделено складу и местам размещения гравибайков и платформы — их охраняли по двое. Причём не добровольцы из искусственников или подростков общины Южного Отвала, а бойцов самого лейтенанта.

Я Этони прекрасно понимал. Склад мы нашли, но тот, кто считал себя его владельцем, всё ещё был не пойман. А кто поручится, что у Тесака такой склад был всего один?

— До двадцати пяти метров, — произнёс Унц. — Над ровной дорогой в оборудованных для жизни местах, напри-

мер, в Гармонии. Рабочая высота на пересечённой местности — один-четыре метра. С учётом особенностей конкретно нашей местности добавлю, что поднятие выше пяти метров, помимо риска потери управления при боковом порыве ветра, также повлечёт за собой риск поражения стрелковым оружием врага.

— Унц, по-человечески скажи, — потребовал я. — Этими своими бюрократическо-юридическо-техническими формулировками с Нирой разговаривай, она их хорошо понимает. Неожиданно серванта опередил Этони.

Глава 19. Ни одного разбитого гравибайка

— Он сказал, — неожиданно опередил серванта Этони, — что губернатору летать на гравибайке не рекомендуется. Потому что на нашей пересечённой местности слишком велик риск либо не справиться с управлением, либо быть подстреленным Тесаком или кем-нибудь вроде него. Потому что гравибайк — не штурмовой бот, его пилот полностью беззащитен.

Ринт закивал с воодушевлением.

— Половине пилотов, летающих на таких драндулетах, мозгов не хватает. Я таких перебрал уже с десятков разбитых. И знаете, что у них общее? Пилот считал, что он умнее машины. Потом его родственники приезжали из Гармонии собирать зубы погибшего.

— Спасибо, Этони, спасибо, Ринт, — криво усмехнулся я. — Очень вдохновляющая речь.

Я обошёл AZ-7. Двести лет назад на таких тачках разведчики мотались вдоль линии фронта и возвращались, чтобы доложить, где враг. Контрабандисты катались на них через опасные зоны, зная, что гражданская техника не догонит. Да, гравибайк — не защищённый бот. Зато он тихий, быстрый, манёвренный и, при правильной эксплуатации, малозамет-

ный. И мне надо успеть научиться на нём ездить, пока он не понадобился по-настоящему.

Подошла Нира, деловито поинтересовалась, как обстоят дела с ремонтом. Я молча указал на Ринта. Тот, поковырявшись во внутренностях байка ещё немного, удовлетворённо хмыкнул, взял снятый кожух и принялся закреплять его обратно на место.

— Он готов? — спросил я.

Ринт воткнул диагностический кабель в нижний порт, дождался сигнала Унца, проверил крепление энергоячейки. Пальцы у него двигались по экрану планшета быстро и точно, без лишней суеты — видно, что он проверял так не меньше десятка таких же ушатанных машин.

Наконец, техник выпрямился:

— Готов. Но его бы ещё протестировать во дворе. За готовность к выезду за периметр лагеря подпишусь только после двадцати минут под нагрузкой, проверки педалей и настройки нейропорта под пилота.

— Под пилота — это под меня, — уточнил я.

Ринт громко вздохнул и огляделся в поисках кого-нибудь, кто смог бы меня вразумить. Наткнулся взглядом на Этони и решил, что лейтенант — единственный разумный в радиусе слышимости, поскольку губернатор явно не в себе.

— Скажите ему хоть вы...

Этони скрестил руки на груди. Жест спокойный, но я уже знал, что он так делает, когда включает режим инструктора.

А инструктор из него, прямо скажем, не подарок. Понятно, что таким образом Этони старается сохранить жизнь первому на его памяти губернатору Пачук-9, который начал делать хоть что-то для этой погрязшей в разрухе и бюрократии планеты. Но у губернатора — в смысле, меня, — вообще-то и своё мнение есть.

Но Этони это не останавливало.

— Губернатор, Ринт прав. Вы никогда не обучались водить такие байки. Полагаю, именно с обучения и стоит начать. На пустой площадке и под наблюдением кого-то, кто сумеет сделать так, чтоб вы не влетели на этой штуковине в стену.

Ринт вытаращил глаза на лейтенанта. Я сумел своё удивление не выдать.

— И этот «кто-то» — ты? — догадался я.

— Я, — подтвердил Этони и добавил немного ясности в своё решение. — Вы же всё равно попытаетесь сесть на этот байк. Так лучше под моим руководством, чем самостоятельно. Вероятность вашей смерти, как сказал бы Унц, снизится.

— По моим расчётам — не более чем на пятнадцать процентов. Но статистически вероятность смерти в семьдесят два процента лучше, чем вероятность смерти в девяносто семь процентов, — не преминул внести ясность мой ординарец.

— А ты-то когда успел научиться? — ехидно прищурился я, проигнорировав Унца.

Этони глянул на AZ-7, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на ностальгию.

— В юности гонял на гражданских A-7Z. Машины попроще, послабее и похуже. Среди молодёжи моего Дома такие байки были дешёвым способом выяснить, у кого из кузенов есть реакция, а у кого — только фамилия.

— Этони Бакто, вы сейчас признались, что были уличным гонщиком? — наигранно удивлённо ахнула Нира.

— Я признался, что юные лубасири из приличных, хоть и обедневших домов тоже бывают идиотами, — усмехнулся Этони, но по одному только лукавому выражению его лица стало понятно — да, уличные гонки в юности моего лейтенанта заняли немалый промежуток времени.

Ринт хмыкнул, но попытался это спрятать. Вышло так себе.

— Значит, инструктор у нас имеется, — ухмыльнулся я.

— Инструктор есть, — подтвердил Этони. — Но терпения и времени мало. Так что давайте договоримся — вы слушаетесь меня с первого раза и на время обучения забываете, что вы губернатор, а я — ваш подчинённый.

— Мне уже страшно от таких условий, — съехидничал я.

— Вот и хорошо. Больше страха — меньше переломов, — на полном серьёзе ответил мне Этони.

Ринт осуждающе покачал головой и перешёл ко второму байку.

— Совсем мёртвый? — зачем-то уточнил я.

— Заменить детали — не проблема, — произнёс Ринт. — Но их надо где-то взять. Необходима замена энергетической ячейки, чистка контактов, замена стабилизатора и повторная настройка баланса.

— Сколько это займёт времени? — не отстал я.

Ринт ответил сразу, даже не задумавшись.

— Минимум шесть часов, если никто не будет торчать над плечом, дёргая меня вопросом «Ну что там?». Если детали не найдём — придётся снимать их с платформы и точить переходник. Тогда выйдет дольше. Куда дольше. И сложнее.

— Имеешь в виду вон ту платформу? — я кивком указал на гравиплатформу из схрона.

— Её. Ваши не подойдут, — буркнул Ринт, словно пытаюсь оправдаться за что-то.

— Нира, мы можем как-то оформить необходимость поковыряться в ящиках из схрона? — повернулся я к непривычно молчаливому инспектору. — Я видел в описи, что там не только броня и оружие обнаружилось.

Нира коснулась экрана планшета пальцем.

— Нужно письменное обоснование необходимости срочного запуска гравибайка, — отчеканила она. — К нему копия акта приёма, допуск к тестовому управлению, гарантия ответственного техника и запись, что машина проходит проверку после изъятия из схрона незаконной вооружённой группы. Кстати, любое использование трофейной техники вне лагеря до регистрации я запрещаю.

— Оформляй, — бросил я.

Она подняла глаза. Во взгляде мелькнуло что-то среднее между удивлением и подозрением.

— Я ещё не закончила.

— А я уже согласился, — хмыкнул я. — Редкий случай. Пользуйся, пока не передумал.

Нира пожала плечами.

— Тогда добавляю — при выезде за периметр потребуется отдельное распоряжение и обоснование цели. Если вы уедете просто потому, что вам понравилась скорость, я квалифицирую это как самовольное использование трофейной техники, — пообещала инспектор.

Вот же стерва! Но хотя бы полезная! И красивая, что уж тут...

Ринт едва сдержал усмешку. Этони свою даже не стал прятать — так и остался стоять, скрестив руки, и теперь смотрел на меня, как смотрят на курсанта, который впервые увидел настоящую работу.

— Начинаем обучение, — произнёс лейтенант, и голос его сразу стал другим — сухим, рубленным, как приказ, который не обсуждают. — Губернатор, подходите к байку. За рулевую скобу не хватайтесь, пока я не скажу. Педали не трогайте. Нейрошунт не подключайте до команды Унца.

Спорить с ним было как спорить с гравитацией. К тому же, мне было нужно обучение, а не очередная порция морализаторства, поэтому я не стал указывать, что мне не надо

объяснять всё так, словно я младенец.

Я послушно подошёл к байку слева. Седло было выше, чем мне казалось со стороны — примерно на уровне пояса. Чтобы в него сесть, нужно было сначала поставить ногу на педаль — да, ту самую, которую нельзя трогать, — и перенести вес. Интересно, а что проектировщикам мешало сделать дополнительную подножку? Нежелание облегчать задачу пилоту и его инструктору?

Других причин я не увидел.

Рама была узкой, без намёка на возможный комфорт для седока. На гражданской машине, наверное, хотя бы подумали о заднице пилота. Здесь — только о том, чтобы разведчик доехал. Каждая деталь этого байка словно бы говорила — ты здесь не пассажир, ты — часть машины. И если перестанешь ею быть, машина это заметит раньше, чем ты.

— Теперь ногу на педаль, — скомандовал Этони. — Плавно перенесите вес. Хорошо, теперь корпус. Руки на скобу. Не вцепляйтесь, обопритесь легко. Если вцепитесь, то байк посчитает это командой.

Седло приняло мой вес, байк чуть просел, но тут же плавно вернулся на прежнюю высоту, чуть покачнувшись. Ну как чуть — я с трудом удержал равновесие, сжав раму коленями и с огромным трудом заставил себя не сжать пальцы на руле мёртвой хваткой.

Наконец, байк замер, и я посмотрел на Этони.

Лейтенант стоял справа, в полушаге, положив руку на ава-

рийную рукоять байка и готовый всё рубануть, если я вдруг решу устроить внеплановые гонки пилота-новичка.

— Теперь нейрошунт.

Ринт, словно только этого и ждал, подскочил к байку, что-то потянул и с щелчком вогнал в разъем моего нейрошунта коннектор байка.

Перед глазами появился запрос:

AZ7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ НЕЙРОПОРТ. ЗАПРОС ПОДКЛЮЧЕНИЯ.

— Подключать? — спросил я, и в горле тут же пересохло от дурацкой смеси азарта и понимания, что сейчас машина начнёт чувствовать меня так, как не чувствует ни один напарник.

— Рекомендуются подключение в тренировочном режиме, — ровно ответил Унц. — Таким образом вы сможете получать телеметрию, данные о тяге и балансе и предупреждения. Прямое управление через импульс заблокировано до подтверждения навыка.

— То есть байк сам не даст мне красиво убиться? — удивился я. — Умная машина!

— Нет. Ограничение выставлено мной, — внёс ясность Унц.

Я подтвердил запрос, и передо мной развернулся интерфейс. Сначала сухими цифрами внутренних предстартовых

тестов, потом графиками. И только после этого появилась довольно наглядная схема текущей рабочей конфигурации байка со всеми силами, балансами и данными. Информация о каждом узле указывалась цветом и цифрой. И я отлично видел, как меняется тяга, если, например, чуть сдвинуть руки на рулевой скобе, отчего нос байка дёрнулся, напугав тут же отскочившего в сторону Ринта.

Ощущение было странным. Не то чтобы я стал частью машины или она частью меня — всё-таки железо и человеческое тело очень разнятся по своим возможностям для ощущений. Но я словно бы обрёл дополнительную конечность. Воспринималась она как хороший бионический протез — послушный и подогнанный. Но всё равно — не часть меня.

При этом я всё же чувствовал состояние байка. Наверное, тут сработала психика, постаравшись сделать управление новым «протезом» максимально комфортным и интуитивным.

Я пробежался взглядом по схеме.

— Вижу баланс, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не как оправдание. — По схеме всё в пределах нормы, но мне кажется, что левый задний узел подрагивает.

Глаза Ринта на секунду расширились словно от удивления.

— Правильно кажется, — буркнул он, — полностью убрать вибрацию мне не удалось. Но вообще странно, что вы её заметили. Вибрация в пределах допуска, поэтому байк и показывает, что всё в порядке. Потому что всё в порядке.

— Принял, — кивнул я, не особо вдаваясь в подробности. В конце концов, вдруг это я просто такой вот чувствительный?

— Подъём на один метр, — скомандовал Этони. — Плавно надавите на правую педаль. Руль держите ровно. Смотрите туда, куда хотите ехать, не опускайте взгляд, иначе можете не успеть поднять — это же не низкоскоростная прогулочная платформа.

Я нажал на педаль. Мне показалось, что очень плавно, но AZ7 пошёл вверх так резко, что в животе у меня тут же появилось неприятное чувство пустоты.

Старое земное тело в такой момент непременно напомнило бы мне о возрасте, спине и здравом смысле — вернее, о его отсутствии. Новое тело искусственника держало равновесие не в пример лучше старого — мышцы отвечали на отклонение раньше, чем я успевал подумать о нём. Схема показывала отклонение в сотые доли градуса без задержек, и я корректировал его почти бессознательно.

— Хорошо, — сдержанно бросил Этони. — Очень хорошо. Теперь на метр вперёд. На самой слабой тяге.

Байк рванул на три метра — резко и зло, будто только и ждал, когда я совершу ошибку.

Этони едва не дёрнул аварийную рукоять, но в последний момент всё же разжал пальцы. Ринт выругался коротко и смачно. Унц включил предупреждающую сирену, и сразу на высокой громкости, переполошив ею половину лагеря и

едва не вынудив меня снова дать тягу.

— Превышение на тридцать семь процентов, — выключив сирену, отчеканил ординарец.

— Зато я не въехал в стену, — немного раздражённо возразил я.

Не понял, что ему не понравилось, если даже трясущийся над моей жизнью и здоровьем Этони посчитал, что останавливать меня не нужно?

— До стены оставалось одиннадцать метров, — ответил Унц. — Оптимизм преждевременен.

Подошёл Этони, снова взялся за аварийную рукоять:

— Вы сейчас сделали первую ошибку всех новичков. Вы решили, что «мало» — это как на грузовой платформе. На AZ7 «мало» — это едва заметное движение пальца. Машина лёгкая и резкая, создана для скоростного маневрирования. Соответственно, требовательная, и вы сейчас поняли, насколько. Теперь будем учиться поворачивать. Губернатор, прошу вас, не дёргайте руль. Если войдёте в боковое вращение, то мне придётся собирать вас по частям на глазах у инспектора Вейл.

— Инспектор Вейл оформит мою смерть, как нужно, — усмехнулся я.

— Напишу, что вы были предупреждены, — сухо вставила Нира.

— Инспектор Вейл, как ни крути, женщина. Зачем портить ей настроение видом ваших внутренностей, размазан-

ных по керамобетону?

Нира бросила на Этони такой взгляд, словно сейчас размажет по керамобетону его самого.

— Благодарю за заботу... лейтенант Бакто, — процедила она.

— Продолжаем, — оборвал я недовольство Ниры.

После попытки двинуться вперёд, которую жёстко осудил Унц, мне стало немного страшно перед поворотом, и нельзя было позволить этому страху разрастись.

Как ни странно, в этот раз я всё сделал правильно. Так что следующие двадцать минут под присмотром Этони я учился не мешать машине выполнять свои функции. Поднимался, опускался, проходил вдоль периметра — медленно, чувствуя каждую дрожь и каждое движение байка под собой. Разворачивался вокруг пустого ящика, который торчал посреди двора, будто нарочно поставленный для моей тренировки.

Один раз я слишком сильно нажал на левую педаль, и байк повёл носом так резко, что Ринт закрыл лицо ладонью — жест человека, который не хочет видеть, как техника убивает пилота. Этони, хоть и тщательно подбирая слова, меня отругал и заставил повторять упражнение до тех пор, пока движение байка не стало плавным.

Потом он приказал подняться на три метра.

С этой высоты двор выглядел совсем иначе, чем снизу. Ворота, складские модули, ремонтная стойка, серванты у периметра, казарма, жилые модули, северный и южный бараки

показались мне чуть ли не игрушечными в окружении стен, за которыми виднелась дорога на юг. Высота, пусть даже и совсем небольшая, меняла перспективу, открывая взгляду то, чего не увидеть, сидя, например, на грузовой платформе. А ведь на AZ7 можно подняться и ещё выше. Посмотреть вперёд, оценить расстояние и обстановку, увидеть засаду раньше, чем она сработает.

Не зря это были любимые машины разведчиков и контрабандистов.

— А теперь, губернатор, запомните главное. Скорость и манёвренность байка даст вам время, чтоб уйти от неожиданной атаки, — прозвучал голос Этони в канале связи. — Но она не сделает вас неуязвимым. Не высовывайтесь лишний раз на высоту, где вас могут заметить.

— Наставление принято, — коротко бросил я, чувствуя, как под кожей всё ещё гудит адреналин, а пальцы дрожат от непривычной точности управления. — Этони... Скажи — ты сам научился водить гравибайк или у тебя тоже был инструктор?

Лейтенант помолчал. Потом произнёс с усмешкой в голосе:

— У меня был старший кузен. Но он выражался чуть проще и с поправкой на то, что наши байки были гражданскими. Он говорил — если разобьёшь байк, я сломаю тебе руку. Это была хорошая школа. Именно после неё я начал ценить тормоза.

— Кузен жив? — уточнил я на всякий случай.

— Да, но хромает.

— Разбил байк?

— Три штуки, — хохотнул Этони. — Это было до того, как он начал учить меня. Я в итоге не разбил ни одного.

Глава 20. Ферма

Сверху я увидел, как к нам направляется Тала Кейя — снайпер из взвода Этони. Сухая, подвижная и гибкая, с коротко стриженными темными волосами, она двигалась легко и без суеты, непрерывно обводя взглядом окружающее пространство.

Этони обернулся к ней меня.

— Кейя?

Женщина остановилась у границы площадки, справедливо решив, что находится под работающей гравимашиной ей не стоит.

— Лейтенант Бакто, — Тала повела рукой, и перед ней появилась всем видимая схема дальних окрестностей лагеря. — Дальний дрон-разведчик с южного направления прислал информацию по старой водяной трубе у фермы Карса. Там трое вооруженных. Один труп местного у кормового навеса. Ещё двое стоят на коленях. Третий у вездехода. Бандиты забирают животных и воду.

Байк опустил на керамобетон резче, чем я рассчитывал. Ринт рванулся ко мне с видом человека, спасающего технику от начальственного энтузиазма.

— Сначала отключите порт, потом слезайте, ваше превосходительство! — выпалил он.

— Где эта ферма? — спросил я Талу, отсоединив нейро-

шунт.

Схема мгновенно превратилась в подробную карту с рельефом и отметками целей.

— Вот здесь. Это тридцать четыре километра от лагеря. Водяная труба ещё работает с помощью ручного клапана. Эти фермеры держали согросов, меняли мясо и жир на всё, что им было нужно. Тоже платили Тесаку. Сегодня, судя по всему, Тесак или его уцелевшие прихвостни пришли за своей данью.

Я бросил короткий взгляд на Ниру. Пальцы инспектора уже лежали на планшете, костяшки побелели. На лице Ниры не отразилось ничего, но по этим костяшкам я понял всё, что она не захотела показать. Она уже приняла решение и сейчас думала только над обосновывающими его формулировками.

И я с этим решением был полностью согласен.

Заметив мой взгляд, Нира подняла голову и кивнула.

— Ферма зарегистрирована под нашей защитой? — задал самый важный для протокола вопрос я.

— По текущим реестрам ферма Карса не подавала прямого обращения под защиту временной администрации, — сказал Унц. — Налоговые записи устарели. Последняя отметка водяного обмена была сделана четыре месяца назад.

— То есть юридически это не наше дело, — сжала зубы Нира.

Этони посмотрел на неё и сложил руки на груди.

— Фактически там трое вооружённых бандитов, один из

которых, возможно объявлен в розыск, собирают дань с фермы у водяной трубы в каких-то тридцати километрах от нашего лагеря. Это откровенный вызов. Если мы не ответим, то что будет завтра? Они начнут нападать на шахтёров Мирха? Совершать диверсии с нашей единственной печью? А потом по общинам, которые пока что сами по себе, пойдёт слух, что губернатор слаб и ни на что не способен. Как и его предшественники.

Долго я не думал.

— Тала, когда была получена запись?

— Семь минут назад. Дрон ушёл на круг, связь прервалась из-за старого металлического каркаса у трубы. Восстановится примерно через полчаса. Если бандиты будут грузить на вездеход согросов, то у нас есть около двадцати минут до их выхода на дорогу. Может, меньше.

— Что у них за оружие?

— Судя по записи, игольный карабин, короткий игпистолет и дробовик местной сборки. На карабинщике старая кираса. Шлемов нет.

Каблуки Ниры застучали по керамобетону, и вот она уже стояла передо мной, глядя прямо в лицо.

— Губернатор... Рэн... Защита гражданского лица подпадает под аварийные полномочия при прямой угрозе даже при отсутствии запроса со стороны такого лица. Но нужна группа. И транспорт, на котором эту группу можно быстро доставить до места. Группу можно собрать почти моменталь-

но, но транспорт, на котором можно успеть, всего один, и он не грузовой...

Я посмотрел на экран с картой. Тридцать четыре километра. Трое вооружённых бандитов. Фермеры на коленях. Один труп у навеса. Мне не было видно, есть ли Тесак среди этих бандитов, но даже если и нет — это ничего не могло изменить. Ферма платила дань даже не столько бандитам, сколько бандитскому порядку, который продолжал работать даже когда его хозяин скрылся в катакомбах. И если я сейчас не рискну, то этот порядок навсегда останется в силе. А я стану тринадцатым бесполезным губернатором на этой планете.

Я посмотрел на Ниру. В глазах инспектора велась борьба. Одна часть Ниры Вейл хотела, чтоб я спас этих бедолаг. Вторая понимала, что в нынешней ситуации это огромный риск для меня, и почему-то боялась.

И я даже знал, чего именно.

— У нас есть гравибайк, — твёрдо сказал я. — Иначе не успеть.

— Если вы сейчас просто сядете на байк и отправитесь на ферму, а там вас убьют, то в отчёте мне придётся написать «губернатор принял решение единолично, без учёта обстоятельств»...

— Если я погибну, мне будет уже глубоко плевать на формулировки, Нира, — я наклонился к инспектору, внимательно вглядываясь в выражение её лица.

На секунду мне показалось, что...

Нет, именно что показалось — Нира отстранилась.

— Я упомяну в отчёте, что успеть без байка было невозможно. К сожалению, заранее оформить спасательную операцию я не успею.

Нира произнесла это и поморщилась. Редкое зрелище: инспектор ИКА сама признала противоречие между процедурой и реальностью. И ей это причинило почти физический дискомфорт.

Этони уловил момент. Он всегда чувствовал, когда можно вставить решающий аргумент.

— Инспектор, большая операция здесь и не нужна. Нужен быстрый удар. Байк отлично подходит для подлёта и внезапного нападения. Вперёд пошлём дрон-разведчик, чтоб не попасть в засаду и оценить ситуацию на месте до того, как мы в неё ввяжемся. Следом за нами отправятся два бойца на малой платформе. У них будет всё необходимое для перевозки пленных и оказания первой медицинской помощи. Они придут как раз к моменту, когда мы с губернатором завершим операцию по освобождению.

— Вы отправитесь вместе? — воспряла Нира. — Кто пилот?

— Я, — сказал Этони.

— Я, — поправил его я.

Ринт закрыл глаза. Это был жест человека, который увидел столкновение двух характеров и заранее знал, чем оно кончится.

Этони повернулся ко мне.

— Губернатор, при всём уважении, у меня несравнимо больше опыта и...

— Ты нужен мне как стрелок и инструктор, — отрезал я.
— Если ты поведёшь, то я сзади буду просто лишним грузом с мандатом.

— Подождите, а разве у этой машины есть второе сиденье? — опомнилась Нира.

Ринт коротко кашлянул.

— Формально военный AZ-7 одноместный. Но у него есть откидная задняя площадка для наблюдателя, раненого или груза. Сидеть можно, но без удобств. При резком развороте пассажир будет крепко ругаться

— Этони, ты ведь умеешь ругаться? — со смешком уточнил я.

— Я много чего умею. Одного понять не могу — почему спорю с тем, кто впервые сел на гравибайк двадцать минут назад, — буркнул Этони, — вместо того, чтоб молча самому сесть за руль.

— Потому что губернатор здесь — я, а не ты, — пояснил я.

— Это плохой аргумент, — заметил Унц.

Нира подняла планшет. Время спора кончилось.

— Губернатор, время. Какое решение?

— Выезжаем, — твёрдо бросил я. — Я веду. Этони сзади. За нами два бойца на платформе, с медицинским набором

и средствами фиксации. Унц, ты на связи. Тала, управляет дроном-разведчиком и всё фиксирует. Нира, с тебя отчёты и обоснования — в общем, всё, в чём ты хороша, как никто другой.

Нира мой скромный комплимент даже не услышала. Она уже работала, её пальцы двигались по экрану невероятно быстро, лицо оставалось сосредоточенным — она строила сложную юридическую конструкцию, которая должна была в очередной раз прикрыть мою голубокожую задницу.

— Оформляю выезд как экстренное пресечение незаконного вооружённого сбора дани у водяной точки с угрозой жизни гражданским лицам. Другого скоростного транспорта у нас нет, поэтому использование трофейной техники записываю как вынужденное. Ответственный за технический допуск — Ринт. Ответственный за безопасность операции — лейтенант Бакто. Ответственный за окончательное решение — вы.

— Звучит примерно как «ты — крайний», — усмехнулся я.

Хотя так оно, по сути, и было.

Ринт поставил пломбу временного допуска и ударил ладонью по раме. Звук вышел глухой, уверенный — так стучат по технике, которую проверили и отпускают в рейс.

Этони сразу сел на откидную площадку и закрепил страховочный карабин на ремне. Сделал он это молча, но по лицу читалось всё, что он обо не думает.

— Удобно? — поинтересовался я и, увидев, как лейтенант мотнул головой, добавил. — Значит, по дороге не заснёшь.

Ох уж эта чёртова моя привычка тупо юморить, когда в кровь уже вбрызнулась боевая порция адреналина.

Нира подошла ближе. Быстро и почти неслышно — я заметил, что она оказалась рядом, только когда её планшет качнулся в на краю периферийного зрения.

— Рэн...

Она стояла так близко, как никогда не позволяла себе при посторонних, и смотрела не на планшет, а на меня.

— Что?

К адреналину добавилось что-то ещё. Что-то волнительное. Ощущение, которое испытываешь, только глядя на женщину, которая для тебя весьма и весьма привлекательна.

— Бандиты нужны нам живыми, если получится, — официальным тоном произнесла Нира. — Хотя бы один из них.

— Постараемся, — пряча разочарование (всё-таки я ждал иного), кивнул я.

— И ещё...

— Да?

Нира вздохнула, снова вызвав во мне волну приятного предвкушения.

— Защита фермеров не должна стать личной дуэлью. Вы губернатор, вы не должны ставить месть выше долга. Ваша задача — восстановить производство и сделать жизни сотен и тысяч местных жителей лучше. А не гоняться за первым

же бандитом, которого вы записали в личные враги.

Фраза была правильная. Но неприятная, поскольку попала именно в то, о чём я думал, но не хотел признавать даже самому себе.

А ещё мне, несмотря ни на что, всё равно почудился за ней какой-то завуалированный смысл. Женщины так умеют — сказать одно, а смыслов вложить ещё несколько. Жаль только, что мы, мужчины, даже если это и замечаем, всё равно не понимаем — разница мышления налицо.

— Я не полезу мстить, Нира, — пообещал я.

— Тогда езжайте, — инспектор отстранилась.

Я заставил себя выкинуть мысли о Нире из головы и сел на байк.

На первых километрах вне лагеря я почти не дышал — было не до того. Мне приходилось отслеживать одновременно высоту, боковой ветер, угол наклона носа (умная электроника называла это мудрёным словом «тангаж», что, естественно, мне ни о чём не говорило), предупреждения Унца в интерфейсе и вес Этони сзади, который сместил баланс так, как не было прописано ни в одной учебной схеме.

Машина действительно не прощала расслабухи. Пыль билась по фильтру, мелкие камни щёлкали по днищу и подошвам сапог, сухой воздух резал горло даже через защитную маску.

А потом я привык. Начал ровнее держать скорость. До трёхсот не разгонялся даже близко — очень хотелось жить. Но до сотни сумел дотянуть.

Этони молчал, лишь изредка бросая короткие команды: — Ниже. Левее. Чуть выше.

Старая водяная труба сначала тянулась вдоль низкой полуразрушенной керамобетонной стены, построенной в незапамятные времена, чтобы остановить опустынивание, и только потом выходила на открытый участок возле фермерского хозяйства. Рядом стоял колёсный вездеход с приметными тремя красными полосами на борту. У кормового навеса лежал лубасири, и по неестественно вывернутой шее было ясно, что его спасать уже нет смысла. Двое фермеров так и стояли на коленях у загородки, и их позы говорили о том, что они окончательно сдались и ни на что уже не надеялись. Зато надежда вперемешку со страхом светилась во взгляде молодого парня у вездехода.

Бандиты никуда не спешили, словно были уверены, что никто за ними не придёт — случай с бандой Тесака ничему их не научил. Что и неудивительно, в общем — он был пока всего один. А сегодня я устрою второй прецедент.

Возле загона лежали несколько туш крупных животных. Тёмные панцири, толстые ноги, широкие головы — согросов я узнал сразу, хотя вживую видел впервые.

— Они забивают согросов, — произнёс Этони у меня за спиной. — Всех подряд, чтоб молодняк больше не появился. Это не дань, губернатор.

Я мысленно себе кивнул. Да, это была не дань, как я и думал. Это был показательный акт жестокости. Карательная

акция и толстый намёк — мне.

— Какой план, Этони? — спросил я.

— Остановимся за насыпью, там нас ещё не будет видно. Дальше пешком. Я беру карабинщика. Вы работаете по тому, что с пистолетом. Третьего с дробовиком я сниму после первого, если успею. Если не успею — он ваш.

— Понял.

— И ещё, Рэн...

— Что?

— Не разговаривайте дольше, чем нужно для в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.